

Дмитрий Дубинин

ДЕНЬ

СКАРАБЕЯ

В квартиру к бизнесмену средней руки Сергею Лихоманову, который когда-то постигал «особые» приемы ремесла на Кубе, приходит его старый друг. Он совершил тяжкое преступление и просит на время укрыть его вместе с подельниками. Лихоманов узнает об этом слишком поздно, и с этого момента его жизнь становится почти невыносимой.

Примерно в это же время в город, где живет Лихоманов, приезжает его деловой партнер. Он не узнает город — в нем пусто, ни одного живого человека. Только брошенные машины и древний мусор.

В этом городе людям придется делать нелегкий выбор, сталкиваться со сверхъестественными явлениями, смертельными опасностями и решать для себя — есть ли пределы для любви, дружбы и ненависти.

ПРОЛОГ

*Полная луна тяжело восходит
Над безмолвным холмом.
Красная трава на его вершине.
Дзюэмон Котомура*

Под рифленным навесом жара казалась лишь немногим слабее, чем на открытой тропическому солнцу улице. И все же большой термометр со шкалой Фаренгейта уверял, что в мастерской всего лишь семьдесят пять градусов — даже до тридцати по Цельсию не дотягивает. Пустяки, словом, особенно для тех, кто привык.

Автомеханик по имени Хосе Норьега, без сомнения, считал подобную температуру приятной прохладой, особенно если под открытым небом никак не меньше ста градусов. Но сейчас мастер не прохлаждался. На его усатом лице, чертами напоминающем гордые анфасы испанских грандов с полотен Эль Греко или Веласкеса, было хмурое выражение. В длинных темно-коричневых пальцах Норьега крутил свечу зажигания, только что вывернутую из двигателя стоящего в мастерской «Доджа» образца пятьдесят восьмого года и, вполне возможно, именно эта свеча заставила мастера хмуриться, словно бы делая его лицо еще более темным. Цветом кожи Норьега более походил на негра, нежели на гранда, и черные пятна нагара на жилистых руках были не слишком заметны даже при свете двух довольно ярких электрических ламп, висящих под потолком. Третья лампа, установленная на верстаке, за спиной механика, тоже была включена. Она освещала разобранный распределитель зажигания от какой-то громадной машины и снятую с него крышку с бегунком — даже издали видно, что навсегда вышедшим из строя.

Посетитель мастерской догадывался, почему на лице мастера появилось хмурое выражение. Ведь он уже дважды обращался к Хосе с просьбой, довольно удивительной для иностранца, да к тому же русского. И дважды Норьега выпроваживал посетителя за дверь, уверяя, что тот обратился не по адресу.

И вот теперь назойливый русский пришел опять. Норьега почти неслышно вздохнул, взял с верстака пальмовое волокно и принялся счищать со свечи нагар уверенными, отработанными за много лет движениями. Длинная прядь по-индейски черных прямых волос, перехваченных банданой, свалилась из-за плеча на инструмент. Мастер с досадой тряхнул головой и обратился к пришельцу, не глядя на него и не прекращая своего занятия:

— Я ведь говорил уже тебе: у меня достаточно учеников, чтобы брать новых, да еще таких, которые скоро уедут отсюда к себе домой. Ко мне в прошлом году приходили гринго — настоящие американцы из Детройта с такими же просьбами. Ты знаешь, что они предлагали мне? Несколько наборов инструмента, шикарный выбор запчастей по каталогам «Крайслера» и «Дженерал Моторз». И денег столько, сколько я за всю жизнь не заработаю. И только для того, чтобы понять, каким образом по нашим улицам ездят их машины пятидесятых годов и при этом не рассыпаются в пыль... Я отказал. И тебе тоже отказываю, если ты еще этого не понял... Да ведь и нет у вас в России таких машин.

Хозяин мастерской замолчал, всем своим видом стараясь показать, что посторонним пора убираться. Похожий одновременно на европейца, индейца и негра — словом, истинный кубинец — жилистый высокий мужчина неопределенного возраста, одетый в зеленую

тенниску и драные джинсы, казался посетителю — молодому советскому инженеру — кем-то вроде технократического идола. Норьега был одним из тех редких даже для Кубы автомехаников, которые обладали истинной властью над машинами. На Острове Свободы не так уж много машин... Но и не так уж мало. Здесь больше, чем в любой другой стране мира, древних американских чудовищ с необычайно мощными для нашего времени моторами. Редко где встречаются более свежие — те же «американцы», но поскромнее, нечасто увидишь японскую или европейскую марку; их ввозили в страну, как правило, в обход множества законов. Попадают «Лады» выпуска семидесятых — восьмидесятых, эти уже экспортировались официально. По льготам соцлагеря — в обмен на сигареты и тростниковый сахар... Но на чем бы ни ездили местные автовладельцы, объединяет их общая проблема — жуткий дефицит и бешеная дороговизна запасных частей.

Кубинский автомеханик — это не просто ремесленник. Он — виртуоз и импровизатор, использующий инструмент механический с таким же мастерством, с каким великий джазмен владеет инструментом музыкальным. Из обрезков металлического прута местный мастер делает винты и гайки, из старых товарных контейнеров — детали кузова. Изъеденные ржавчиной и годами эксплуатации детали двигателя, коробки передач и ходовой части он может отшлифовать до состояния вновь сделанного на заводе. Течет радиатор — ну что за проблема — горсть маниоковой муки разбухнет в охлаждающей мотор воде и забьет микротрещины... Не работает аккумулятор — и это не страшно: вытащим свинцовые пластины, заново перельем их в давно изготовленной форме, и поставим обратно. Ревет глушитель — заменим «родной» патрубок обрезком любой подходящей по размеру трубы, хотя бы вон тем, что притащили вчера мальчишки, шнырявшие где-то в районе строящегося автозавода, который вот уже пятый год не могут довести до ума эти русские со своей «перестройкой»... Гринго, кстати, уже давно прозвали новую советскую политику «дестройкой», но на то они и гринго, что с них взять...

— У нас действительно нет таких машин, — согласился русский, с трудом подбирая испанские слова. — У нас есть другие. В основном сейчас приходит много автомобилей из Японии. Это старые машины, в которых мало кто разбирается. Японцы их просто выбрасывают, а к нам их привозят и пытаются заставить работать. Причем основательно, на долгие годы.

— Но ведь ты же не механик, — Хосе перестал терзать свечу. Много машин из Японии — уже интересно. Если там их выбрасывают, значит, машине не больше пятнадцати лет. А то и десяти. По кубинским меркам — совсем новые.

— Я работал в автомастерской, когда учился, — сказал инженер. — И даже думал открыть кооператив по ремонту машин после окончания института. Но мне повезло попасть в группу, которую направили сюда на строительство завода. Когда я вернусь, то все равно открою СТО. А сейчас мне просто необходим определенный опыт, который я смог бы здесь приобрести.

— Но почему ты из инженеров хочешь уйти в механики? — Норьега с трудом, но все же понимал слова, произнесенные с ошибками и тяжелым акцентом.

Русский невесело усмехнулся:

— Даже в прежние времена средний автослесарь в Советском Союзе считался более успешным человеком, чем средний инженер. В ближайшем будущем, вероятно, будет еще хуже. Мы внимательно читаем наши газеты и слушаем наше радио, чтобы понять — дома происходит что-то очень странное. Доходит до того, что на государственных заводах просто

не выплачивают зарплату. Потому многие и уходят в кооперативы. И я тоже уйду. Мы должны были проработать здесь целый год, но теперь нам сказали, что через три месяца всех нас отправят домой. Наше начальство решило не достраивать автозавод.

— Подожди, подожди... — Норьега выволок из-за верстака сравнительно чистый табурет и предложил молодому человеку сесть. Сам устроился на деревянном ящике. — Это как понимать? Завод не будет достроен?

— Видимо, нет. Я не знаю всех причин, наш шеф почти ничего не говорит. Вроде бы решено расторгнуть контракт. Причем на самом высоком уровне.

Норьега прикурил огрызок сигары и задумался. Если парень не врет, то это плохо. Получается, что новых рабочих мест не будет, безработных меньше не станет, а значит, не появятся и более-менее обеспеченные клиенты. «Лады» кубинской сборки не появятся тоже. Не самые лучшие машины, конечно, но пока существуют «Лады», автомеханикам не приходится жаловаться на отсутствие работы.

— И ты скоро уезжаешь?

— Месяца через три. За это время я надеюсь хотя бы немного понять, каким образом вы умеете делать из старых машин новые. Если мне скоро на самом деле придется возвращаться, я бы не хотел тратить зря время.

— Трех месяцев маловато будет, — покачал головой мастер. — Да и уверен ли ты, что тебе это пригодится, когда ты вернешься домой?

— Когда мы вернемся, то неизвестно, сколько будем зарабатывать. Шеф намекает на то, что, возможно даже, нас всех уволят... Сеньор Норьега, у меня есть деньги. Я почти ничего не тратил с тех пор, как стало известно, что наша работа прекращается.

— Не говори о деньгах. У тебя их все равно мало. Я еще раз спрашиваю: ты уверен, что это тебе надо? Ты и без этого сможешь по возвращении домой со временем стать хорошим механиком. Тем более, какой-то опыт у тебя остался.

— Я не хочу быть просто хорошим, — заявил молодой человек. — Я хочу быть лучшим.

Хосе внимательно посмотрел в лицо инженера. В глазах того горел почти фанатичный огонь. Такой — мастер это знал — встречался только у тех, кто впоследствии действительно становился специалистом высокого класса.

— Когда ты готов приступить? — спросил Норьега.

— Сегодня, — быстро ответил русский.

— А как же твоя основная работа?

— Ее почти нет. Мы сейчас в основном бездельничаем. А тупо пить ром или валяться на пляже мне не хочется.

— Ладно. Жду тебя через час. Или два. Денег мне не надо. За три месяца ты их и так отработаешь. Но если сегодня не придешь, больше не появляйся.

— Я обязательно приду... И еще, сеньор Норьега. Можно вопрос?

— Задавай.

— Это касается некоторых особенностей работы... Только пообещайте, что не выгоните меня, когда я его задам.

— Не буду. Ты уже убедил меня в том, что хочешь работать.

— Разговоры в городе ходят, сеньор Норьега... Будто бы вы... И некоторые другие механики... Используют... Как это будет по-испански... Не совсем традиционные методы. Особенности.

— Ты знаешь, почему Кубу до сих пор даже гринго не могут победить? — спросил Норвега.

— И почему?

— Потому что каждый кубинец днем посещает партийное собрание, вечером — церковь Девы Марии, а ночью — колдуна Вуду.

Инженер пристально поглядел на механика, но понять, шутит тот или нет, не сумел.

— Так как же насчет некоторых особенностей работы?

— Если ты боишься насчет твоих убеждений, партийных или религиозных, я тебе уже все объяснил.

— Но эти особенности действительно есть?

— Поработаешь — узнаешь, — просто сказал Норвега. — Может быть, — решил затем добавить он.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кошмар начался минутой спустя после того, когда Надежда сообщила своему телефонному собеседнику, что она его ненавидит. До этой минуты Сергей предполагал, что он знает о кошмарах все. Однако он ошибался.

Свалившейся как снег на голову пару дней назад Наде выделили комнату Егора, самого же сына попытались переселить в зал, одновременно служащий и спальней родителей. Егор демонстративно перетащил компьютер в узкий чулан, располагающийся сразу направо от прихожей, не менее демонстративно установил там же кушетку, и не высказал ни малейшего желания ночевать в одной комнате с родителями — четырнадцать лет, это вам, как-никак вполне сформировавшийся подросток, чертовски самостоятельный, давно уже неласковый и уверившийся в том, что Лихомановы-старшие ни бельмеса не понимают в этой жизни. Может быть, даже меньше, чем эта полусумасшедшая Надежда — эта повидала куда больше, с ней хоть интересно поговорить бывает...

Нервный вздох Нади заставил Сергея непроизвольно поморщиться: сейчас эта взбалмошная кинется к своей старшей сестре, и опять начнет ныть про то, какой ее этот Гоша или Тоша козел и тряпка, и какие все мужики сво. А Ире придется поддакивать. Спорить нельзя — себе дороже выйдет. Потому-то неожиданному звонку в прихожей Сергей только обрадовался — в любом случае это оттянет использование его жены в качестве жилетки хотя бы на несколько минут, а если повезет, то до следующего общения Надежды по телефону; настроение у довольно молодой еще женщины менялось быстрее, чем погода весной.

В этом плане, конечно, Сергею повезло.

— Кто там? — спросила Ира, подойдя к входным дверям и открыв внутреннюю.

— Серега дома? — послышался мужской голос из-за внешней, обшитой стальным листом. Знакомый вроде бы голос, странно слегка прерывающийся.

— Дома, — подтвердила Ира, глядя, как Сергей энергично закивал головой. — Кто его спрашивает?

Ну теперь-то уже что разбираться? — подумалось было Сергею. Кажется, он узнал, кто там, за закрытой дверью.

— Пашка, ты, что ли? — спросил он.

— Я! Открывай, мухомор!

Так мог сказать только Паша Кутапин. Сергей усмехнулся, думая о том, что со школьных времен его друг совсем не изменился... Сколько же лет они не виделись, начал он прикидывать, открывая дверь. Шесть?

На лестничной площадке, освещаемой мутноватым светом матовой лампочки, закрытой вместо плафона литровой стеклянной банкой с потеками известки, стоял Паша — не узнать его было невозможно. Хотя изменился он, надо признать, здорово.

— Зайду? — спросил он и, не ожидая ответа, шагнул через порог. Мужчины пожали друг другу руки.

— Какими судьбами? — спросил Сергей.

— Сложными, — криво улыбнулся Паша, показав щербатые, явно нездоровые зубы. — Большая проблема у меня, старик. Сможешь помочь?

— Ну, чем смогу... — Сергею не нужно было напрягать память, чтобы вспомнить

сложную ситуацию, в которой бы Паша не выручил когда-то его, Сергея. Когда в седьмом классе например, Сергея местные великовозрастные пытались ставить на счетчик, Паша не по годам элегантно разрулил возникшие было сложности. Когда в восьмом классе Сергей едва не «потерял лицо», пытаясь достать аппаратуру для стихийной дискотеки, Паша нашел все за полчаса. Когда на втором курсе Сергей обхаживал Лену, и та наконец согласилась на ночную встречу, то Паша и его мама, добрая одинокая женщина, без малейших вопросов предоставили под эту встречу одну из комнат в их квартире. Впрочем, и Сергей выручал Павла, в основном, деньгами; Кутапин семь-восемь лет тому назад часто брался за разные авантюры, постоянно «прогорал», и Лихоманов, будучи тогда на подъеме, частенько ссужал друга средствами, не слишком заботясь о сроках возврата. Павел, впрочем, почти всегда возвращал вовремя.

Дружба эта держалась, конечно, вовсе не на подобной взаимопомощи. То есть, не только на ней. Почти у каждого мальчишки в детстве был такой друг-приятель, с которым можно было прогулять контрольную, смастерить модель планера, выкурить втихаря сигарету, сходить в кино, обсудить особенности Наташки из девятого «А»... И если впоследствии, когда мальчишки становятся мужчинами, друзья не потерялись, значит, дружба эта настоящая, и нет ей видимого предела.

— Мне надо побыть у тебя какое-то время, — сказал Паша. И очень серьезным тоном.

Вот так. Не самый лучший момент он выбрал, это уж точно. У Егора каникулы, но отправить его пока никуда не удалось. Иринка в отпуске... И ее сестра — еще та проблема. А что, если Паша оттянет эту проблему на себя? Надеяться на это глуповато, но может быть, есть какой-нибудь смысл?

— Думаю, можно. Ты уже приехал? Прямо сейчас зайдешь? — спросил Сергей.

— Привет, Ира! — вместо ответа сказал Павел вновь появившейся в прихожей супруге старого друга. — Отлично выглядишь.

— Здравствуй, Паша. Спасибо... Ты знаешь, у нас... — Ира замаялась.

— Все нормально, — сказал Сергей, повернувшись к жене.

— Ну, тогда я сейчас... Подожди пару минут.

Павел покинул квартиру и загремел подошвами по лестнице, не дожидаясь лифта — четвертый этаж, не так уж и высоко...

— По-твоему, у нас квартира резиновая? — риторически спросила Ира.

— Это я уже у тебя спрашивал, когда притащилась Надька, — тихо ответил Сергей.

Конечно, мадемуазель Семичастнова, младшая сестра Иры, далеко не подарок. И уже не впервые она доказывает это как самому Сергею, так и Ире; не иначе, младшая доказывала это старшей еще до замужества последней, когда обе они жили вместе под одной крышей. С тех пор прошло какое-то время, Ирина и Надежда вроде бы разъехались по разным углам, но периодически наступали моменты, когда младшая разбегалась с «очередным» и отправлялась зализывать сердечные раны к сестрице.

Не подарком оказался и визит Паши. Кутапин вернулся спустя минуту, и вернулся не один, а с тяжело дышащей девушкой, которую Лихоманов увидел впервые. Вместе с ней Павел втащил в прихожую не более знакомого Сергею мужчину, с трудом передвигающего ноги и согнутого в пояснице.

«Пьяный», — мелькнула в голове мысль. И исчезла, когда Сергей увидел кровавые пятна на руке неизвестного, которую тот прижимал к боку. Борт его куртки тоже был весь в крови.

— Господи, что случилось? — Ира не на шутку встревожилась.

— Это ее брат, — Паша, пыхтя, усаживал мужчину с бледным, измученным лицом на табурет у стены. — Попали в аварию прямо у вашего дома.

— Может, вызвать... — начала было Надя, тоже уже стоящая в прихожей. Егор с горящими от любопытства глазами жадно смотрел на происходящее возле двери.

— Не надо никого вызывать, — почти хором возразили Паша и девушка. Да и пострадавший тоже попытался что-то сказать, по-видимому, и его прозвучавшее предложение не сильно устраивало.

Выглядел он действительно как жертва катастрофы. Черные волосы всклокочены, на бледном лице не то царапины, не то следы ударов. На серой спортивной куртке кровь, легкие синие джинсы в грязи. Возраст определить почти невозможно, но, скорее всего, постарше Паши будет. Хотя Паша, как это порой бывает с небольшого роста блондинами, обычно выглядел моложе своих лет, чему в школьные времена частенько огорчался. Сегодня он вполне соответствовал своим тридцати семи, а вот девушке — высокой, худощавой, русоволосой, вряд ли исполнилось двадцать пять. Словом, возраст у всех из компании был разный, чего не сказать об одежде — словно бы своего рода униформе. И Паша, и девушка, подобно их раненому спутнику, носили почти одинаковые серые куртки и синие джинсы. Более безликое облачение трудно придумать.

— Плохо ему, — истерическим тоном произнесла русоволосая. — Нельзя его положить где-нибудь?

— Врач сейчас будет, — заявил Паша.

Впоследствии Сергей решил, что именно в тот момент усомнился в истине слов старого друга и заподозрил неладное... Но тем не менее распорядился:

— В спальню несите. Разуваться не надо... Егор, не стой столбом, покажи дорогу.

Ира напряженным взглядом следила за процессией. Лоб ее собрался в морщины: если даже она и сочувствовала пострадавшему, невозможно было не думать о том, что линолеум сейчас донельзя будет заляпан, шкафчик с лекарствами — опустошен, а постельное белье придется выкинуть...

Охающего и стонущего мужчину положили на кровать Егора, временно занимаемую по ночам Надей. Надежде, кстати, нашлось дело — сестра отправила ее принести графин с водой, сама же пошла за аптечкой. Павел и девушка суетились вокруг кровати, помогая раненому расстегнуть куртку. Куртка за что-то зацепилась, девушка грязно выругалась — Сергей даже поморщился. Хотя ладно, стресс, видимо, не слабый, сам в ДТП не раз попадал в курсе, что это такое.

Когда вода и лекарства поступили, а куртку и рубашку сняли, раненый потерял сознание. Его правый перепачканный кровью бок был кое-как забинтован. Девушка, приняв воду и бинты, осторожно принялась очищать кожу и снимать старую перевязку. Под кровью обнаружилась татуировка — церковь с немалым количеством куполов, возле небольшой совсем раны, можно сказать, крошечной, у нижнего ребра...

— Это что ж за авария-то у вас случилась? — Сергей повернулся к Павлу. — На рычаг, что ли, налетел? Непохоже.

— Я съем свои кроссовки, если это не пуля, — важно произнес Егор. Кроссовки ему были куплены Ирой на распродаже, естественно, даже близко не фирменные, а посему сын всячески их игнорировал, сказав даже однажды в сердцах, что ему «в падлу» такие носить. Конечно, он схлопотал от матери оплеуху за подобное выражение... Но что делать, если

отцовский бизнес давно уже не приносит денег, достаточных для того, чтобы покупать настоящий «Рибок», да и вообще, соответствовать.

Русоволосую будто дернуло током. Она резко обернулась к окружающим. На ее лице появилось выражение ярости.

— Действительно, огнестрел, — пробормотала Надя. Недоучившийся следователь, как-никак. — Надо милицию вызывать, это же не шутки.

— Убери это! — вдруг незнакомым голосом рявкнул Павел. Надежда вздрогнула и едва не выронила мобильник. — Объясню: наш друг скрывается от бандитов. Причем от серьезных бандитов, которым вся эта милиция никуда не упирается. Если вы вызовете милицию, или еще куда позвоните, его скоро убьют, да и вам плохо сделают.

— Да, лучше не надо никуда звонить, — с кривой гримасой произнесла девушка.

— Но у него же пуля где-то под ребром, — сказала Надя. — В любом случае нужен врач.

— Врач будет, — с уверенностью произнес Павел. — Дайте нам прийти в себя, и мы все порешаем. Главное — не беспокойтесь, мы постараемся поскорее уйти и не напрягать вас.

Потом Сергей думал, что в этот момент он все же поверил Паше.

Ирина стояла в проеме двери, молча наблюдая за суетой. Девушка не слишком умело обрабатывала рану, Надежда взялась ей помогать. На полу потихоньку росла куча окровавленных обрывков. Егор терся возле Павла: ему явно хотелось удовлетворить свое любопытство, но Кутапин пока молчал. Сергей тоже не приставал с расспросами: надо будет, расскажет. Вот ведь повезло, что называется! Если даже вообразить, что сейчас неожиданно появится врач, который в состоянии будет извлечь угодившую в бок пулю, этому типу наверняка нельзя будет вставать еще несколько дней как минимум. А это значит, что тут периодически будет торчать Пашка с девицей... При этом надо сделать так, чтобы все домочадцы держали язык за зубами — вдруг этот мужик и впрямь скрывается от бандитов?.. Или от кредиторов, что не имеет особого значения, поскольку озлобленный кредитор бывает ничем не лучше разбойника с большой дороги.

Раненый вдруг открыл глаза.

— Карина, — сказал он глухим голосом.

— Да-да, все будет в порядке, — пробормотала девушка, разматывая рулон бинта вокруг торса черноволосого.

— Котел... Где... Где сумка? — слова давались мужчине явно с большим трудом.

— С нами сумка, с нами, — говорила девушка. — Спокойно, Андрей.

— Так когда будет врач? Ты ему уже звонил? Или какие-то другие варианты? — Спросил Сергей у Павла.

— Вообще, врач знает, куда ехать, — довольно равнодушно сказал Паша.

— Что вообще у тебя произошло? — заговорила Ира. — Давай уже, рассказывай.

— Обязательно расскажу... В общем, замутили мы тут один бизнес. Скажем так, с кредитами связанный. Деньги приличные. Но не учли того, что при этом перешли дорогу ребятам не то из Москвы, не то из Грозного...

Сергея немного оттеснили назад. Он обо что-то споткнулся, посмотрел под ноги. В коридоре стояла средних размеров дорожная сумка. Обычная дешевая сумка китайского производства под «Адидас» с недолговечными замками типа «молния».

Решив, что вещам не самое лучшее место на проходе, Лихоманов поднял сумку, оказавшуюся весьма увесистой, пронес ее в зал... В большой комнате работал телевизор,

настроенный на один из местных каналов — областной центр передавал последние новости. По-видимому, криминальная хроника. Сорванные двери в здании банка, разбитая белая «Тойота» перед фасадом, лежащий на улице человек в милицмейской форме... Закадровый голос что-то вещает: «десятого июня... во второй половине дня... трое налетчиков... огонь на поражение... убит сотрудник милиции... сумма похищенного уточняется».

Сергея вдруг словно что-то ударило. Он взял в руку пульт телевизора — сделать звук погромче, но этого даже и не понадобилось. На экране появились фотороботы — наверное, тех самых налетчиков. Если два из них не вполне один в один соответствовали лицам визитеров, но в любом случае один из них был мужским, другой — женским, а вот третий — тут ошибки быть не могло — почти фотографически передавал добродушные черты лица Паши Кутапина.

Сумка! Сергей бросил на нее взгляд. Замок в одном месте чуть разошелся, Лихоманов наклонился, двумя пальцами сделал щель пошире...

Доллары. Видимо, очень даже солидная сумма, поскольку там лежала явно не одна толстая пачка. И даже не один десяток таких. Сергей резко отпрянул от неприятной находки.

От областного центра добираться на электричке часа два — можно сказать, совсем недолго. На машине — того быстрее, Сергей хорошо помнил времена, когда каждый день ездил в центр на работу. Менее чем за сутки можно добраться и пешком, даже с раненым на руках. Но если так, то Паша — свинья, как бы это ни было грустно. Грустно, что приходится думать так не о постороннем человеке, а о друге.

Лихоманов снял с базы трубку телефона, нажал кнопку. Гудков нет. Плохо. Очень плохо... Мобильник Ирины на туалетном столике...

— Я же сказал: не надо никуда звонить, — донесся раздосадованный голос Паши. — Положи телефон... Нет, дай лучше его сюда.

— С какой стати? Послушай, дорогой, но подобной гадости я от тебя не ожидал. Какого черта ты меня так подставляешь? Зачем ты врешь про каких-то москвичей?

— А почему ты решил, что я вру?

— Банк вчера — это ваша работа?

— Блин!

— Вот-вот. Знаешь, я многое могу понять, и сам, бывало, попадал тоже, но вот так, как ты, я бы не поступил.

— А ты уверен?

— Уверен, Паша. Знаешь, так нельзя — всему есть свои границы.

— Я был уверен, что друзьям всегда помогают. Извини, если ошибся. Но уйти сейчас мы не сможем. Кстати, за беспокойство полагается платить. Даже друзьям.

— Деньги ваши наверняка уже спалились, — проворчал Сергей. — Впрочем, меня это мало интересует. Меня интересует, как бы мне не пойти за соучастие.

— Надо, чтобы никто, кроме тебя, ничего не просек... И твоего сына, — Павел покосился на Егора.

— Я ничего не знаю, — серьезно произнес Егор.

— Женщинам, конечно, ни слова, — подтвердил Сергей. — Но они могут случайно до всего дознаться.

— Тогда надо исключить любую случайность...

Из комнаты донесся протяжный стон, затем послышалась явно тюремная брань.

— Ваш главный? — спросил Сергей.

— Какая разница? — ушел от ответа Павел

— Ты прав, в данном случае — никакой.

В зал вошла Ирина.

— Где ваш врач, Паша? — нервно спросила она. Мне этот ваш потерпевший совсем не нравится. У него татуировки зоновские — Надежда сказала, что девять куполов на церкви — это он девять лет отсидел... А на плече — полумесяц, на нем — то ли черт, то ли кошка; это ведь тоже что-то означает?

Послышались два женских голоса — Надежда и девушка беседовали на повышенных тонах.

— Эта ваша Карина — так ведь ее зовут? — тоже во всех ваших делах участвует?

— К сожалению, да, — ответил Паша несколько загадочно.

Женщины в комнате Егора, похоже, были уже близки к выяснению отношений. Мужчины почти одновременно перешли туда.

— Да что ты в этом понимаешь? — девица зло сверкала глазами. — По-твоему, если наколки, так он не человек уже, что ли? И что с того даже, если сидел? Сейчас многие сидят, причем большинство ни за что.

— Я кое-что знаю, поверь! — заявила Надежда. — Я, знаешь ли, в прокуратуре одно время работала...

— Так ты что, ментовка, выходит?! — Девица картинно закатила глаза.

— Прекращай, — обратился к ней Паша. — Нам не выбирать, ясно?

— Все равно, мы попали! — заявила девица. — Ты что ж, Котел, не знал, к кому шхеришься? Зачем пургу мел — «свой человек, свой человек»?

— Где врач? — опять задала вопрос жена Сергея. — Если врач не придет через минуту, я сама сообщу в милицию...

Ира ушла из комнаты. В повисшей тишине послышался характерный звук снимаемой телефонной трубки.

— Не работает, — сказала женщина. — Сережа, сдастся мне, что твои так называемые друзья обрезали телефонные провода в подъезде... В общем, все. С меня хватит. Я пошла в райотдел...

Не успела Ира нагнуться за туфлями, как Карина кошкой взметнулась от кровати и, буквально влетев в прихожую, схватила Иру за плечи и резко толкнула в сторону от двери. Женщина с трудом удержалась на ногах. Сергей моментально пришел в ярость.

— Ты что же делаешь, дрянь?! — загремел он.

И решительно направился к Карине, чтобы хорошенько вlepить по щеке зарвавшейся девице, но резко остановился, потому что та неожиданно выхватила из-под куртки небольшой пистолет.

— Никто никуда не пойдет! — уже знакомым истерическим тоном выкрикнула Карина.

— Лучше не надо, — поддакнул Павел. — Давайте попробуем без проблем продержаться несколько дней... К тебе это тоже относится! — прикрикнул он сообщнице. — Не напрягай людей!

Все замолчали.

— Врача, наверное, не будет, — утвердительно произнесла Ира. — Меня вот что интересует: когда ваш приятель умрет, тогда вы наконец избавите нас от вашего присутствия?

— Врач будет, — возразил Паша. — И наш друг не умрет — его надо обязательно поставить на ноги... Но придется ждать, когда он сможет самостоятельно передвигаться.

— И не только передвигаться, — угрюмо сказала Карина. — Кроме него, никто не сможет отмыть наш хабар... Если с Бариним что случится, баксы можно будет выбросить...

— Я бы выбросил твой длинный язык, — зло сказал Павел. Карина бросила на Кутапина тоже не слишком добрый взгляд.

— То есть, что же это получается? Вы, значит, намерены надолго здесь обосноваться? — деревянным голосом спросила Ира.

— Надолго, — подтвердил ее опасения Павел. И тоже без эмоций, лишь просто покачав красивой белокурой головой.

* * *

В дверь купе затарабанили чем-то металлическим. Несмотря на ранний час, я уже собирал вещи, готовясь к выходу. Попугачики крепко спали, причем двое храпели. На часах было около половины пятого утра, я чувствовал соответствующую этому времени разбитость, но надеялся, что днем удастся немного вздремнуть. Покинув купе с ворохом белья в руках, я отправился по коридору в сторону служебного помещения. Освещение вагона еще не выключили, хотя рассвет уже вступал в свои права. Молодая проводница, затаенная в облегающее ладную фигурку трико, выглядела очень сексуально, несмотря на припухшие спросонья глаза.

— Минут через двадцать подъедем, — хрипло сказала она. — Никто, кроме вас, тут не выходит.

— Уж извините, что пришлось из-за меня вставать ни свет ни заря, — я изобразил сочувственную улыбку.

Проводница с легкой нервозностью пожала плечиками. Под кофточкой у нее явно ничего не было — острые соски едва не протыкали тонкий трикотаж насквозь.

— Здесь уже давно никто не выходит, — сказала она. — И никто не садится. Вроде бы и не совсем уж деревня. Но как-то запущено все выглядит... Командировка?

Девушку вряд ли интересовала цель моей поездки. Она явно говорила со мной лишь затем, чтобы не уснуть.

— По делам, — сказал я.

— ...*Это соответствовало действительности? — спросили вы.*

— *В общем, да. Я ведь действительно приехал, чтобы договориться насчет того, чтобы возобновить поставки запчастей. Местные раньше много у нас покупали, но полгода назад директор их фирмы что-то перестал обращаться, хотя бизнес у него, насколько мне известно, продолжался. А поскольку и я, и наш генеральный хорошо знали его лично, то было решено, что я приеду и договорюсь о том, чтобы продолжать наши дела.*

— *Понятно. — Продолжайте.*

Город действительно выглядел «запущено». Поезд небыстро двигался по рельсам в окружении неопрятно выглядевших сооружений железнодорожной инфраструктуры — не то барачков, не то цехов. И ни одного человека — даже каких-нибудь обходчиков не было видно в этот час близ путей.

Неожиданно резко неопрятные постройки уступили место привокзальным сооружениям, а спустя полминуты — и самому вокзалу. Поезд почти остановился,

проводница открыла лязгнувшую дверь и высунулась наружу.

— Как-то там... Неуютно, — проговорила она почти жалобно.

И даже передернулась всем телом.

— Что ж, спасибо, — сказал я. — Удачи.

— И вам того же, — последовал ответ.

Я спустился на замусоренный перрон и огляделся. Трудно поверить, но ни одного человека не было в пределах видимости. Действительно, «все запущено»... Дул прохладный ветер, гоняя мусор по асфальту платформы, низкое серое небо, казалось, касается шпилья вокзала. Такое впечатление, что и сам вокзал пуст... Рядом со мной стоял трактор — небольшое самоходное шасси для перевозки тележек с мелким грузом. У меня возникло ощущение, что этот трактор стоит тут не один год; у машины изрядно заржавел капот и спустили оба баллона на задних колесах. В этот миг мне очень захотелось запрыгнуть обратно в вагон... Но проводница уже захлопнула дверь. И все двери в других вагонах были закрыты. Да и поезд уже тронулся — тепловоз потащил состав, на мой взгляд, значительно раньше, чем истекли пять минут, отведенные для стоянки. И что именно тепловоз тянул поезд — это мне потом показалось важным.

— ... Почему тепловоз — так важно? — перебили вы.

— Над путями я видел контактные провода. Но состав тащил дизельный локомотив, которому не нужно электричество. Я ехал во втором вагоне, потому не мог не обратить на это внимание.

— И что из этого следует?

— Может быть, и ничего. Но что было потом, как-то подтвердило мою догадку.

Конечно, этот город деревней нельзя назвать. И даже на самых задрипанных полустанках в начале шестого утра на перроне всегда можно увидеть хотя бы двух-трех пассажиров, бомжа, дворника, какого-нибудь железнодорожного рабочего. Но здесь оказалось пусто даже в здании вокзала.

То есть, абсолютно пусто. И, похоже, уже довольно давно.

Не веря своим глазам, я осмотрел вестибюль. Светильники не горели — ни забрызганная известкой люстра под сводчатым потолком, ни настенные рожки. Сквозь довольно грязные окна, часть из которых была с разбитыми стеклами, снаружи пробивался неуверенный утренний свет. Он освещал запыленный пол, смятые газеты на жестких секционных креслах, наглухо закрытые амбразуры касс и пустующие киоски. Электронное табло не работало, рекламные и указательные лайтбоксы тоже были выключенными.

Мне стало, мягко говоря, не по себе. Ну ведь дежурные-то должны быть здесь! Хотя бы один страж порядка ведь обязан торчать в обозримых пределах! Что все это значит?

Мои шаги гулко отдавались под сводом вокзального вестибюля. Я прошел по направлению выхода в город, и только тут обратил внимание на придвинутые к стене малярные леса, сколоченные из грубо обработанных досок, а рядом с ними — пару испачканных цинковых ведер.

Вот и ответ! Я даже хохотнул в голос. Старый вокзал закрыли на ремонт, а пассажиры, наверное, обслуживаются в каком-нибудь из сооружений в окрестностях перрона. И ничего удивительного — несколько лет тому назад, когда в Казани сгорел основной вокзал, на какое-то время там задействовали другое здание. Вот только какого лешего поезд

остановился у бездействующей платформы?

Я вышел на привокзальную площадь и уставился на пустые, частично разгромленные киоски, и на пустые, просевшие на спущенных шинах, автобусы. У многих из них были выбиты стекла.

И опять-таки ни одной живой души в пределах видимости.

Вот тут-то мне и стало страшно. Что тут произошло? Эпидемия? Какая-то катастрофа? Может, тут что-то шарахнуло, вроде как в Чернобыле, и всех людей эвакуировали? А я, получается, замотавшись работой, семьей и прочей рутинной, даже ни о чем таком не знал? Нет, это чушь. Тогда, может быть, меня высадили на другой станции? — мелькнула мысль. Но нет, ведь и вокзал я этот помню, и площадь та же, и дома вокруг знакомые... Дома вокруг... И что — они тоже пустые?

В любом случае надо было что-то делать. Не стоять же тут столбом! Да и меры предосторожности не помешают — ведь не секрет, что в местах, откуда ушли добрые граждане, обычно появляются лихие ребята. К тому же, таскать на себе все свое барахло нет ни малейшего смысла.

Я вернулся в здание вокзала в поисках помещения, где можно было бы оставить до лучших времен увесистую дорожную сумку. Попутно проверил висящие на стене таксофоны — местный и междугородный. В трубках — я в этом и так был почти уверен — ничего, кроме полной тишины, услышать не удалось.

Камера хранения оказалась незапертой и тоже совершенно пустой, если не считать алюминиевого чайника и пачки из-под печенья на столике, застеленном выцветшей и изрезанной во многих местах клеенкой. Здесь же лежал средних размеров ключ от накладного, по всей видимости, замка, и я решил его прикарманить.

Затем прошел через дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и проверил двери кабинетов и прочих служебных помещений. Все они оказались запертыми, но к одной из них подошел найденный в камере хранения ключ.

Внутри не обнаружилось ничего интересного — маленькая комнатка хозяйственно-канцелярского назначения. Несколько металлических шкафчиков, либо пустых, либо со спецодеждой, стеллаж, где обнаружилось несколько папок с бумагами, да книг специальной литературы плюс допотопный шифоньер и не менее допотопный офисный стол с выдвижными ящиками и молчащим телефоном под настольной лампой. В шифоньер я спрятал большую дорожную сумку и пакет, предварительно достав из нее банку консервов, остатки тостового хлеба и небольшую бутылку минеральной. Потрапезничав, рассовал по внутренним карманам документы, банковские карты и деньги, взял пачку сигарет с зажигалкой, и положил наготове ключ от помещения, решив дальше двигаться сравнительно налегке — с собой у меня была только небольшая сумка на ремне с необходимым набором того, что не дает человеку опускаться...

Но перед выходом проверил содержимое ящиков стола. В верхнем нашелся журнал приема-выдачи чего-то. Мне хотелось посмотреть на последнюю отмеченную дату, но несколько страниц было вырвано, и информации я не получил. В других ящиках обнаружили комплект вагонных ключей, складной нож с вылетающим лезвием (не бандитский, всего лишь made in China, но если у вас такой обнаружит милиция, доказывать, что вы не верблюд, придется основательно), а также небольшой моток капронового шнура с крючком. Все это не оттягивало сумку, потому я решил взять трофеи с собой, после чего покинул вокзал и отправился по известному мне адресу.

— ...Все телефоны молчали? — уточнили вы.

— Да, все, какие мне попадались.

— У вас не было мобильного?

— Был. Но беда в том, что я забыл его подзарядить в поезде, пока была возможность, а потом, когда ушел с вокзала, оставил зарядник в дорожной сумке. Все равно его некуда было включать.

— Вы сразу пошли в офис вашего заказчика? У вас не возникло желания выйти на перрон еще раз, посмотреть, нет ли другого поезда, например? Потом, наверняка где-нибудь могла стоять электричка — они проходят довольно часто.

— Верно, так я и сделал. Электричка стояла на четвертом пути. Двери закрыты, токоприемники опущены, кабины и вагоны пустые. И все тихо. Я постоял минут десять, за это время слышал только шум ветра.

— И никакого движения?

— Никакого. Из живых существ только вороны и голуби. Да еще увидел трех собак, бегающих по путям. Знаете, я побоялся оставаться на перроне, и скрылся в вокзале. Не внушали доверия эти собаки — как-то нехорошо они выглядели.

— Ясно. Продолжайте.

Адрес офиса был мне известен. Как и адрес квартиры директора — все же у нас с ним когда-то отношения были чуть больше, чем просто деловые. От вокзала до его квартиры путь неблизкий. Пересекать пешком город, подобный тому, в каком я очутился — занятие не для слабонервных. Был бы транспорт...

Но офис, где он вел бизнес, должен находиться гораздо ближе. Вот туда и можно заглянуть, может, все-таки удастся разобраться, что тут, черт возьми, произошло...

Июньский день вступил в свои права, но высокие облака были уж очень плотными; солнца не видно, небо тусклое. Ветер подвывает в проводах и шелестит гоняемым по асфальту мусором. Где-то каркает ворона. Звуков же, присущих цивилизации, нет и в помине... Довольно прохладно, но осадки, вроде бы, выпадают не собираются.

Это и к лучшему. Неизвестно, что хуже в моем положении — бродить по жаре или под струями дождя. И без того тошно.

Иду прочь от вокзала по широкой асфальтированной улице. Если не ошибаюсь, не так давно она носила имя Энгельса, теперь на табличках читаю — «улица А. Колчака». Ну что ж, все в духе времени... Правая сторона — вдоль «красной линии» пятиэтажки, все сплошь с офисами и магазинами на первых этажах, левая — старые двух- и трехэтажные дома. Кое-где прямо на окнах квартир написано крупно «Продам», а то и «Sale» — прямо-таки в столичном духе. Первые этажи, с подоконниками вровень с асфальтом, как правило, сложены из кирпича, над ними надстроено из потемневшего бруса. В первых этажах либо парикмахерские, либо ателье-мастерские... Один из домов почти полностью сгорел — обугленные балки нелепо торчат в разные стороны. На конце одной из них дремлет ворона. Неподалеку пожарная автоцистерна — стоит тут по всем признакам далеко не первый день, если не первый месяц. Размотанные пожарные рукава валяются на тротуаре.

По-прежнему нет ни единого намека на то, что в этих домах хоть кто-то живет. Я захожу то в один подъезд, то в другой, наугад стучу в двери квартир... Пытаюсь попасть в магазин или аптеку — входы у многих крепко заперты, кое-где двери выломаны. Гастроном

№ 7 на углу Колчака и Старокаменской разграблен — особенно хорошо заметно, где в нем ранее находился винный отдел. В расположенном поблизости здании сбербанка тщательно рылись — наверняка рассчитывали на хорошую поживу; вопрос только, удалось ли чего найти.

— ...Улица Колчака? — вы очень удивились.

— Да, так было написано.

— От железнодорожного вокзала к зданию сбербанка ведет улица, которая действительно раньше называлась Энгельса. Но ее переименовали не в Колчака, а в Януша Корчака, уважаемый. Возможно, на какой-то из табличек заглавная буква «Я» была похожа на «А», а фамилию вы уже сами домыслили. Ведь могло же такое быть, если вы своими глазами увидели якобы разграбленный седьмой гастроном!

— Почему «якобы»? Да и насчет названия улицы я вряд ли ошибся.

— Это вы так думаете. Ладно. Вы нашли офис?

— Да, и довольно быстро.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из комнаты донесся приглушенный вскрик, что-то покатилося по полу. Карина опять грубо выругалась. Сергей вошел в комнату, некоторое время ошалело смотрел на то, как девица затаптывает окурок на полу. В комнате ощутимо воняло табачным дымом, несмотря на приоткрытые оконные рамы; наверное, за все время с того момента, как в эту квартиру въехали Лихомановы, курили здесь впервые.

— Послушай, я же тебе русским языком сказал: здесь не курят! — зло произнес Сергей. — И я тебе запрещаю свинячить! Давай, быстро прибирай тут!

— Да ты кто, в натуре, такой, чтобы мне запрещать?! — взвилась Карина.

— Я хозяин этого дома! — заявил Сергей. — И потом — я предупреждал, что не надо ругаться при моем сыне... Давай, бери тряпку, отмывай пол. Что за дурдом! Да ты еще линолеум прожгла!

Карина выпучила на Сергея глаза — большие, голубые, но с неестественно большими зрачками, а потому казавшиеся слегка безумными. Сергей с неохотой признавался себе, что он побаивается эту девицу и ждет от нее какой-нибудь гадости. И вот — прошло всего несколько часов, а свинство уже цветет пышным цветом. И пахнет.

— Да ты вообще масть не чухаешь, что ли? — искренне удивилась Карина. — Мне же в падлу с тряпкой шнырять.

— Почему? — наивно спросил Сергей.

— Да нельзя мне! — почти с отчаянием выкрикнула девица. — Это же для опущенных занятие — полы мыть...

Действительно, день только начался, а столкновение интересов уже имело место в квартире Лихомановых. Маленькую комнату прочно оккупировали бандиты, и теперь хозяева были вынуждены потесниться, чтобы устроить место в зале для Нади. Егору было проще — убедившись, что на чулан никто не претендует, и что взрослым не до него, он занавесил проем пледом и включил компьютер. Судя по реву самолетных двигателей и стрекоту пулеметных очередей, сын окончательно завязал с виртуальными монстрами и прочей нежитью (чему Сергей был только рад), переключившись на авиасимуляторы.

Женщины выглядели потерянными. Ира с трудом верила во все происходящее, хотя бы потому, что впервые за все время своей семейной жизни потеряла возможность хоть как-то влиять на ситуацию; она чувствовала, что потеряла управление квартирой, и если бы могла, то сравнила бы свое ощущение с чувством рулевого, чей корабль вдруг перестал слушаться поворотов штурвала, а машины не реагируют на команды и несут судно совершенно неведомым курсом. Надя в свою очередь убедилась, что приехала погостить не в самый удачный момент, и потихоньку прикидывала возможность убраться восвояси. Квартира ее сестры казалась теперь не самым уютным местом на свете, да и более глупая женщина могла бы догадаться, что Ирине сейчас не до Надежды с ее проблемами на любовном фронте.

— Послушай, Пашка, ты сам хоть маленько веди себя по-человечески, — с досадой сказал Сергей, видя, что и Павел уже засунул в рот сигарету.

— Но ведь мы же курим, — с меньшей досадой произнес Паша, не торопясь все же пока прикуривать. — Мы же не можем выходить в подъезд, ну, блин, прости подлецов... Скажи спасибо, что сейчас лето, можно окно открывать. Зимой вообще атас был бы.

— Спасибо, — ядовито произнес Сергей. — А когда Карина тушит бычки на полу, это

что? Показатель ее крутости? Почему бы ей не прибраться за собой теперь?

— Карина? — немного озадаченно произнес Паша. — Ну да, Карина. Да, ладно, больше она не будет. А где это видано, чтобы гости убирались в хате, если уж на то пошло?

— Если уж на то пошло, — не меня ядовитого тона, возразил Сергей, — то где это видано, чтобы *гости*... Особенно тех, которых никто не звал, гадили в комнате?

— Да не будет она больше, я тебе отвечаю! — крикнул Паша.

— Мог бы пепелку тогда найти, что, догадаться трудно было? — подала голос Карина.

Если ее действительно так зовут, подумал Сергей. Он начал уже закипать не на шутку, но тут открыл глаза раненый.

— Так, заглохли, все, — сказал он и с тяжелым всхлипом перевел дыхание. — Курить вы пока здесь не будете, поняли? Я дышать не могу. Попросите хозяина, в туалете чтоб разрешил, ясно? И вообще, пусть врача ищет, сколько можно ждать...

С этими словами главарь отключился.

Сергей оторопел.

— Что это значит? — не помня себя от злости, он схватил Павла за грудки.

— Убери ветки, — мрачно сказал тот, отдирая пальцы Сергея от своей рубашки. — Ну не проканал у нас с костоправом, видишь, какая несрастуха... Послушай, ну ты же теперь крутой, в городе всех знаешь. Наверняка у тебя есть врач, которому можно доверять. Потом, ему можно дать баксов столько, сколько потребуется.

— Ты меня за нового русского не держи, — проворчал Сергей. — Сам же видишь: как я жил в старой «двушке», так и живу здесь по-прежнему.

— Непруха в делах? — с сочувствием, может быть, даже неподдельным, спросил Паша.

— Вроде того.

— Ну вот тебе и самому подогрев будет. Чем быстрее Барина поднимем на ноги, тем быстрее мы слиняем, и тем быстрее с тобой расчет сделаем. Ага?

Сергей посмотрел на друга, лицо которого горело явным отчаянием и готовностью идти на крайние меры, затем перевел взгляд на Карину, в чьих глазах прыгали искры сумасшествия, тяжело вздохнул и перешел в зал. Женщины сидели перед показывающим какой-то сериал телевизором, но вряд ли они внимательно следили за разворачивающейся в фильме интригой. Напряжение в комнате казалось почти физически ощутимым.

— Ир. Дай какую-нибудь жестянку. Банку там из-под консервов, или еще что подобное. В туалет надо поставить.

— Зачем? — после секундной паузы спросила жена.

— Этим вахлакам курить где-то надо, — испытывая мучительную неловкость, сказал Лихоманов.

— Курить? У нас не курят, ты что, не знаешь? — Ирина словно бы не поверила своим ушам. — У нас же ребенок.

Сергей мог бы сказать, что пару недель назад самолично отобрал у «ребенка» початую пачку «Честерфилда», но не стал тогда раздувать скандал, щадя чувства жены и отлично понимая, что только усилит этим у сына чувство протеста.

Сейчас он тем более не собирался говорить об этом.

— Пусть курят, — сказал он. — Это же не навсегда.

— Возьми на кухне под мойкой, — тихо сказала жена.

Сергей отправился в кухню, понимая, что этот раунд их семья проиграла. Хотя, что

значит «проиграла»? Ведь никакой схватки между гостями и хозяевами нет — есть просто идиотская ситуация, прямо по Троцкому — «ни мира, ни войны».

— В туалете будете курить, — сердито сообщил он налетчикам, зайдя в комнату. — И попытайтесь все-таки обойтись без хамства.

Затем вышел в коридор, не испытывая ни малейшего желания долее общаться с гостями. За ним из комнаты выскочил Павел.

— Я же не гад, Серега, — горячо заговорил он, — я вижу, что мы тебя и твоих напрягаем по полной. Но и ты пойми меня правильно: у меня не было другого выхода. Мы ведь на полную раскручиваемся — все-таки пришлось грохнуть мусора.

Лихоманов хотел что-то ответить, но передумал.

...В любом углу Земли известно, что если хочешь гарантированно попасть в тюрьму — убей стража порядка. Потому что его коллеги расшибутся в лепешку, но найдут и отомстят. А резонансом крепко достанется и тем, кто хоть как-то помогал преступникам.

Преступникам, вот такая штука. Сергей теперь знал, что старый друг Пашка отсидел четыре года за кражу со взломом, и что именно на зоне нелегкая свела его с рецидивистом по имени Андрей Половод, более известным под кличкой Барин... Его настоящее имя назвали в повторе криминальных новостей, также как и имя Паши по кличке Котел. Как в действительности зовут девчонку-налетчицу, репортеры не сказали, а Сергей подозревал, что главарь, произнося в полубреду слово «Карина», имел в виду вовсе не подельницу, а авто бандитов, вынужденно брошенное ими у здания банка... Надо отдать Половоду должное — будучи с пулей под ребром, Барин все же смог урезонить своих сообщников, когда те подзабыли, что находятся в гостях, да еще в незваных...

Врач для Барина на самом деле оказался мифом. Потому сейчас Сергей ехал на своем темно-зеленом «Крауне» вовсе не на работу, а к хорошо знакомому хирургу с надеждой выручить из дурацкой ситуации не старого друга Пашку с подельниками, но свою семью и себя самого.

Сергей уверенно вел машину по улицам Вантайска, к этому моменту почти освободившимся от транспорта. Час пик прошел, автобусов стало заметно меньше, а легковых не прибавилось. Легковых машин в городе вообще не становилось больше. К сожалению. Для Лихоманова это означало лишь одно — стагнацию. Болотный застой в делах.

Еще лет десять тому назад казалось, что все налаживается. Почти остановившаяся в начале девяностых городская промышленность вдруг обрела второе дыхание, квартиры начали расти в цене, забурлила торговля, на дорогах стало больше машин, в том числе и дорогих. Сергей тогда как раз прикидывал: продолжать ли ему тянуть бизнес здесь, или же перебраться в областной центр? Здесь и аренда была дешевле, и конкурентов не наблюдалось, а вот обменять двухкомнатную квартиру в Вантайске на аналогичную там не представлялось возможным без очень хорошей доплаты. Так что Сергей в конце концов решил продолжить торговлю в пределах насиженного места, не подозревая о том, что не второе дыхание обрел город, а лишь испытал короткую ремиссию.

Первым «сдулся» целлюлозно-бумажный комбинат, производящий в основном газетную бумагу. Она вполне подходила для старых ротационных машин отечественного производства, но ее напрочь отказывались принимать новые «Хайдельберги» и «Роланды». Расхожее выражение «градообразующее предприятие» ярко показало заключенный в нем смысл, когда остановились несколько десятков цехов. Спустя всего год большинство

подъездных путей заросло травой, а приближаться к заброшенным корпусам теперь боялись даже охранники — в опустевших зданиях комбината угнездились бесхозные, дичающие собаки и бездомные бродяги с темным прошлым. В течение двух лет почти обезлюдела жилая окраина, застроенная еще в пятидесятые годы двухэтажными бараками. Кому сильно повезло, те успели продать квартиры в более новых «хрущевках» по приличной цене. Кому повезло не особенно, ездили теперь в другие районы города, а то и в областной центр на ловлю любой работы. Обитатели близлежащих частных домов жили натуральным хозяйством и самогоном, что вряд ли могло вернуть «рабочую слободку» в разряд социально благополучных кварталов. Некоторые таксисты соглашались ездить сюда лишь за двойную оплату и только в светлое время суток.

Затем в завод-привидение превратилось и второе крупное предприятие города — комбинат плащевых тканей. Его продукция была вовсе не хуже китайской, однако дороже в разы. Но вслед за исчезновением вантайских ветровок с прилавков магазинов почти сразу же с местного рынка исчезли и китайские ряды вместе с китайцами и их куртками — предприимчивые азиаты быстро поняли, что покупатель в Вантайске кончился.

А вот Сергей не мог безболезненно удрать следом за китайцами. Покупатель на запчасти к иномаркам не сказать, что бы уж совсем кончился, но измельчал заметно. География летних отпусков семьи Лихомановых за последние пять лет говорила сама за себя: Таиланд, Турция, Крым, Алтай, нынче сидим дома. И при этом в компании грабителей, которые хоть и сумели сорвать куш, но оказались так неосторожны, что подставили под пулю своего главаря и пристрелили милиционера.

...Борис внимательно выслушал Сергея и задумался.

— Вообще, я на твоём месте сдал бы их, — заявил врач. — Ты подумай, сколько проблем сразу бы решилось?

— Я боюсь за своих, — сказал Сергей. — Бандиты вооружены. А девчонка вообще плохо вменяемая, то и дело угрожает. Не дай бог что-то заподозрит — может и пальбу устроить. При этом их главный хоть как-то стабилизирует обстановку — мне еще и поэтому хотелось бы, чтоб он поправился.

— Да, если он до сих пор не умер, наверное, останется жив... С точки зрения медицины пулю извлечь нетрудно. А с точки зрения закона?

— По-моему, я уже все объяснил. Не та у меня ситуация, чтобы поступать по закону.

— А у меня? Ты понимаешь, что любой врач просто обязан доносить о любом подобном случае. А тут все как на ладони — в боку пуля, а на боку — синие купола, да?

— Борис! Единственный человек не только в городе, но и вообще, к которому я мог бы обратиться в подобной ситуации — это ты. И ты знаешь, почему.

Борис Ловеико знал. Не настолько чисты они оба были перед законом, чтобы всерьез рассуждать об обязанности доносить куда следует. Сергей и Борис познакомились давно, еще в те времена, когда Лихоманов открыл свой первый легальный бизнес — небольшой автосервис, прекратив граничащее с криминалом «скоробейство». Доктор Ловеико был потомственным, можно сказать, автомобилистом — его мать крутила баранку собственной машины до весьма почтенного возраста. И умудрилась однажды на темной улице сбить пьяного молодого человека, буквально вывалившегося на дорогу перед ее колесами. Вина пешехода была стопроцентной, но он являлся зятем крупной вантайской шишки, и власти долго рыли землю в поисках автомобилиста, которому наверняка пришлось бы туго. Если бы Сергей не сказал, когда его спросили, что «Жигули» мамы доктора Ловеико в злополучный

день находились в его боксе на ремонте (бампер и фару действительно понадобилось менять, но эта часть ремонта в документах отражения не нашла). Борис тем временем держал на контроле состояние попавшего к нему в больницу пациента, которого пришлось оперировать, но в конечном итоге удалось вылечить. И, забирая машину матери из ремонта, врач заявил о своей готовности отдать долг владельцу автосервиса. Сергей, насколько ему помнилось, пробормотал тогда что-то насчет того света и угольков, искренне надеясь, что ему не придется просить об аналогичной помощи у Бориса, друзьями с которым они не были, во всяком случае, близкими — это точно.

— Вот ты рассуждаешь о том, что помочь другу — дело святое, так? В любой ситуации?

— Да почти в любой, Боря.

— Вот видишь — «почти». Это значит, что какой бы старый и добрый друг для тебя он ни был, все же есть какой-то предел для того, чтобы так злоупотреблять, верно? Подумай: а если бы ты оказался в подобной ситуации, Павел бы тебя выручил?

— Не знаю. — Сергей подумал несколько секунд. — Но если честно, то и знать не хочу.

— Нет-нет, — настойчиво заговорил врач, щелкая зажигалкой. — Мне все равно интересно. Вот видишь — ты не знаешь. А вдруг бы он, наплевав на старые отношения, прямым ходом рванул бы в милицию? Или в прокуратуру? Ведь это ты сейчас поступаешь как друг. А он поступает как... В общем, неправильно он поступает. Не по-дружески. С этим ты можешь согласиться?

— Могу.

— Ну, вот....

— Но если я так сделаю, я опущусь до его уровня.

Мужчины помолчали. Ловейко рассеянно стряхнул пепел в корзину для бумаг и заговорил:

— Дружба, Серег, на мой взгляд, бывает очень странной штукой. Особенно на твоём примере с Павлом. Знаешь, в древнем Египте был такой священный жук... Не могу вспомнить, как его название...

— У них там, по-моему, вообще не было несвященных животных.

— Погоди. Этот жук катал шарики, а египтяне усмотрели в его действиях символ движения солнца. То есть, шарик, слепленный из навоза, являл собой солнце. Понимаешь?

— Это с какой стороны смотреть, да? Для кого-то это солнце, для кого-то — катышек дерьма. Так, что ли?

— Да. Но еще есть третья сторона, третий субъект — сам жук. Для него абсолютно безразлично, что думают древние, и чем является его шарик для современных людей в действительности. Для жука катать шарики из всякой дряни — дело естественное, более того, необходимое; так как он то ли питается этой дрянью, то ли делает из нее гнезда — неважно. Важно то, что он не может обойтись без этого.

— Так. Жук — это, выходит, Павел?

— Нет. Сергей, ты ничего не понял. Твой Паша — это в данном случае древний египтянин. А вот ты и есть тот самый жук. А для всех окружающих, кто может смотреть на вещи объективно, цена вашей дружбе — сам понимаешь что.

— За такие сравнения, Боря, можно ведь и по вывеске схлопотать, — задумчиво произнес Сергей.

— Ну что ж, извини за откровенность... — Борис погасил сигарету. — Ты же на машине, если я все правильно понимаю?

— Разумеется.

— Тогда спускайся и жди меня. Через пятнадцать минут я буду готов.

— Борис!.. Спасибо, — с чувством произнес Лихоманов.

— Потом благодарить будешь, — ответил хирург. — Впрочем, я в этом не уверен.

* * *

Парадный вход в здание, где все шесть этажей занимали офисы, был наглухо закрыт, и указательная стрелка направляла потенциальных посетителей во двор. Из сквозных ворот здания тянуло каким-то неестественным, неправильным холодом, со сводчатого потолка арки готов был отвалиться громадный пласт штукатурки, и я решил от греха подальше обойти дом вокруг, пусть бы это даже и удлинило мне путь.

Двери под разнокалиберными вывесками были незапертыми, и я воспользовался возможностью попасть внутрь. Нужный мне офис располагался на втором этаже, я для начала обошел конторы на первом — мало ли что.

Здесь когда-то была компьютерная фирма (пустые стеллажи и раскуроченный кассовый аппарат), магазин отделочных материалов (выцветшие образцы продукции на видном месте), мини-типография (печатная машина типа «Ромайор» в центре комнаты и разбросанные по полу оттиски). Здесь в числе прочего печатали листовки с призывами голосовать за какого-то мужчину с интеллигентно тонкими чертами слегка асимметричного лица. Судя по всему, речь шла о местных и сравнительно недавних выборах, но определить, до выборов или после оных из города случился исход, я не сумел. Одну из листовок я подобрал и положил в карман.

На первом этаже была еще одна комната — здесь торговали детской канцелярией, как-то: цветной бумагой, тетрадками, пластилином. В офисе, похоже, как и во многих других виденных мной сегодня помещениях, что-то громили... Но вероятнее, все же, не что-то, а кого-то. На одном из столов остались засохшие следы порядочного количества крови, на полу тоже хватало подозрительных пятен. Близ них я обнаружил ключи, похожие на автомобильные, с брелком в виде дракончика, а поскольку во дворе заметил несколько припаркованных машин, то решил подобрать и эту связку.

Поднявшись в интересующий меня офис, я опять разочаровался: ничего интересного или могущего дать хоть какую-то информацию о местонахождении директора, здесь не нашлось. Несмотря на то, что офис был не заперт, и на стеллажах внутри помещения хватало разных металлических деталей, здесь обошлось без вандализма и без разграбления. А если я хоть что-то понимаю в запчастях, то уж на тысячу долларов железок тут по-всякому можно было набрать.

К этой комнате с образцами товара и примыкал кабинет директора. Одно время, насколько мне известно, он платил управляющему, но сейчас был вынужден рулить самостоятельно.

Походило на то, что кабинет, как и почти все виденные мной сегодня помещения, пустовал уже приличный срок. Я решил, что имею право пошарить в вещах, и приступил к обыску.

— ... Как назывался офис вашего знакомого?

— «Оверхилл». Кажется, ООО. На вывеске еще и по-английски было написано «Overhil Ltd.»

— Знаю такую фирму. Продолжайте.

В одном из ящиков стола я нашел связку разнокалиберных ключей, вероятно, квартирных. Я взял их с собой, но больше ничего интересного и здесь обнаружить не сумел... Верхняя камера сейфа была заперта на ключ, нижняя — открыта настежь и опустошена. На столе находился телефонный аппарат с цифровым автоответчиком, и у него оказалась исправна батарея. Линия молчала, но прослушать запись разговоров получилось. К сожалению, дисплей показывал только часы и минуты, и я опять не сумел определить дату местного апокалипсиса.

«Это Иван. Слушай, мне нужно три комплекта зимней резины на четырнадцать. Только «Нокиан» не надо, у меня сейчас нет таких толстых клиентов. Давай один «Бриджстоун», лучше бэ-у, и две «Таганки», можно новые. Хорошо? Жду звонка, желательного сегодня», — густой хриплый бас.

«Тут вас двое иногородних домогаются — говорят, что есть проблемы с дубликатами, которые мы выписывали на прошлой неделе», — нежный девичий альт.

«Привет. Будь добр, сообщи, не пришло ли чего на «Скарабус» девяносто восьмого года выпуска. Погибаем», — энергичный голос парня лет двадцати с небольшим.

И на этом все — наверняка автоответчик регулярно очищали от поступающих сообщений. Занятно, что двое из звонивших даже не удосужились представиться — это означало, что их голоса хозяину кабинета были хорошо знакомы.

Ждать и искать тут больше было нечего. Я покинул офис, прикрыв за собой двери, и спустился во двор. На парковке у подъезда стояли три автомобиля — две цветные «девятки» и белая «Тойота-Королла» начала века, если судить по форме кузова. На вид машина была почти как новая и вроде бы целая, в отличие от всей иной автотехники, что попадалась мне на улицах города. Приятным сюрпризом оказалось то, что найденные ключи подошли к этой машине, и совсем уж здорово было, что двигатель со второго раза завелся, а датчик показал, что топлива в баке существенно больше половины.

Пока мотор прогревался, я прикинул план дальнейших действий. Лучше всего, наверное, съездить к директору домой, дождаться его (если такое возможно), а потом уехать на «Королле» из этого проклятого города. Уж наверное, выезды из Вантайска существуют в природе.

— ...Получается, что машину вы просто угнали? Так?

— Вы могли бы посоветовать что-то другое?.. Знаете, мне было страшновато идти пешком через весь город. И потом, я очень хотел вообще уехать. Как только смог бы убедиться в том, что зря теряю здесь время.

— Будем считать, что в ваших словах есть определенный резон, — заключили вы.

Мне действительно было страшно. Безлюдный город буквально давил на психику всей своей тупой инертной массой. При этом казалось, что в любой момент из-за угла вылетит машина, набитая отморозками, готовыми взять тебя на абордаж, или дорогу перегородит толпа восставших из ада мертвецов. После того, как я увидел, во что превратился Вантайск, мне уже трудно было бы чему-то удивиться.

Конечно, я знал, что этот город, как сейчас принято говорить, депрессивный. И слышал, что на просторах нашей страны найдутся не только вымершие деревни, но и поселки, и вроде бы даже несколько маленьких городишек. Причем, на мой взгляд, городку умереть

проще. В деревне, если ты не пьешь и на печи круглосуточно не лежишь, выжить можно. В городе, если ты был привязан к заводу, который остановился, к магазину, который закрыли, и к теплоцентрали, которая отключила отопление за неуплату, шансов не остается. Дергайте отсюда, товарищ... Вот только знать бы куда.

Но как мог неслышно для мира умереть Вантайск, скажите мне на милость?! Это было выше моего понимания...

Я почти добрался до нужной улицы, застроенной, как и большинство кварталов, однотипными панельными пятиэтажками, и на минуту решил остановиться — заглушить двигатель, послушать, что здесь и как. И свернул с дороги к небольшому павильону, на парковке рядом с которым стояла машина, на вид такая, будто только что с конвейера. Покосившаяся вывеска на павильоне уверяла, что в нем находится салон сети игорных домов «Монте-Кристо».

— ...Может быть, «Монте-Карло»?

— *Может быть. Я точно не помню. Тем более что на вывеску я уже не обращал внимания, когда подошел к стоящему рядом с павильоном автомобилю. Капот машины был теплый, когда я положил на него руку.*

— *Что за машина?*

— *«Форд», седан. Дверь со стороны водителя была не заперта, ключей в замке я не увидел, но то, что в этой машине совсем недавно работал двигатель, сомнений быть не могло.*

— Есть кто-нибудь?! — крикнул я.

Тишина. Только отдаленное воронье карканье.

Автомобиль был серебристо-серый, с характерными для «Фордов» выпуклостями над колесными арками. Я еще раз заглянул внутрь салона. Ничего особенного — стандартная комплектация. Чехлы на сиденьях дешевые, особых украшательств на панели или под лобовым стеклом не замечено. Листок техосмотра с цифрами прошлого года — к сожалению, ни о чем конкретном он не говорил.

Осторожно, по-прежнему опасаясь неприятных сюрпризов, я вошел внутрь игрового павильона. Хозяина машины тут не нашлось, как впрочем, и иной живой души. Электронные игровые автоматы были почти все разбиты, только один механический агрегат — «однорукий бандит» казался целым и невредимым.

Неожиданно для самого себя я подошел к автомату и потянул рычаг. Дурацкая идея? Да, иного я потом не мог сказать об этом поступке. Какого черта мне пришло подобное в голову, и сам не знаю.

«Однорукий бандит» оказался либо сломанным, либо принудительно разблокированным — заработал без жетона. Диски раскрутились, затем начали замедлять движение. Остановились, неожиданно зафиксировавшись на трех одинаковых картинках с ягодками, и в лоток, загремев, вдруг выпал единственный жетон.

Вытащив жетон из лотка, я стал его разглядывать. С одной стороны он был украшен изображением жука, с другой — стилизованным солнцем, каким его иногда рисуют в книжках для детей: кольцо с короткими языками пламени по внешней окружности. В этот момент я сообразил, что уже некоторое время снаружи до меня доносится какой-то шум, машинально опустил жетон в карман и выскочил из павильона.

И обнаружил, что между «Короллой» и «Фордом» лежит простой футбольный мяч. И не просто так лежит, а останавливает свое движение, словно бы только что откуда-то прикатился.

От неожиданности я даже выругался вслух — ну чего мне стоило выйти наружу несколькими секундами раньше! Хотя... А был бы в восторге от моего появления этот футболист? Не факт, как говорят нынче. Впрочем, не факт, что кто-то из местных вообще захочет пообщаться с приезжим. Возможно даже, что таинственные обитатели Вантайска вовсе не стремятся на контакт со мной, а это вполне могло означать если не открытую враждебность, то как минимум трусливое недружелюбие.

Я поддал по мячу ногой, он некоторое время летел над газоном в сторону одной из пятиэтажек, затем, подпрыгивая, покатился по неровному асфальту.

И вдруг из-за угла дома выбежал человек. Я находился метрах в тридцати от здания, и легко сумел разглядеть, что это мальчик лет двенадцати или около того, одетый в оранжевую тенниску и зеленые бриджи. Он поддал ногой подкатившемуся мячу, тот упрыгал за дом, а мальчишка побежал следом.

А я помчался за мальчиком. Это был первый замеченный мною человек в пустом городе, и, вполне возможно, он вряд ли остался здесь в одиночестве. Не иначе, рядом с ним есть взрослые, которые, наверное, все же смогут мне объяснить, какая фантазмагория тут происходит.

Все это я продумал за те несколько секунд, пока добрался до угла дома. Но за это время мальчишка куда-то исчез. Мяч еще медленно катился по дороге вдоль подъездов, а вот паренька уже словно и не было.

Я огляделся. Не слишком большой двор с типичным набором металлических детских качалок и лесенок все же казался не таким уж маленьким, чтобы мальчик успел его пересечь и скрыться за другими зданиями, пока я бежал. Может, он заскочил в подъезд? Вот только в который из ближайших двух?

Мне не пришло в голову ничего, кроме как пробежаться по лестницам и простучать двери квартир. Честно скажу — я заранее настроился на неудачу. Может быть, потому в первом подъезде я и испытал полное фиаско. Но вот во втором подъезде на втором же этаже успел заметить мелькнувшую тень и услышать звук хлопнувшей двери. Неужели повезло?

Я подскочил к этой двери и заколотил по рейкам, которыми она была обшита.

«Откройте! Пожалуйста, откройте! Я заблудился в этом городе» — заговорил я. Вероятно, неся определенную чушь, но что более умное можно было произнести в подобных обстоятельствах?

За дверью слышался какой-то шорох — словно кто терся о стенку. Я подождал секунд пять, затем почти слово в слово повторил свою просьбу.

В ответ на нее прозвучал выстрел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Борис щелкнул замком бикса, поставил его на пол. Затем, вынув из барсетки органайзер, приготовился что-то писать.

— Какие перспективы, доктор? — тихо спросил Половод. Лицо его было не таким бледным, как утром, но заметно осунулось, на щеках появился румянец. Вряд ли такой уж здоровый, подумал Сергей.

— Рана неопасная, — объявил Ловейко. — Пулю изъять было несложно. Есть опасность внутреннего кровотечения, поэтому надо избегать резких движений и очень бережно обращаться с раневым местом. А от спортивных мероприятий я вообще бы посоветовал воздержаться как минимум на месяц. Если строго соблюдать режим и простые рекомендации, через неделю вы сможете вставать.

— Неделя, — прошептала Ира из коридора.

В проеме комнаты торчали Павел и Карина. Егор по-прежнему рубился в свои игры, он лишь на минуту выглянул из чулана, когда Сергей привез врача. Надежда почти не выходила из зала. В комнате, кроме врача и пациента, находился только Лихоманов-старший.

Неделя, подумал он. Еще неделя кошмара — и все. Еще целая неделя, которая только началась. В течение этой недели налетчики будут вонять в туалете табачным дымом, их придется кормить и наверняка обстирывать. Принесло оккупантов на мою голову...

— Сейчас выпишу рецепт, — спокойно говорил Борис. — Перевязку будете делать каждое утро и каждый вечер. Я уверен, что вы это сможете.

— Это к тебе относится, — Сергей испытующе посмотрел на Карину. Та поморщилась, но протеста не последовало. И на том спасибо.

— Чего мы должны? — спросил Павел. Борис даже не обратил на него внимания.

— Пошли, Сергей, — сказал врач. — Проводишь меня до машины. Да и в аптеку зайди заодно.

Ни с кем не попрощавшись, Ловейко вышел из квартиры. Лихоманов последовал за ним...

— Ты, если я правильно понял, сделал свое дело? — спросил Сергей, когда мужчины спустились во двор и остановились возле машины.

— Да, с этим парнем проблем быть не должно. С точки зрения медицины. А вот с других... Боюсь, твои постояльцы еще наделают тебе хлопот. Так что советую тебе их припугнуть. И не давай им бездельничать, а то на стенку полезут. Пусть занимаются больным — я не зря сказал про перевязки. Зэчары все это как правило умеют делать...

Через несколько минут Сергей остановил машину возле больницы и протянул руку врачу:

— Спасибо, Борис.

— Не за что... Не люблю быть в долгу, — сказал Ловейко, улыбнувшись уголками губ. — Ну ладно. Удачи! Она тебе сильно понадобится в ближайшие дни.

...Открывая дверь квартиры ключом, Сергей уже понял, что происходит недоброе. Растрепанная, раскрасневшаяся Карина с привизгом допрашивала Пашу, куда он дел ее сумочку. Паша в свою очередь огрызался, уверяя, что следить за чужой сумочкой он не нанимался, и что Карине следовало бы вообще не выпускать ее из рук, раз она не может жить без ее содержимого. Разговор, естественно, проходил на повышенных тонах и без

особого контроля над нормативами лексики.

Сергей готов был поклясться, что никакой сумочки Карина действительно не вносила в квартиру. Кроме дорожной сумки, набитой награбленными долларами, при славной троице ничего не было. Но сейчас он не стал высказывать вслух свои соображения.

Вместо этого Лихоманов схватил девицу за локоть, развернул к себе и в очередной раз напомнил о недопустимости подобных выражений в его доме. Лицо Карины было перекошено от злобы, и сейчас его вряд ли кто мог назвать привлекательным.

— Паша, ну чего опять за дела?! — спросил он, обернувшись затем к другу. — Что за детский сад? От того, что вы будете орать и скандалить, только себе хуже сделаете. Ну потеряли сумочку, что же теперь...

Карина зарычала и сползла по стенке, уселась на пол, подтянув колени и закрыв лицо руками. Лихоманов озадаченно поглядел на нее.

— Она на игле сидит, — неохотно произнес Павел. — В сумке, наверное, две дозы «герыча» были... Ну и «баян», конечно, да прочие прилады. Если сейчас не уколется, ее начнет плющить, и она вообще все, что угодно может натворить...

— Па-ша! — простонала Карина, не вставая с пола. — Пожалуйста... Найди сумку!

— Ты где ее оставила? В тачке? Вспоминай! — требовательно заговорил Павел.

— Нет, не в тачке, — жалобно проговорила Карина. — Она всю дорогу была со мной. Я могла только в один момент ее выронить — когда мы Барина тащили в подъезд... Да, наверное, там, в кустах она и валяется! Точно!.. Сережа! — Молодая женщина повернулась к Лихоманову. — Умоляю, пожалуйста... Пожалуйста, найди мне сумку! Черная такая, кожаная, обычная сумочка... Сходи, может, она еще там... Я все-все для тебя сделаю, только по-жа-луй-ста, найди мне сейчас ее!

Карина приподнялась, но тут же встала на колени перед Сергеем и умоляюще сжала тонкие кисти рук со старыми следами лака на аккуратно подстриженных ногтях. Теперь в ее глазах прыгали огоньки страха — того, наверное, страха, известного лишь наркоманам, у которых вдруг возникла жуткая перспектива остаться на неопределенный срок без дозы. Лицо ее теперь стало похожим — Лихоманов просто поразился — на лики святых с картин эпохи Возрождения.

Ну что ты будешь с ними делать?!

— Паша, заberi ее в комнату, и сидите там тихо, — сказал Сергей. — Это для вашей же безопасности... Сейчас я схожу, может, удастся чего найти. Кстати, несколько шприцев я купил, займитесь пока вашим Баринком... Отвлечитесь.

Карина прерывисто вздохнула, поднялась на ноги и позволила Паше увести себя в комнату. Но на секунду остановилась, повернув к Лихоманову свое лицо — в эту минуту необыкновенно красивое, с нежнейшими чертами.

— Пожалуйста, — тихо повторила она.

... Сергей трижды прочесал кусты во дворе близ своего подъезда, обошел вокруг трансформаторной будки и заглянул под детскую горку, сколоченную из досок. Кроме пары пустых бутылок, нескольких пачек из-под чипсов, жвачек и сигарет, окурков а также, разумеется, многочисленных горок собачьего дерьма, на глаза ему ничего иного не попадалось. Сумочки, конечно же, не обнаружилось — он заранее уверился, что девица что-то напутала.

И все же он ошибся: когда стало окончательно ясно, что смысла шарить по кустам никакого нет, вдруг под одной из скамеек у ведущей через двор дорожки что-то тускло

блеснуло. Лихоманов нагнулся. Пудреница! И одноразовый шприц в упаковке, однако, побывавший уже в употреблении. Все-таки Карина не ошиблась, сумочку она потеряла действительно рядом с домом. Вот только кто-то ее распотрошил, что нашел интересного, прикарманил, а ненужное выбросил.

С этими сведениями Сергей и вернулся в квартиру.

— Пудреница? — вскинулась Карина — Красная?

— Кажется, да, — проговорил Сергей равнодушно.

— Так заberi ee! — воскликнула молодая женщина. — В ней одна доза еще должна остаться! Принеси, пожалуйста, слышишь?

Карину уже трясло. И она, по всей видимости не играла — даже на расстоянии порядка двух метров было слышно, как стучат ее зубы. Время, очевидно, терять было нельзя. Про себя чертыхаясь, Лихоманов снова потащился во двор, поражаясь тому, как легко он прогнулся под обстоятельства.

На скамейке, под которой Сергей несколько минут назад обнаружил остатки содержимого сумочки, покачивая ножками, сидела девочка лет семи-восьми в простом синем платице с белыми оборками. При этом знакомая: дочь Родионовны — бесшабашной бабенки из четвертого подъезда, работавшей в местном ЖЭУ маляром. Нередкий экземпляр среди жильцов любого городского дома — живет без мужа, но приятели есть, попивает, но без запоев, шумит по ночам, но хулиганов из подъезда гоняет. И дочь растит — такую же оторву... Что это такое она в руках крутит?

У Сергея упало сердце, когда он убедился, что девчонка пытается вскрыть красную пудреницу.

— Привет, — обратился он к девочке, быстро подойдя к скамейке.

— Дрась, дядь Сережа, — ответила девочка, не прекращая своего занятия.

— А скажи-ка мне, что это у тебя такое? — масляным голосом спросил Лихоманов.

Девчонка немедленно спрятала руки за спину.

— А ничего у меня такого нет, — она сделала честные глаза.

— Послушай... — Сергей присел на корточки рядом со скамейкой. — Ты нашла сейчас под скамейкой красную штучку. Это моя жена потеряла. И расстроилась — ей она очень нужна, тем более, это подарок.

По всей видимости, девчонке было глубочайше плевать на переживания чьих-то жен.

— Но у меня правда ничего нет...

Она чуть поерзала попой и, вытащив руки из-за спины, предъявила обе ладони для досмотра: — Вот.

— Ну... Девочка (как же ее зовут-то, вот черт!), зачем ты говоришь мне неправду? Ведь я же сам видел, как ты крутила эту штучку в руках.

— Не было у меня ничего. — Ужасный ребенок округлил глаза и слегка закатил зрачки.

Лихоманов предполагал, что в детской психологии он полный профан — об этом ему и Ирина не раз говорила, когда у супругов возникали разногласия по поводу издержек воспитания Егора. Но сейчас просто необходимо было напрячь все усилия, чтобы пойти на контакт и не спугнуть девчонку.

— Тебя как зовут-то, маленькая? — не меняя приторного тона, поинтересовался Сергей.

— Люся. — Девочка наклонила голову, прикусила большой палец левой руки и хитро стрельнула глазками.

— Тебе лет-то сколько?

— Семь...

— У! Так ты уже в школу ходишь, наверное?

— Еще нет. В этом году пойду в первый класс.

— Хочется в школу-то, наверное?

— Не знаю... Лилька с пятого этажа говорит — отстой.

— Ну... Ей, может, и отстой, а тебе вдруг понравится, ага? Там весело, на переменах

дети носятся,

(боже, что я несу?!)

играют друг с дружкой!

Девочка не ответила. Ей несомненно надоел этот глупый и занудный дядька, и надо по-хорошему вставать и драпать, но как сделать, чтобы незаметно прихватить с собой бесценную находку, надежно прижатую сейчас попкой к доскам скамейки?

— Люся, а день рождения у тебя давно был? — отчаянно начал импровизировать Лихоманов.

— Не-а... В мае, недавно.

— Эх... Вот бы сегодня, тогда можно было тебе подарить чего-нибудь.

По глазам девчонки хорошо читалось, что она ругает себя за несообразительность.

— Но наверное, подарки тебе хорошие подарили? — Сергей продолжил разрабатывать жилу.

— Да так... Две книги какие-то.

— Интересные?

— Не знаю. Картинки отстойные... Набор детской косметики еще принесли — тетя Оля и ее новый приятель. Только мамка тут же забрала и спрятала — говорит, рано еще мазаться.

С этими словами девочка даже надула губы — видно, что она в корне не согласна с мнением матери.

...Во дворе было пусто. Лишь двое или трое прохожих пересекали площадку по диагонали. И то хорошо — еще не хватало, если бы кто из знакомых увидел, как Лихоманов, имеющий в довольно бедном квартале репутацию излишне хваткого деляги, вот уже несколько минут занимается тем, что пристает к ребенку во дворе.

Но ведь надо что-то делать!

— Люся, а может, тебе лучше новую пудру подарить, а? Зачем тебе старая? Тем более, там ее уже мало осталось. А?

Девчонка начала что-то смекать.

— Дядь Сережа, — менторским тоном заговорил ребенок, — мне мамка строго сказала: у взрослых дядей ничего нельзя брать!

— Так это ж у незнакомых, верно? А меня-то ты знаешь?

— А еще мамка сказала, что вы новый русский, и с вами вообще не о чем разговаривать... Вот.

Черт бы подрал всех этих люмпенов, подумал Сергей. А также их не в меру сообразительных детишек. А с ними — всех бандитов заодно с наркоманами и наркоманками, из-за которых, он, Лихоманов, глава пусть захудалой, но еще держащейся на плаву фирмы, лично знакомый с мэром Вантайска, сейчас вынужден валять дурака перед девчонкой, чтобы Карина смогла вкатить себе дозу и тем самым на некоторое время обеспечила спокойствие в квартире... Насколько это еще возможно, сказал внутренний голос.

— Да какой же я новый русский, — Сергей взял до предела доверительный тон и даже развел руками. — Новые русские живут в отдельных коттеджах, ездят на Канары, у них дорогие джипы и «Мерседесы»... А у меня что?

— А у вас тоже машина дорогая. И за границу вы в позапрошлом году отдыхать ездили... Наверное, и подарки дорогие на день рождения дарите.

Та-ак. Начинается детский рэкет. Самое странное, что Сергей так не волновался даже, когда его еще на заре деловой деятельности посещали настоящие вымогатели.

— Да и не только на день рождения, — Лихоманов решил подыгрывать. Главное, подумалось ему, сейчас не перестараться. — Ты что-то очень хотела получить, наверное, да? А тебе не подарили?

— Да. Я хочу набор косметики. Только не детский, а взрослый. Какой-нибудь крутой чтоб был...

Сергей стиснул зубы. Вот еще попал! Ну где это видано, чтоб дошкольница пользовалась подобными игрушками! Да и маманя, когда увидит (а увидит обязательно!), чем красится дочка, то ведь землю насквозь пробурит, а докопается, откуда презент. А у него, Сергея, и так проблем выше крыши.

— Послушай, а может, я тебе лучше денег дам? А ты сама чего-нибудь пойдешь и купишь? А то я плохо в женской косметике разбираюсь, куплю что-нибудь, а тебе не подойдет.

Сергей намеренно сказал «не подойдет» вместо «не понравится», и даже похвалил себя, решив, что изыскал удачный прием из арсенала детской психологии.

Девчонка уже поняла, что между ними имеет место быть заговор. Она поглядела по сторонам и с пониманием сказала:

— Ладно, давайте, я действительно лучше сама чего-нибудь куплю себе.

— Хорошо. Пятьдесят рублей хватит?

Видно было, что Люся слабо представляет, сколько ей надо для полного счастья. И все же она подумала, что дядя решил обойтись малой кровью.

— Нет. Надо рублей семьдесят. А лучше восемьдесят.

— Может быть, ты и права. Вот тебе деньги, а ты мне сейчас отдашь то, что прятешь. Хорошо?

Девочка закивала головой. Сергей полез в карман и почувствовал, как у него внутри все переворачивается вверх ногами — из-за всей этой суеты он оставил дома бумажник.

— Что такое? — Ребенок сразу просек неладное.

— Сейчас, подожди. Не торопись...

Достав мобильник, он набрал номер жены. Девчонка насторожилась. В трубке прозвучало «абонент не отвечает или временно недоступен», а Люся, похоже, вообразила, что противному дядьке, видно, стало жалко денег, и он звонит кому-то из взрослых на помощь, чтобы отобрать у ребенка чудесную находку. Девочка подскочила и попыталась сорваться с места.

Сергей поймал ее за руку. Со стороны, конечно, сцена выглядела безобразной: взрослый мужик грубо хватает маленькую девочку, а та тщетно пытается вырваться. Сейчас из окон высунутся пожилые женские головы, и начнется...

— Ну послушай, Люся!.. — заговорил Сергей. — Деньги я дома забыл. Я сейчас тебя отпущу, только ты не убегай. Я тебе дам больше — сто рублей, хорошо? Если ты подождешь меня на этой скамейке две минуты, и никуда не исчезнешь... Ладно?

Девочка перестала выдергивать руку, и Лихоманов рискнул ее отпустить. Люся не стала убегать, Сергей отступил на шаг и перевел дыхание.

— Все, — сказал он, — жди меня здесь две минуты.

И сам кинулся домой, надеясь, что долго не задержится; дел-то всего ничего — сто рублей взять...

Квартира встретила его отвратительными звуками — кого-то нещадно рвало в туалете. Карину, естественно. Выставив ноги в коридор и стоя внаклон на коленях, она пугала унитаза с рычанием и стонами, словно перебравший султыги пьяница. Паша, видимо, сидел в комнате с Бариним — дверь была плотно закрытой. Ира и Надя, обе с каменными лицами, выросли в прихожей.

— Я не понимаю, во что мы вляпались, — произнесла жена.

— Сейчас я возьму бумажник, и решу эту проблему, не беспокойся.

— «Не беспокойся», — нервно хихикнула Ира. — Да уж...

Лихоманов не мог терять время на бесплодные разговоры. Схватив бумажник, он задержался лишь, чтобы проверить, есть ли внутри деньги. Деньги были.

Он скатился по лестнице во двор, на ходу сложив в несколько раз сотенную и переместив ее в карман. Люся, к счастью, сидела на прежнем месте.

— Вот и я, — сказал он, через силу улыбнувшись. — Держи.

И, вынув из кармана купюру, протянул девочке, но попутно оглянулся — не подсматривает ли кто с близости.

Люся благосклонно приняла купюру и быстро спрятала ее невесть куда.

— Спасибо, дядь Сережа, — произнесла она и, поднявшись, тут же двинулась в неизвестном направлении.

— Эй! — сказал Лихоманов. — Ты мне что-то ведь обещала вернуть!

— А я вроде бы у вас ничего не брала, — пропел ребенок.

Сергей почувствовал, что весь мир вокруг него пошел вкруговую.

— Не брала? И что?! — Мужчина почти закричал. — Ты мне обещала отдать пудреницу моей жены!

— Ой... Дядь Сереж, я, кажется, ее потеряла... — жалобно произнесла Люся и опустила хитрые глазки долу.

— Да где ты ее могла потерять?! — зарычал Лихоманов, все же посмотрев на землю возле скамейки. — Отдай, черт возьми! Что за шутки!?

Какой бы ни была девочка оторвой, все же ей лишь недавно исполнилось семь. И, будучи к тому же не дурочкой, она сообразила, что не надо излишне злить взрослых. Конечно, красивую вещицу, блестящую, гладенькую, прямо-таки *сладкого* цвета очень, очень жалко, но ведь глупый дядя, как бы там ни было, не пожалел за нее неплохих денег.

— Ой, да вот же она! — сказала вдруг Люся, достав откуда-то пудреницу и протянув ее Сергею.

— Ну спасибо, Люсенька, — выдохнул Лихоманов, забирая вещицу. — Уж как жена обрадуется... Я ей обязательно скажу, что это ты нашла.

Сергей действительно не относился к знатокам детской психологии. Но потом убедил себя, что произнес эту фразу намеренно.

— Нет-нет! — с некоторым даже испугом сказала Люся. — Ничего не говорите. И я никому не скажу, что вы мне денег дали.

— Точно не скажешь? — Сергей строго сдвинул брови.

— Конечно! Ни за что не скажу... И вам спасибо, — почти шепотом произнесла она.

— Ну, тогда беги... — И, не обращая больше внимания на девочку, Сергей опять помчался домой.

Карину уже слегка отпустило. Она вернулась в комнату, где уселась в кресло, слегка запрокинув голову. Лицо ее опухло, покраснело, белки глаз налились кровью. Андрей Половод был без сознания, а может быть, просто спал. Павел бесцельно слонялся по комнате.

— Принес? — спросила Карина безнадежно.

Сергей кивнул, протягивая пудреницу. Молодая женщина даже всхлипнула от громадного облегчения, когда убедилась, что внутри вместо пудры находится плоский пакетик с заветным порошком. Павел потребовал ложку.

— Столовую надо. Лучше не алюминиевую, — заметил он.

Лихоманов сходил в кухню за ложкой, спрашивая себя не в первый раз уже — снится ему весь этот дурдом, или все-таки это кошмар наяву...

— Давай, замути мне скорей дозу... — сказала женщина Паше, протягивая ему зажигалку.

— А что, сама не можешь? — проворчал Кутапин.

— Не могу, — жалобно сказала Карина. — Руки не слушаются.

— Да я один не справлюсь — не умею эту хрень мутить...

— Ну пусть он тогда поможет...

Сергей уже и не думал спорить. Он помог Паше развести дозу порошка в ложке, довести ее до кондиции с помощью огонька зажигалки и втянуть жидкость в шприц.

Карина дрожащими руками расстегнула джинсы, стянула их с себя, небрежно бросила на пол комнаты. Упала в кресло, закинув одну ногу на подлокотник. Ноги у нее, подумал некстати Сергей, выше всяких похвал. Но какого лешего устраивать подобное шоу?

— Это еще зачем? — спросил он Пашу, который опустил перед Кариной на корточки. Шприц тот держал в правой руке иглой вверх.

— Вены на руках ей впадлу, видишь ли, дырывать, — недовольным голосом объяснил Павел. — Вот и ширяет в пах... Ты бы хоть спиртом прошлась сперва, — посоветовал он девушке. — Костоправ же оставил. А то нарыв наживешь, кто тебе его потом лечить будет?

Карина послушалась. Затем бросила комочек ваты на пол, еще сильнее раздвинула ноги, пальцами обозначила место для укола — между внутренней стороной бедра и белой полоской простых хлопчатобумажных трусиков. Паша прицелился и вонзил иглу.

— Попал? — хриплым шепотом спросила Карина.

— Да у тебя уже вены прятаться начали, — проворчал Паша. — Иглу боятся... Сейчас поймаю... Ага, есть.

Он нажал на поршень, выдавил жидкость, затем выдернул иглу. Гротеск, да и только, вдруг подумал Сергей. Если не знать, в чем дело, можно увидеть вполне сексуальную сцену, а вот ни Карине, ни Паше сейчас не до подобных ассоциаций... Хотя насчет Карины, возможно, он и ошибается.

У молодой женщины с лица необычайно быстро схлынули краснота и одутловатость. Карина нежно вздохнула, изящным движением сняла ногу с подлокотника кресла.

— Все... в порядке, — немного замедленно, словно проваливаясь в сон, сказала она.

Сергей только сейчас заметил, что Ира и Надя, оказывается, тоже наблюдают — видимо, из любопытства подошли к двери комнаты. Надо же, как глядят — прямо пожирают

глазами зрелище. Хорошо хоть, Егор не видит.

Паша поднялся на ноги, бросил шприц на табурет, рядом с ложкой, на доньшке которой уже подсыхали остатки зелья. Он без особых эмоций смотрел на Карину. Та грациозно изогнулась, распласталась в кресле, сладко вздыхая, словно от эротических ласк. Ресницы ее затрепетали, она затуманенным взглядом поглядела на собравшихся, плавно помахала рукой.

— Ну... что вы... на меня... смотрите? Не... надо...

Голос ее звучал, словно с другой стороны Луны. Затем Карина несколько раз прерывисто охнула, как от подкатывающего пика наслаждения.

— Пойдемте, действительно, — сказал Павел усталым голосом. — Пусть потащится, пока она еще это может.

И требовательным жестом ладони показал всем: давайте, типа, очистим помещение. Женщины молча вышли, за ними комнату покинули Сергей и Павел. Кутапин плотно закрыл за собой дверь.

— Давно она на игле? — спросила Надя. Сергей обратил внимание, что это едва ли не первая реплика сестры жены с момента, когда прибыли гости.

— Не особенно. Но уже втянулась. Если бы Барин знал, что она торчит, не взял бы ее на дело.

— А что, она в ваших делах мастер? — как бы между делом поинтересовался Сергей.

— В том-то и дело, что... Что тебе лучше не надо про все знать, — спохватился Павел. — Но если Барин кому предлагает на дело идти, значит, не просто так... Черт, когда она успела на «герыча» запасть, не представляю.

— И уже такая зависимость появилась? — Это спросила Ирина. И тоже, похоже, впервые обратившись напрямую к одному из налетчиков.

— Так это быстро... Сейчас у нее еще есть шанс завязать. Говорят, пока приход кайфовый, можно успеть соскочить. Потом, когда останется чистая зависимость — кранты.

— Приход кайфовый... — озадаченно повторила Ира.

— Ну она еще балдеет пока от ширева, — объяснил Павел. — Здорово кайфует, сама говорила. Раза в три сильнее, чем... Хотя ладно, че об этом сейчас... Ты лучше, Серега, подумай, где в ваших краях можно «герычем» разжиться? До завтрашнего вечера проблем быть не должно, а если повезет, то и до следующего утра. Но потом по-любому доза нужна будет.

Лихоманов задумался. Сам того не замечая, прикусил большой палец левой руки.

* **

День своего прибытия в Вантайск я смело могу теперь считать для себя вторым днем рождения. Пуля, пробившая дверь, прожужжала в считанных сантиметрах от моей головы.

Я отскочил. Тот, кто засел в квартире, явно не был расположен принимать гостей. Но удирать я не собирался — мне надо было убедить таинственного хозяина квартиры в своей безобидности. Я прижался к стене у двери, рассчитывая скрыться в мертвой зоне.

«Не стреляйте! Я не хочу причинять вам зла. Просто я приехал сегодня утром в Вантайск по делам, и не понимаю, что тут происходит».

Второй выстрел не оставил отверстия в двери. Однако вслед за ним из-за двери до меня донесся звук падения — словно уронили тяжелый куль.

Я еще покричал в дверь квартиры, но теперь даже выстрелов не раздавалось в ответ. И не слышно было более вообще никаких звуков, даже самых легких.

Наверное, я бы ушел от этой негостеприимной квартиры прочь, но, случайно опустив

взгляд вниз, обнаружил тонкую струйку крови, подтекающую из-под запертой двери. Это прекратило мои сомнения, и я рискнул пойти на взлом. То, что дверь была не двойная и не усиленная стальным листом, мне уже было ясно.

— ... Вот этот момент — один из самых невразумительных в вашей истории. — Недоверие явно читалось на вашем лице. — Очень трудно поверить, что именно так все и было.

— Я же назвал адрес. При желании можно было поехать туда и проверить.

— Допустим. И все же — зачем вы взялись ломать дверь? Ведь вы же сами обозначили для себя план действий — проверить адрес вашего знакомого, затем покинуть Вантайск. Или что-то изменилось?

Поскольку я промолчал, вы произнесли:

— Надо полагать, что вам захотелось вооружиться. Если так, понимаю. Но не одобряю. Продолжайте.

Труп мужчины лет сорока лежал ничком в прихожей, головой в сторону входной двери. Из простреленного виска под дверь все еще подтекала темно-красная струйка. В правой руке мертвец держал пистолет, растоптанные шлепанцы свалились с босых ног.

Был ли этот бедняга водителем «Форда»? Вряд ли. И это означало, что, кроме меня, в Вантайске сегодня утром было как минимум, три человека — тот автомобилист, мальчишка, и вот этот мужчина, несколько секунд назад из неизвестных побуждений так нелепо сокративший количество горожан.

Я обошел квартиру. Много времени на это не потребовалось — одна комната, кухня и все прочее. Попутно понял, что электричества здесь нет, судя по туристской газовой плитке, развернутой на кухне и подключенной к маленькому газовому баллону. Из «холодного» крана при его открытии до отказа побежала тонкая струйка воды, «горячий» же кран не действовал.

В общем кухня, как и комната, была довольно грязной и замусоренной — тот, кто здесь жил, был типом весьма неряшливым и неопрятным. Лишь небольшая библиотека оказалась в строгом порядке — на полках стояли несколько сотен книг, в основном подписные издания советского периода, да солидная подборка специальной литературы, по всей видимости, сугубо медицинской.

Шариться по жилищу было неловко, да и все равно я ничего особенного не нашел, если не считать пистолета, который я, разумеется, прихватил с собой, прежде чем уйти отсюда. Обычный «Макаров» девятого калибра с четырьмя оставшимися патронами в обойме.

«Тойота» неожиданно меня подвела. Я вставил ключ зажигания в замок и повернул его, но в ответ услышал только скрежет стартера. Двигатель наотрез отказался схватывать. Еще несколько раз я делал попытку его запустить, но все без толку — лишь подсадил аккумулятор.

Подняв капот, я как мог, проверил систему зажигания, свечи. С электричеством все было в порядке. В инжекторной системе впрыска топлива я разбирался неважно, и ничего тут сделать не смог. В общем, провозившись с машиной где-то с полчаса, решил ее бросить и найти другое транспортное средство.

— ... Но сначала вы отправились к вашему знакомому?

— Совершенно верно. Его дом находился в пяти минутах ходьбы от этого места.

— Если я правильно понял, визит прошел без особого успеха?

— Без. Я воспользовался ключами, найденными в офисе, чтобы попасть в квартиру. Вы не поверите, но я ее не узнал. Когда-то ведь я был у него в гостях. Сейчас мне показалось, что тут жили совсем другие люди. И обстановка изменилась, и мебель не та... Но, как ни странно, визитки «Оверхилла» с правильной фамилией и правильным адресом мне попались на глаза в одной из комнат.

— Вот это нашлось в той квартире? — Вы показали известный мне набор для аварийного запуска автомобиля без ключа зажигания.

— Да, — неохотно ответил я.

— И дальше что вы собрались делать?

— Уезжать из города, как и собирался.

Ближайшая окраина Вантайска была уже сравнительно близко. Слева от меня громоздился высокий каменный забор целлюлозно-бумажного комбината, справа — тянулись двухэтажные дома, частью своей кирпичные, но в основном — деревянные, построенные еще в сороковые-пятидесятые годы для рабочих комбината. Многие окна в них были заколоченными. Я миновал здание заводоуправления и проверил несколько автомобилей, стоящих на парковочной площадке. С помощью специальных инструментов, неожиданно найденных в квартире, я сумел вскрыть почти все машины, но лишь у двух из них работали стартеры. И только одна — темно-синие «Жигули» шестой модели — завелась. Но у нее оказалось что-то неладное с коробкой передач — работали только первая и задняя, и ехать на машине было почти невозможно. И все же я доковылял на этой тачке до дорожного указателя, на котором, к счастью, вполне вразумительно было указано направление движения до областного центра, и указано расстояние — 140 км.

За поворотом направо возник еще один указатель — надпись «Вантайск» на белом фоне, перечеркнутая кривой красной чертой. До красной черты дошел и датчик температуры на приборной панели автомобиля, мне пришлось заглушить двигатель и выйти наружу. Я вполне готов был покинуть город-призрак пешком.

Но не прошел и десяти шагов по направлению к границе города, как остановился. Из придорожного кювета вдруг появились семь-восемь существ.

И они все молча смотрели на меня.

Собаки. Почти все беспородные, плюс пара овчарок и один пит-буль. Разных цветов, разных размеров... Впрочем, мелких особей типа такс или карликовых пинчеров в стае не наблюдалось. Сплошь крупные псы. Тощие и, надо полагать, оголодавшие.

Я сделал шаг назад. Другой. И со всех ног кинулся к «Ладе» — мне совсем не хотелось заводить с этими собаками близкое знакомство.

Легкий и частый топот был уже совсем близко, когда я схватился за ручку двери. К счастью, мне не пришло в голову запирасть машину, в противном случае я бы сейчас не сидел тут и не рассказывал о своих приключениях. Я рванул дверь, проскользнул на сиденье и захлопнулся внутри, успев поднять стекло. Вожак с разгона ударился о дверь — «Жигули» даже покачнулись.

Псов стало больше — наверное, пока я бежал, из кювета вылезла вся стая — экземпляров пятнадцать. Две-три самых глупых собаки долбанулись в дверь, пит-буль вскочил на капот и, перебирая по стеклу лапами, проверил лобовик на прочность. Я перевел

дыхание, на всякий пожарный опустил «солдатики» на всех четырех дверях и закурил. Руки у меня вздрагивали.

Собаки не лаяли, не выли. Они быстро окружили машину кольцом, некоторые из них, вставая на задние лапы, передними искали уязвимые места. Не иначе, псы уже давно предоставлены сами себе — у многих свалаялась либо клочьями вылезла шерсть, почти все были увешаны черно-синими виноградинами впившихся клещей... Близ указателя границы Вантайска лежало разодранное тряпье — только сейчас заметил. Наверное, друзья человека не меня первого пытались убедить не покидать город. Только мне повезло больше — при всем их желании собакам вряд ли удастся вскрыть автомобиль.

Повезло-то повезло, но как быть дальше? Патронов в пистолете на всех собак не хватит. Из машины выходить нельзя — скорая и одновременно нелегкая смерть. К быстрой и долгой езде тачка непригодна... Впрочем, можно попытаться доехать до какого-нибудь здания или любого другого укрытия, чтобы встать дверь в дверь и выбраться из автомобиля — не вечно же в нем сидеть?

О том, что придется делать дальше, я сейчас запретил себе думать. Цель на текущий момент была только одна — избежать близкой встречи с собаками. Я запустил двигатель, включил заднюю передачу и двинул обратным ходом, как тот чукча из анекдота. Смех смехом, но кто-то мне говорил, что при движении назад есть шанс не так быстро перегреть двигатель, нежели все время «пилить» на первой передаче.

Собаки последовали за мной. Поскольку ехал я не быстро, отстать им было невозможно. Свора трусила вокруг меня почетным эскортом, а вожак-овчарка и пит-буль бежали впереди, словно показывая мне дорогу. Сообразительные твари будто бы понимали, что с дороги мне свернуть не удастся.

Так я добрался до заводоуправления. В здании, кроме парадного входа, имелось несколько деревянных дверей, окрашенных в красно-коричневый цвет, и я, надеясь, что какие-то из них не заперты, подъехал к серой стене управления, и двинулся к ней впритирку. Псы, кажется, слегка растерялись. И только когда я добрался до первой из дверей, открыл дверцу машины и кое-как убедился, что мне повезло, вожак коротко гавкнул, и стая вплотную приблизилась к «Жигулям». Неугомонный пит-буль даже вспрыгнул на крышу «Лады».

Между автомобильной дверью и входом в здание оставался немалый промежуток. Я оценил свои шансы. Проскользнуть быстро было почти невозможно — наверняка хоть одна из этих тварей успеет впиться в ногу или в руку. А уж если зацепиться сумкой, замешкаться...

Порвут в клочья и слопают, — сказал внутренний голос.

Я открыл сумку, понимая, что с ней придется расстаться. Все, что посчитал необходимым, рассовал по карманам куртки, остальное оставил внутри, а сумку кинул на пассажирское сиденье. Потом вынул пистолет, снял его с предохранителя и приготовился. Эта штука могла помочь мне перебраться в здание. Слегка приотворив дверь машины, я нагнулся и посмотрел вверх. Бойцовый пес караулил наверху. Ну, ладно.

Я прицелился собаке в голову и выстрелил. Пуля, похоже, попала пит-булю в шею. Псина дико завизжала, взметнулась, и соскользнула с крыши на капот, попыталась встать, но ноги ее уже не держали. Еще секунда — и пес упал на асфальт. Некоторые из его собратьев сразу же кинулись рвать неожиданную добычу.

Но вожак опять гавкнул. Я уже тянул деревянную дверь на себя, когда в нескольких

сантиметрах от меня шелкнули клыки шелудивого беспородного монстра. Его пасть была в крови пит-буля, к морде пристали клочья чужой шерсти. Четвероногие убийцы, словно дисциплинированные солдаты, слушались своего командира. Пришлось истратить второй патрон на эту пасть, иначе я вряд ли сумел бы проскочить в проем. Но я проскочил, даже не зацепившись. Захлопнул дверь за собой и задвинул на засов, очень кстати оказавшийся на нужном месте.

Мне было слышно, как собаки скребут в дверь. Вот твари! Я поставил пистолет на предохранитель и убрал его в карман.

Отсюда, с черной лестницы, надо было уходить. Спрятаться пока где-нибудь на втором этаже, отсидеться. Возможно, проклятые собаки уберутся отсюда куда-нибудь, а тогда можно будет методично обшарить управление комбината. Не исключено, что с узла связи получится подать сигнал бедствия.

... Из окон второго этажа был хорошо виден заросший дикой травой газон перед зданием. На нем сейчас псы раздирали своих подстреленных сородичей и трапезничали, грызаясь друг на друга. Я решил, что у меня есть возможность побродить по кабинетам.

— ...Судя по всему, помощь вы не смогли вызвать?

— Не сумел. Телефоны по всему зданию не работали, узел связи был обесточен. Я попробовал подсоединить коммутатор к резервному источнику питания, но у меня ничего не вышло. Радиопередатчик тут тоже нашелся, и мне даже удалось его включить. Я проговорил несколько слов в микрофон на разных частотах, но до сих пор не уверен, услышал ли меня кто... Единственное, что нашел полезного, так это несколько патронов в помещении охраны. Кстати, если это может что-то прояснить: пока я бродил по комбинату, прямо надо мной пролетел вертолет, кажется, «Ми-8». Я на какой-то момент вообразил, что неожиданно прибыла подмога, но вертолет улетел, и больше я его не слышал.

— Еще в какие-нибудь помещения заходили?

— Разумеется, в кабинет директора.

В помещении Генерального обстановка оказалась вполне ожидаемой. Большие столы, удобные кресла, несколько телефонов, плазменный телевизор и прочие атрибуты руководителя. На одной из стен висела большая и довольно крупномасштабная карта областного центра и близлежащих городов. Вантайску, разумеется, на карте тоже место нашлось. Он, как и центр, располагался на протекающей через область реке Вантай. При этом главный город области стоял ниже по течению, нежели брошенный населенный пункт, где я так неудачно оказался.

Вот тут у меня и появилась мысль: а что если добраться до реки, найти какую-нибудь лодку и спокойно сплавиться до центра области? Во-первых, не придется тащиться пешком, постоянно ожидая нападения собак или еще кого, во-вторых уж там-то все станет понятно, что происходит в Вантайске.

Я посмотрел в окно. Собаки куда-то исчезли. Начало смеркаться — мои часы подтвердили, что уже девятый час вечера. Так, даже не замечая времени, я провел в этом кошмарном городе уже примерно тринадцать часов. И проголодаться успел...

В общем, я до того расслабился, что, затеяв походно-полевой ужин, состоящий из единственной и последней банки гусяного паштета, даже не удосужился запереть двери в

приемную и в кабинет. Подобная беспечность едва не обошлась мне весьма дорого. Хорошо лишь, что догадался перезарядить пистолет и держать его наготове.

Не успел я прикончить банку, как дверь распахнулась, и в кабинет влетели сразу три пса. К счастью, пистолет уже был для меня инструментом привычным. И хорошо, что я не принялся драпать от собак по кабинету, иначе меня в конечном итоге наверняка бы загрызли.

Я несколько раз выстрелил в атакующих животных, быстро двигаясь навстречу тем, кто еще только собирался проникнуть в кабинет из приемной. Изведя обойму, я добрался до двери и запер ее изнутри. В помещение все же успели ворваться пять собак, и одна из них, раненая, ползла по полу и все норовила вцепиться мне в ногу. Пришлось зарядить в пистолет оставшиеся пять патронов и прикончить монстра одним из них.

Надо было смываться отсюда окончательно и быстро. Не из кабинета, а с комбината вообще. Желательно, хоть каким-нибудь видом транспорта. Иначе свора меня рано или поздно достанет.

Я некоторое время шарил по стенам кабинета, резонно полагая, что у руководителя подобного ранга в кабинете есть смежное помещение. И оказался прав — один из шкафов, оказавшийся декоративным, легко отъезжал в сторону, словно дверь купе, будучи оснащенным роликами с направляющими.

Комната была достаточно уютной: два кресла, столик, бар-холодильник и диванчик чуть в стороне. На диванчике валялась салатного цвета женская комбинация, на столе лежал от руки набросанный план, похоже, небольшого района. Я пригляделся. Несомненно, заводоуправление, еще какие-то корпуса... От одного из зданий в сторону отходили две параллельные прямые, и прямо в их начале были написаны такие слова: «Выезжаем через час. Мотриса тут».

Поскольку вариантов было, мягко говоря, не так уж много, я решил отправиться на разведку. Рискованно, конечно, но что делать?

Я приоткрыл дверь, но не ту, замаскированную под шкаф и ведущую в кабинет, а другую; всего дверей тут имелось две. Занятно! Личный директорский санузел... Но без других выходов. Только маленькое окно, даже подростку не пролезть. Да еще надежно зарешеченное. Тупик. Правда, есть довольно широкое вентиляционное отверстие, тоже забранное решеткой, но пластмассовой. Добраться до него было нелегко, но мне помог капроновый шнур, найденный на вокзале.

Я продрался через узкий лаз, собрав всю скопившуюся тут грязь, и оказался в какой-то подсобке. Отсюда дверь открывалась в коридор; я взял в руку пистолет и, стараясь не дышать, выглянул наружу.

Собак не наблюдалось. Теперь моей задачей было неслышно выбраться из управления, выйти на территорию комбината и найти там заинтересовавшее меня место на плане.

С этим я тоже справился, и довольно легко. За зданием столовой начиналась узкая железнодорожная колея, ограниченная тупиком с задранными вверх рельсами и приделанным к ним щитом, окрашенным в косые желтые и черные полосы. На рельсах стояла красно-желтая автомотриса, похожая на усеченный трамвай. На ее облупившемся борту висела выцветшая маршрутная доска: «Санаторий «Вантай». Заезд с территории ВЦБК».

Легкий шум со стороны столовой привлек мое внимание. Я оглянулся. Что-то мелькнуло за углом здания — темное, и вроде бы мохнатое. Уж не собачий ли хвост?

Я подбежал к мотресе и взялся за ручку двери. Заперто! Достал пистолет, попытался разбить одно из окон. Высоко, черт, не дотянуться... Оглянулся назад — точно, собаки! Стоят возле здания столовой и смотрят на меня. Они, наверное, потихоньку преследовали меня, пока я шел по территории, ожидая момента, когда я перестану представлять для них опасность. Ну что же, всего с четырьмя патронами я уже сейчас почти не опасен... Интересно, догадываются ли эти бестии о моем положении?

Я еще раз подергал ручку двери, не сводя глаз со стаи. Дверь не поддавалась. А чертовы псы вдруг дружно, как один, целенаправленно двинулись в мою сторону, не переходя пока что на бег. Я снял пистолет с предохранителя и приготовился отбиваться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Из комнаты доносился храп Павла, сонное хихиканье Карины и жалобное бормотанье Барина. Музыка еще та. Егор, насбивав не меньше эскадрильи «Мессершмиттов», видимо, спал у себя в чулане, и не слышал этой «музыки».

Зато к ночным звукам прислушивалась чета Лихомановых и Надежда.

Несмотря на поздний час, они спать не ложились.

— Телефон работает, — сказал Сергей. — Они действительно оторвали провода в щитке, я сейчас прикрутил их на место.

— Вот он, друг твой, — вздохнула Ира. — Мне он и раньше не нравился, если честно.

— Брось, — проворчал Сергей. — Помнишь, когда еще мы с тобой только познакомились, вместе сколько раз собирались... В сауну ходили, потом у Федьки на даче в жмурки играли.

— И у него каждый раз новая девица была, — сказала Ира упрямо. — А это уже кое о чем говорит.

— Но не о том же, что он в бандиты поддастся, — возразил Сергей. Он мог бы сказать, что в те времена и Надя с ними тусовалась частенько, и всякий раз приводила с собой очередного бойфренда, но для Ирины это вряд ли бы стало аргументом в защиту Павла, да и при Наде этого говорить не стоило. Да и стоило ли вообще защищать Пашу? К тому же спасибо Семичастновой — она вела себя очень спокойно и выдержанно. И вообще женщины оказались на высоте. Как ни странно. Сергей подумал, что он нервничает куда больше.

— В какой-то момент еще можно было с мобильного позвонить, — произнесла Надя.

— Но сейчас уже нельзя никуда сообщать, — сказал Лихоманов. — И дело даже не в том, друг мне Пашка, или нет. Бориса можно подставить так, что мало никому не покажется.

— Я и сама понимаю, что уже поздно что-то делать, — сказала Ира. — Если бы ты сразу, наплевав на ваши старые отношения, позвонил куда следует, сейчас никаких проблем бы уже не было.

— Да ладно, что теперь говорить о том, чего не вернуть, — произнес Сергей после паузы. — Надо думать, как быть дальше.

— Господи, быстрее бы этот их главный поправился, — вздохнула Ира. — Мучается же человек...

Сергей удивленно посмотрел на жену. Он почти одновременно подумал точно о том же, но совсем в другом контексте, что называется.

... Андрей по кличке Барин вечером чувствовал себя вроде бы ничего, он о чем-то побеседовал с Пашей, а потом не преминул обругать Карину за то, что та не сообщила заранее о своем пагубном пристрастии. Та, будучи еще под остатками кайфа, спросила, а есть ли у Барина на примете еще какая-нибудь женщина, которая смогла бы сделать при налете на банк то, что сделала она? Андрей высказался насчет того, что застрелить мента особого умения не нужно, как и мозгов вообще, тогда Карина визгливо начала возражать, что в мента она попасть вообще не могла, и что вообще, это дело корявых рук Павла, который, в сущности, и устроил ненужный шухер. Павел сказал, что он единственный среди них, кто не имеет оружия, и пообещал Карине расправиться с ней за клевету позднее, а Половод тогда спросил зловеще, не хотят ли подельнички сказать, что это он, Барин, грохнул мусора? Подельнички заткнулись, и дискуссия о том, кто именно подвел компанию под почти

гарантированное пожизненное, прекратилась.

К ночи у главаря поднялась температура — он начал бредить, хрипло ругаясь на уголовном сленге, а Карина и Паша, недобро глядя друг на друга, потребовали ужин.

Ирина для начала все же стготовила бульон для Барина, потребовав, чтобы гости в первую голову позаботились о хвором. Его сообщники молча согласились с тем, что это справедливо, и пока Карина (без всякого удовольствия, впрочем), поила бульоном главаря, пачка покупных пельменей уже была сварена. Ирина резонно рассудила, что гости и без того проголодались здорово, чтобы капризничать, да и продукты Лихомановы покупали не самые дешевые. Паше, правда, захотелось к пельмешкам водочки. Четок после недолгих колебаний поставили на стол. Затем хозяева откланялись, оставив гостей на кухне вдвоем. Паша что-то произнес на предмет «а компанию не поддержите? сами разве не будете?», но Карина, особо не таясь, пнула Павла по голени.

Хозяева взялись ужинать только после того, как гости (причем вдвоем) скрылись вонять сигаретами в туалете. Ирина брезгливо собрала тарелки, еще более брезгливо вытерла заляпанный и замусоренный стол, но оставила воспитанность Паши и Карины без комментариев. Впрочем, Павел сказал сакраментальное спасибо, прежде чем выбраться из-за стола. Молодая женщина, видимо, даже и не подумала о подобном. Ну и ладно, бог ей судья...

Может быть, и не бог, сказала Ирина потом. Рано или поздно они все равно попадутся. Во-первых, ограбили банк, во-вторых, убили милиционера. Наоборот, заявила Надя. Из-за убийства милиционера их и будут искать особо тщательно. Банк так или иначе выкрутится, да и милиция банкиров не особенно любит. Кто их вообще любит? Егор попытался внести свою лепту: можно попробовать осторожно запустить информацию о местонахождении бандитов в какой-нибудь форум в интернете, а потом срубить денег. «Это как?» — не понял отец. «Уже написали, что за сведения о бандитах банк с одобрения областной прокуратуры обещает вознаграждение», — шепотом пояснил сын.

Егору было велено не заниматься самодеятельностью, не говорить о подобных вещах вслух и вообще отправляться спать — ибо два часа ночи. Лихоманов-младший с подозрительной легкостью согласился.

— Ну, неделю мы, наверное, таких гостей выдержим, — проговорила Ира, когда Егор оправился на боковую. — Надо обсудить три момента: первый: когда они будут уходить, ты, Серж, поговори по-мужски со своим так называемым другом, и дай ему понять, что больше знать его не хочешь.

Сергей молча открыл рот. Он еще не успел прийти к однозначному решению.

— Ты что — еще раздумываешь? — пораженно спросила жена.

— Нет, я с этим в общем-то согласен...

— Вот и хорошо. Второе — надо решить, брать с них деньги за беспокойство или как?

— Я против, — заявил Сергей. — Во-первых, если я правильно понял намеки, деньги опасны. Очевидно, главарь должен их на что-то обменять, не знаю уж, на рубли или ценности какие-то. Видимо, по курсу, какой назначат барыги, а значит, по курсу грабительскому даже по сравнению с Центробанком. Впрочем, для нас это не имеет никакого значения. Кроме того, на это обязательно понадобится время. А встречаться с кем-то из них после того, когда все закончится, я не имею ни малейшего желания... Разве что с Павлом, но ведь ты же сама этого не хочешь.

— Егор будет не в восторге, — вдруг сказала Надя. — Он уже, по-моему, присматривает

себе новую видеокарту в компьютер.

— Придется с ним еще раз поговорить, — недовольно произнес Сергей. — А третий момент?

— Карине опять понадобятся наркотики, — напомнила Ира. — Я не знаю, сколько стоят ее дозы, но наверняка порядочно. И не думаю, что мы обязаны оплачивать это ее сомнительное удовольствие.

— Вот на это и можно потребовать ихние доллары, — предложил Сергей.

— Резонно, хотя и опасно. Кстати, а наркотики где продаются? Ведь не в аптеку же за героином идти, верно?

Сергей почесал в затылке. Действительно, вот с этим, наверное, и будет основная проблема. И тут опять удивила Надя.

— Я, кажется, знаю, где их можно достать.

...Сергей поднялся в офис уже после начала рабочего дня. Лихоманов поначалу хотел дождаться, когда гости соизволят пробудиться, однако бандиты дрыхли крепко. Сергей потом подумал разбудить Павла, но все же решил, что обсуждать с утра деликатные вопросы — не самый лучший способ начать день. И без того хлопот должно случиться немало. Тринадцатое число, однако...

— Сергей Петрович, — остановила его Женечка. — Тут опять этот сумасшедший звонил, все со своим «Фордом» девяносто восьмого года носится.

— Ну так ответь ему, нет ничего на эту модель. Не знаю я, есть ли вообще такие запчасти в природе... И вообще, я на минуту.

Сергей увернулся от логистика, которому срочно понадобилась какая-то богом забытая ведомость, и закрылся в кабинете. Плотно работать, конечно, он не собирался, но кое-какие дела разгрести было необходимо.

На неотложные дела ушло часа полтора. Сергей попросил Женечку сварить крепкого кофе, затем опять закрылся и уставился на телефонный аппарат.

Звонить в органы, конечно, было нельзя. И вообще, сдавать Павла, несмотря на подложенную им свинью, казалось делом гнусноватым — куда более гнусноватым, чем даже Пашин поступок — в этом Сергей по-прежнему был уверен. Но ведь и Борис, например глядя со своей колокольни, тоже уверен в собственной правоте — дерьмо цена такой дружбе.

Или не дерьмо? Сергей вдруг вспомнил Игоря Велягина, с которым они года три, если не четыре, были не разлей вода. Два последних года в институте, плюс занятия на ФОПе — «факультете общественных профессий» — по курсу испанского. Да и после окончания учебы некоторое время тоже. И курсовики друг другу помогали делать, и деньгами по возможности взаимно выручали... Рыбалка, выпивка, девушки там... И информацией делились такой, что не всякому рассказать можно. А вот потом все кончилось. Сергей как раз ушел из «подпольной» автомастерской и начал развивать свой автосервис, Игорь купил тачку — старенький «Ниссан-Санни». Раз, другой Сергей помог с ремонтом, причем даром и сразу, а на третий случилось так, что клиенты выстроились в очередь на два дня вперед. Игорю пришлось ждать — он даже выразил недовольство, сказав, что уж по дружбе-то можно было поступиться делами. А на четвертый раз, когда Велягину было назначено точное время, Сергей срочно уехал на пару дней в областной центр. Мастер получил указание обслужить «Ниссан» по высшему разряду, что и было, кстати, выполнено. Однако, когда механик, вытирая руки ветошью, увидел, как Игорь выгоняет машину из бокса и нацеливается уезжать,

то выругался, догнал «Ниссан» и постучал по заднему крылу. Игорь остановился и спросил недоуменно: «Еще что-то?». «Конечно, — сказал костоправ. — С вас шестьсот пятьдесят рублей».

Велягин, конечно, расплатился, но больше к Сергею не обращался. Никогда. Ни по какому поводу. И вообще, кажется, забыл о том, что они когда-то крепко дружили. И какая же цена вот *такой* дружбе, подумал Лихоманов. Дерьмо? Или нет? Кто из нас двоих скарабей-навозник в этом случае? И что — неужели дела и деньги всегда работают как пресловутая лакмусовая бумажка, когда надо понять, друзья мы или нет?

Не тот случай, решил Сергей. Был еще один, но о нем ему даже и думать не хотелось. Гриша Кебич. Примерно в то же самое время, что и Велягин. С той лишь разницей, что делить им было нечего. Разве что спиртное. В весьма солидных количествах. И, разумеется, книги. В еще более солидных. Оба были просто «повернуты» на фэнтези, даже переводили что-то из не издававшегося на русском. Исключительно из интереса. Кебич — с английского, Лихоманов — с испанского. «Профессор» Толкиен, Роберт Силверберг, Эндрю Нортон. Совместные выезды на ролевые игры в составе областного клуба по интересам. Это было просто великолепное время, Сергей даже по окончании института каждую неделю (с Гришей на пару, естественно) ездил в центр на собрания клуба. Оттуда они возвращались как правило, в виде почти разобранном, учитывая литраж выпитого по дороге. В тот год Ирина, кажется, впервые произнесла слово «развод», но неожиданно у Лихоманова как отрубил.

Вообще-то сначала «отрубил» у Гриши, которому просто-напросто запретили пить. Главный (и почти единственный) собутыльник превратился исключительно в друга по интересам. Хотя не на такой уж долгий срок. Однажды Сергей решил перечитать что-то из классического фэнтези, кажется «Дюну». Или что другое, уже и не вспомнить. И вдруг на тридцатой или сороковой странице Лихоманов понял, что «не идет». Просто неохота читать о баронах, которые выпрыгивают из звездолетов и, обнажая двуручные мечи, начинают рубить головы драконам и троллям. Какая-то бессмысленная трата времени на бессмысленное занятие...

Не раз и не два Григорий и Сергей звонили друг другу, встречались, даже посещали, как прежде, областной клуб. Но все это уже было не то. словно приезжаешь в знакомый город, а он пуст, покинут людьми, и зарос торчащими сквозь асфальт сорняками. Очень неловко теперь даже вспоминать, как они тщетно пытались склеить вдруг затрещавшие по всем швам отношения. Вплоть до нынешнего времени раз или два в год кто-то из них звонил другому, спрашивал, как дела, и нарочито бодрым голосом предлагал встретиться. И даже вроде бы место и время встречи обозначалось, но потом вдруг выяснялось, что у кого-то из них вдруг появлялись абсолютно неотложные дела... Что самое неприятное, Сергей теперь даже испытывал облегчение, когда очередная встреча с прежним другом срывалась. И ведь не было ни ссоры, ни взаимной обиды. Просто из крепкой, прочной постройки выкрошился цемент, состоящий из фантастики и выпивки.

Это тоже дружба? — грустно подумал Сергей. — И какая цена ей? Ясно только одно — это очень горько, когда дружба вот так сама по себе сходит на нет. Хуже, наверное, чем когда заканчивается любовь...

И когда Сергей, вернувшись днем из офиса домой, подходил к двери квартиры, то понял, что ситуация действительно осложнилась. Сквозь дверь были слышны вопли. Карина? Точно. И Ира тоже голосит, а это совсем плохо.

Стиснув зубы, Лихоманов длинно позвонил в звонок. Крики прекратились, жена спросила «кто там?» и, получив вразумительный ответ, впустила Сергея в квартиру.

Ирина была бледна от злости или страха, а может быть, от того и другого вместе. Карина, напротив, раскраснелась. Строя гримасы, она внимательно смотрела на вошедшего Сергея. Убедившись, что тот пришел один, спрятала пистолет, который до того держала в руке.

— Что тут происходит, черт возьми? — гаркнул Лихоманов. — Весь дом уже, наверное, знает, что здесь скандалят.

— Ты где был? — сварливо спросила Карина.

— Пиво пил! — зло ответил Сергей. — Я, кажется, не обязан перед тобой отчитываться, чем занимаюсь.

— Нет, серьезно, — это подошел Паша. — Ты пойми правильно: мы же должны знать, что нас не сдадут...

— Ты идиот, наверное, — с чувством произнес Лихоманов. — Если бы вас надо было сдать, то это уже давно бы сделали...

— А телефон?! Телефон! — воскликнула Карина. — Кто его наладил? Просыпаюсь, а твоя, понимаешь, треплется с кем-то...

— Значит так, — заговорил Сергей, чувствуя, как в душе закипает настоящее бешенство. — Телефон я вчера починил. И он будет работать! Это первое. Второе: мои родные будут звонить по телефону всегда, когда им это понадобится. Третье: мою жену зовут Ирина Васильевна. И для тебя только так. И никак иначе. Ты это поняла? Ты поняла, я тебя спрашиваю?!

Карина несколько секунд яростно раздувала ноздри, потом пробурчала что-то, весьма отдаленно напоминающее согласие, после чего нервным движением развернулась и скрылась в комнате.

— Я ей хотела как следует врезать, — мрачно произнесла Ирина. — Но эта стерва начала страшить меня пистолетом. Если она еще хоть раз станет пугать меня или еще кого-нибудь таким образом, я за себя не отвечаю. Ты это понял... Павел? Я уже говорила тебе: уйми ее! Вам же хуже может быть. А если она будет орать, кто-нибудь в конце концов вызовет участкового. Тебе это надо?

— Нет, конечно, — кисло сказал Кутапин. — Ну, не могу я с ней справиться, сами видите: бешеная.

— Я тебе за «бешеную» точно веки затараню, — зловеще прозвучало из-за двери.

— Вот, сами слышите... — Павел развел руками.

— Ну, а ты где был? — не совсем впопад спросил Лихоманов. — Неужели нельзя было сразу хотя бы попытаться?

— Да мы это... С Надей чай пили на кухне, — ответил Паша. — А тут сам слышу — уже напряги пошли.

— С Надей? — Сергей даже бровь поднял. — Где она, кстати? И Егор где?

— Да здесь я! — Лихоманов-младший высунулся из-за портьеры.

— Я ему запретила вмешиваться, — сказала Ира. — А Надя в комнате — помогает Андрея перевязывать...

Как бы в ответ на это из комнаты послышалось мужское чертыханье, затем два женских голоса почти одновременно заговорили с успокаивающей интонацией. Кажется, напряжение немного спало.

— Паша, пойдём, поговорить надо, — сказал Сергей.

Мужчины прошли в кухню.

— Ага, и что? — спросил Кутапин, усаживаясь за стол.

— Ты говорил, Карине скоро опять сам знаешь что потребуется.

— Стопудово.

— Короче, я примерно знаю, где надо это искать. Примерно знаю, сколько это стоит. И точно знаю, что за наш счёт приобретать не буду. Понимаешь, да?

— Не вопрос, — подумав пяток секунд, ответил Павел. — Потом из её доли вычтем... Но баксы трогать не будем, у нас рубли есть — должно хватить.

Сергей почувствовал облегчение. По крайней мере, этот вопрос уже частично решается.

— Если не секрет, где в Вантайске «дурь» толкают? — поинтересовался Павел.

— Не секрет. В санатории, — сказал Сергей.

* **

В одном из кармановбрякнуло что-то твёрдое и металлическое. Комплект вагонных ключей — такими обычно проводники пользуются.

Я снова посмотрел на дверь автотрисы. Точно — под ручкой обнаружилась замочная скважина с треугольным выступом. Пока собаки не перешли на бег, у меня оставалось несколько секунд на испытание удачи. Да! Есть контакт! Ключ с натугой, но провернулся в скважине, дверь поддалась. Вперед!

Собак в последний момент я опять оставил с носом. Когда запрыгивал вверх и внутрь, некоторые кинулись вперед, но две из них даже взвыли от невезения.

Я поплясал на полу вагончика в проходе между пассажирскими сиденьями, скорчил несколько гримас собакам и назвал их всякими погаными словами, какие только пришли на ум. Перекурив и немного успокоив нервы, стал изучать приборную панель неизвестного мне ранее транспортного средства.

Самоходный вагончик был оснащён, по всей вероятности, дизельным двигателем. Управление мотрисой не сильно отличалось от управления автомобилем, даже казалось более простым, к тому же руль, что понятно, отсутствовал вообще. Для запуска мотора здесь предусматривался замок зажигания, но за сегодняшний день я уже научился быстро обходить подобную проблему.

Гулко заурчал стартер, под полом что-то раскатисто бабахнуло, и мотриса выбросила в караулящую меня свору громадный клуб чёрного дыма. Некоторые псы даже отскочили. Я выключил стартер, подождал полминуты, затем снова соединил нужные провода. Теперь двигатель завелся; выбросив с кашляющим звуком ещё одно тёмное облако, мотор заговорил ровно и, хотелось бы надеяться, надёжно.

Так, где здесь газ, где тормоз? Вот эта рукоятка, наверное, регулирует число оборотов двигателя, а тормозить надо большой педалью... Давай-ка проверим...

Мотриса дернулась вперед. Управлять ею действительно оказалось несложно, но к любой машине необходимо немного привыкнуть. Почти сразу же после начала движения рельсы круто повернули налево, меня качнуло, я инстинктивно схватился за панель и случайно включил фары. Совсем хорошо, а то ведь уже понемногу темнеет.

Я миновал приподнятую вровень с дверью мотрисы эстакаду — наверное, то была пассажирская платформа, с которой когда-то сотрудники комбината грузились в вагончик и направлялись на отдых в санаторий. Дальше узкоколейка вела вдоль комбинатского забора; через полотно и рядом с ним торчала довольно высокая трава, собаки скачками неслись

сквозь нее, не отставая. Лучи фар уперлись в закрытые металлические ворота, появившиеся впереди — наверное, выезд с заводской территории. Бить их с разгона казалось опасно, но выйти и открыть собаки не дадут, это уж точно. Я немного сбросил газ, уселся поплотнее в кресло машиниста и уперся ногами в стенку под панелью.

Удар! Меня бросило вперед. Ворота залязгали, снизу донесся визг проскальзывающих по рельсам стальных колес. Я остановил мотрису, переключился на задний ход, отъехал от покореженных ворот метров на десять, и снова пошел на таран.

Мотриса легко выбила обе створки ворот, которые с грохотом повалились по обе стороны рельсовой колеи. По-моему, даже придавило по меньшей мере одну собаку — сзади донесся истошный вой.

Путь был свободен. Он вел через обширный пустырь, кое-где поросший кустами. Полотно здесь лежало на бетонных постаментах, поднимая колею где-то на полметра над уровнем земли.

Я рискнул подкинуть двигателю оборотов. Вагончик послушно прибавил скорости, его стало здорово раскачивать. Я не хотел думать, что будет, если где-то впереди путь поврежден, но от собак надо было удирать в любом случае... Кстати, они понемногу отставали, хотя и не особенно. Бегущая стая растянулась на несколько метров; пусть и потеряла она некоторых из своих соплеменников, все равно десяток злющих псов еще преследовал меня.

Впереди поверхность пустыря резко уходила вниз, рельсы же, уложенные на мост, вели через глубокий каменистый лог с речушкой внизу. Собакам это не понравилось. Мне хорошо было видно, как свора заметалась над обрывом, лишь три-четыре самых отчаянных пса рискнули спуститься. Один из них кубарем покатился вниз, на голые камни. Когда я проезжал мостик, то смог убедиться в том, что подъем от речки еще менее удобный, нежели спуск. Ну, если собак это препятствие не остановит, то, будем надеяться, хотя бы существенно задержит... Где это я сейчас еду?

Справа промелькнула маленькая пассажирская платформа близ двух-трех небольших, но длинных одноэтажных домиков. Вероятно, пионерский лагерь или детская дача. Сейчас там наверняка нет ни одного человека, такое же безлюдье, как и везде в окрестностях. Интересно, действовал этот соцкультбыт вплоть до великого исхода, или закрылся в период депрессии девяностых?

Минут через пятнадцать впереди появились еще какие-то постройки — числом побольше, да чуть повыше. Вот и пассажирская платформа, немногим шире и длиннее предыдущей. Фары осветили выгоревший щит с надписью «Санаторий «Вантай». Отлично. Во всяком случае, река может быть рядом.

Я сбросил газ, но у платформы останавливаться не стал. Лучше, наверное, проделать весь путь до конца и остановиться ближе к тупику. Кто знает, может там рядом и лодочная база есть?

Тупик оказался совсем скоро. Вагончик свернул куда-то вглубь территории «Вантая», фары осветили деревянный забор слева, потом стену двухэтажного здания справа, и наконец, впереди появился щит в черную и желтую полосу. Я остановил мотрису, выключил фары и заглушил двигатель.

Снаружи уже сгушалась темнота. Прежде чем выходить из вагончика, я снял с крючка увесистый аккумуляторный фонарь. К сожалению, батарея оказалась почти разряженной, лампочка светила тускло, но это было лучше, чем ничего. Можно было хоть сейчас найти

выход к реке, поискать лодку и начать двигаться. Но... я решил отложить это дело на завтра. Поскольку безумно устал, мне очень хотелось есть, а в поисках съестного лучше с осторожностью пошарить при свете — мало ли, вдруг по санаторию тоже собачки бродят? При свете дня и плыть лучше.

Немного удивлял и настораживал легкий гул неизвестного происхождения — словно где-то прогревал двигатели самолет. Но искать источник этого шума мне казалось не самым своевременным занятием, надо найти место для ночлега. Поиски были недолгими — первый же попавшийся двухэтажный дом оказался жилым корпусом. Вход в него был открыт. Я поднялся на второй этаж и вошел в ближайший номер, оказавшийся совсем небольшим, рассчитанным на одного человека, но с двумя кроватями. Явно не люкс, однако в моем ли положении капризничать? Опять же даром, а это тоже большой плюс.

Я запер дверь номера, заглянул в туалет и машинально провел рукой рядом с косяком, на шаривая выключатель. Неожиданно ярко вспыхнула лампочка под потолком. Я поторопился ее погасить, надеясь, что с улицы никто не увидел света в окне. Мало ли что...

Выкурив сигарету и с тоской вспомнив о консервах, оставшихся в здании вокзала, я повалился на кровать. На сравнительно мягком матрасе лежали подушка с одеялом, без белья, естественно, да и с запахом плесени, но меня и это устраивало. На тумбочке у кровати лежал сложенный вчетверо плотный полиэтиленовый пакет; мне пришло в голову положить его в один из карманов — пригодится... Поставив рядом с кроватью фонарь и засунув под подушку пистолет, я закрыл глаза и почти моментально уснул.

— ...Я когда-то отдыхал в «Вантае», — заметили вы. — Узкоколейка там не работала. Ее построили почти одновременно с комбинатом и санаторием, но хулиганы часто подкладывали предметы на рельсы, а пионервожатые как-то раз угнали моторису, и катались всю ночь туда-обратно. В общем, дорогу почти перестали использовать.

— Во всяком случае, именно на ней я и добрался до санатория... Вы сказали «почти»?

— Да. Поскольку узкоколейка была кратчайшим путем между ЦБК и «Вантаем», на ней иногда возили руководство. Но предварительно машинист проезжал сам в обе стороны. Впрочем, дело не в этом. Году этак в девяносто четвертом какие-то шаромыги сняли несколько рельсов на пустыре. Вагон, по моим сведениям, так и остался в санатории. Как вы это сможете объяснить?

— Извините, никак. Только тем, что я здесь. Полагаю, что в последние годы путь восстановили. Иначе собаки мне не дали бы далеко уйти.

— Собаки... Ладно. Продолжайте. Итак, утром вы пошли искать лодку?

Прежде чем искать лодку, я решил подкрепиться. Шутки шутками, но я уже слегка забыл студенческие времена и трехразовое — понедельник-среда-пятница — питание. Тогда это переносилось сравнительно легко, сейчас — не особенно. Есть хотелось так, что и собаку сожрал бы, буде подвернулась какая мне на пути. Но о собаках думать было страшно. Лучше о консервах. Уж они-то в закромах столовой наверняка найдутся.

На территории «Вантая» было тишь да гладь, если не считать странного гула, так и не прекратившегося за ночь. «Мерзость запустения» коснулась санатория не слабее, чем комбината или городских кварталов: и штукатурка на всех зданиях облупилась, и сквозь потрескавшийся асфальт пробилась высокая трава, а где и молодые деревца. Цветы на клумбах задушил чертополох, а деревянные домики и горки для увеселения детей рассохлись

и частично развалились.

Я покинул участок с жилыми корпусами и пошел по дорожке среди сосен и берез, отмеченной указателем с выцветшей надписью «Столовая». И вдруг заметил какое-то быстрое движение по тропинке, пересекающей дорожку под прямым углом. Небольшая оранжево-зеленая фигурка. Словно кто-то быстро пробежал передо мной и скрылся за высокими кустами, окаймляющими дорожку.

Верх оранжевый, низ зеленый... Провалиться мне, если это не тот самый (или одетый точно так же) мальчишка, повстречавшийся мне вчера у игорного салона!

«Эй, парень! Постой!» — закричал я, кидаясь через кусты к тропинке. — «Остановись!».

Никого. Я проблуждал по зарослям среди кустов и деревьев минут десять, но так никого и не увидел. Пришлось смириться с тем, что это либо игра воображения, либо (что очень неприятно) помутнение рассудка.

... Вход здание столовой выглядел довольно помпезно: трехстороннее крыльцо с большими каменными вазонами по бокам и с навесом, поддерживаемым кариатидами. Оба вазона и одну из кариатид здорово изуродовали вандалы; на другой кто-то написал краской несколько грязненьких словечек.

В помещении столовой пол чуть скользил, несмотря на толстый слой пыли. Давненько же тут никто не обедал и не завтракал! Большие окна загрязнились, хотя столики сквозь все ту же пыль матово отсвечивали пластиковым покрытием, стулья — кое-где лопнувшей виниловой обивкой. На одном из столиков остались неубранные приборы; на тарелках чернел гнусного вида налет. Пахло довольно противно — так пахнет в подвалах, где гнездятся крысы.

В кухне я не нашел ничего интересного, зато кладовка меня порадовала — выбор консервов оказался весьма неплохим, чего не сказать о других продуктах длительного хранения. Здесь обнаружилось несколько деревянных кадушек с крупами, при этом плотно закупоренных. Кашу варить я не собирался — некогда, да и особо не на чем, а коробки с лапшой быстрого приготовления уже основательно изучили крысы. Возможно, в металлических шкафах можно было чего-нибудь найти, но они оказались запертыми, а взламывать замки я поостерегся. Ни к чему.

В общем, я заморил червячка по-походному, прихватил в пакет с собой на дорожку три жестянки с тушенкой, после чего покинул пищеблок через черный ход. И прислушался.

Странный гул по эту сторону здания был более громким и отчетливым; отсюда стало возможным определить его источник. Звук доносился из небольшого сооружения красного кирпича метрах в двадцати от столовой. По-видимому, там работал мощный мотор.

Я приготовил на случай неприятных сюрпризов пистолет, осторожно приблизился к сооружению. Гараж? Нет, не совсем. Над приоткрытой дверью табличка «Дизельная».

Внутри я входил крайне осторожно — сначала огляделся вокруг. Кроме белки, весело скачущей по веткам ближайшей сосны, живых существ поблизости не наблюдалось. Ладно. Я прошел через дверь внутрь.

В помещении было тепло и довольно темно. Под ногами оказался стальной пол, ребристый и чуть более, нежели в столовой, скользкий — видимо, от неизбежных утечек машинного масла. Густо пахло смазкой, соляркой и горячим металлом.

Дизель работал. Он ровно и мощно гудел, на приборной панели генератора горели индикаторные лампы, дрожали стрелки приборов. Вот и ответ, откуда в номере

электричество. Но это значило также и то, что электростанцию кто-то обслуживает. Ведь не может же дизель работать неделями, не говоря уже о месяцах, без того, чтобы кто-то не залил в бак топливо?

Мелькнула мысль остановить двигатель, чтобы тот, кто за ним присматривает, примчался, а я бы втихаря понаблюдал, что это за дизелист тут обитает такой, и стоит ли идти на контакт с ним.

Между агрегатом и задней стенкой электростанции имелся небольшой промежуток, я решил напоследок исследовать и его. Эта разведка привела к тому, что я с большим трудом сумел удержать в желудке свой походно-полевой завтрак.

За гремящим агрегатом находился труп.

— ... Так, пожалуйста, чуть подробнее опишите его. Вы вообще обошли этот момент, когда излагали свои похождения в первый раз.

— Знаете, это действительно тошно...

— Давайте не будем играть в благородных девиц, — потребовали вы неприятным голосом. — Итак, это был труп мужчины?

— Да.

— Пожилого, молодого?

— Скорее молодого. Хотя, вряд ли. Наверное, лет тридцати пяти. Максимум сорока. Выглядел довольно крепким, коренастым... Рост средний, может, чуть меньше. Волосы светлые.

— Покойник был раздет?

— Частично. Брюки спущены до колен. Джинсы. Торс голый.

— Так. Торс голый, коренастый... Значит, не разложившийся?

— Нет. Возможно, его убили двумя днями ранее.

— Вы хорошо умеете определять время смерти?

— Нет. Вовсе нет... Черт возьми, я не знаю. Может быть, он умер за день до того, как я на него наткнулся. А может быть, за неделю.

— Теперь вы говорите «умер». А поначалу вы сказали, что он был убит. Где же истина?

— Если человека убить, то он, как правило, умирает...

— И острить, пожалуйста, не надо. — Вы, похоже, здорово разозлились. — Так что же с ним все-таки случилось, по-вашему?

Человек был распят на стене дизельной. Кто-то за растянутые руки подвесил его, пробив запястья, на торчащих из стены штырях арматуры, загнутых кверху и заостренных, точно крючья. При этом не особенно и высоко — коленями покойник почти задевал до пола. Впрочем, чтобы он не мог упереться ступнями в металлическую поверхность, неизвестные экзекуторы, по-видимому, перебили ему кости голеней — ноги в синих джинсах, спущенных с пояса, были неестественно вывернуты. Белокурая голова безвольно свисала вперед, а торс покрывали следы ран и ожогов. Самое страшное — и это нетрудно было заметить — человека еще и кастрировали.

Я попятился, оглядываясь назад и держа пистолет наготове. Вот уж верно — хорош бы я был, останови дизель и попытайся познакомиться с теми, кто пришел бы сюда... Но, может быть, эти варвары уже далеко? Неужели мальчишка каким-то боком имеет ко всему этому

отношение? Нет, вряд ли, немыслимо. Бред.

Индикатор топлива показывал, что бак еще заполнен на четверть. А какая у него емкость — поди разбери. И расход солярки я тоже не мог точно прикинуть. Может быть, двигатель крутит с момента последней заправки суток двое, и сегодня остановится, если ему не подольют горючего?

Все-таки, надо отсюда драпать. Ведь больше ничто меня здесь не держит. Все что я мог, сделал, и даже более того — сумел спасти свою шкуру. При этом дважды. А если меня заметят те, кто распял этого беднягу, мне придется спасаться в третий раз. Но с меня хватит!

Я покинул помещение дизельной (разумеется, с величайшей осторожностью) и стал прикидывать направление к реке. Определить его было не так уж трудно — дорога к водным путям обычно ведет под уклон. И верно — через пять минут ходьбы (осторожной, с постоянной оглядкой по сторонам) я увидел металлический решетчатый забор, отгораживающий пляжик от основной территории, а чтобы спуститься к берегу, надо было пройти через калитку. Впрочем, через забор тоже можно перелезть, однако он оказался достаточно высоким, чтобы это легко было сделать.

С легким звенящим скрипом калитка открылась. Песчаный пляж полого спускался к синевато-серой поверхности Вантая, катящего свои воды слева направо относительно меня. Не слишком уж широкая река — метров пятьсот, наверное, может, чуть больше. Ниже по течению располагался невидимый отсюда комбинат, в свое время донельзя загадивший реку от черты города и до самого устья, еще ниже — областной центр. Полтораста километров. Сплавляться, даже если хорошо помогать веслами, всяко больше суток придется. Ну да ладно. Правильно я сделал, что набрал консервов — неизвестно еще, ловится ли сейчас рыба в Вантае, да и чем ее ловить, и как готовить — тоже вопрос на засыпку.

Что у нас справа, что у нас слева? Справа — вроде бы детская купальня — небольшой участок реки когда-то был выгорожен стальной сеткой, сейчас проржавевшей и изорванной. Слева — что-то наподобие будки с небольшой вышкой. От будки к реке торчит то ли мостик, то ли бон. Лодок, правда, не видно.

Я подошел к будке — точно: написано что-то прокат лодок. Выгоревший спасательный круг на стене и остатки картинок на тему «Как откачать утопленника». Ненаглядная агитация. Лодок, правда, не видно — ни на берегу, ни у бона. Впрочем, метрах в десяти от берега стоит какой-то ржавый бокс приличных размеров — десяток легковушек поместятся запросто. Одна из его дверей чуть приоткрыта. Может, там хранятся лодки?

Я сделал несколько шагов по направлению к этому боксу, и в этот момент из него послышался протяжный крик.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сергей притормозил у ворот санатория, рядом с будкой охранника, покрытой облупившейся краской неопределенного цвета. Низенький, упитанный дедок с желтыми от табака усами а-ля Иосиф С. молча вышел из будки и без всяких вопросов открыл шлагбаум. Лихоманов въехал на территорию, думая, так ли его бы легко пропустили, будь он на «Москвиче» четырехста двенадцатой модели, к примеру.

Жилые корпуса располагались не слишком далеко от ворот, да и большие щиты с указателями не давали повода для беспокойства. Заблудиться здесь было трудно.

«Краун» тяжело качнулся, когда колеса перевалили через переезд с узкоколейкой, и скоро остановился у двухэтажного здания, построенного в стиле тридцатых годов прошлого века с кучей архитектурных излишеств. Желтая штукатурка кое-где облупилась, оголяя темно-красную кирпичную кладку.

Сергей вышел из автомобиля и направился к зданию. Рядом с подъездом сидели двое молодых людей при галстуках, не слишком похожие на отдыхающих пациентов. Один бормотал по мобильнику, другой сосредоточенно перебирал листы с распечатками. Мужчины были за работой. Времени обращать внимание на Лихоманова у них, похоже, не было.

Зато в холле, оклеенном желтыми обоями, молодая женщина, облаченная в белый халат, проявила определенную бдительность: «Вы к кому?» — спросила она.

Сергей посмотрел на нее, соображая, что бы такого ответить. Яркие рыжие волосы до плеч, смешливые глаза. У белого халата, на два размера меньше, чем надо, расстегнуты четыре пуговицы — две вверху и две внизу; он туго обтягивал запоминающиеся формы, и только слепой мог бы не разглядеть, что прямо под халатом надето не слишком скромное белье нежно-розового цвета с кружевами.

«Могу и к вам, — улыбнулся Сергей. — Но чуть позже, если вы не против».

Девушка, похоже, была не слишком против. Чуть улыбнувшись, прошла мимо, покачав тяжелой попой, и, входя в дверь с надписью «кастелянная», обернулась, словно бы просто так.

Сергею было совсем не до нее. Он направился к лестнице, ведущей на второй этаж, и там, посмотрев на таблички с номерами, направился к нужной комнате, вновь задавая себе вопрос, откуда Надежде известны такие вещи, как места сбыта наркоты в Вантайске. Из практики в студенческие времена, когда она таскала бумаги в следственном отделе, разве что...

Остановившись у двери с цифрами «206», три раза постучал. Может быть, надо было стучать условным стуком?

— Да-да, — ответили изнутри.

Сергей приоткрыл дверь. В номере находился средних лет мужчина весьма невыразительной внешности. Вот он-то и был сильно похож на отдыхающего пациента, будучи одетым в нечто, смахивающее на пижаму. Он сидел на застеленной кровати и читал «Мужское здоровье».

— Вам кого, уважаемый? — спросил «отдыхающий».

Сергей, проинструктированный Надеждой, сообщил, что ему нужен Арсен.

— Зачем? — последовал вопрос.

— Так к нему вроде бы ясно зачем ходят, — криво улыбнулся Лихоманов. Что-то здесь было не так.

— Кто вам сказал, что надо сюда идти?

Вот тут уже было сложнее. Надя сама толком не знала, как быть дальше — она сама лишь понаслышке предполагала, где искать нужное. Свой источник информации она сочла за лучшее скрыть.

— Не помню, — ответил Сергей. Он сейчас был противен самому себе.

— Найдите столовую, — сказал «отдыхающий». — Там сзади нее находится дизельная. Арсен там.

И с этими словами мужчина уткнулся в журнал, давая понять, что посетителю пора убираться.

Спускаясь вниз, Сергей опять заметил сексуальную кастеляншу. Увидев, как тот целеустремленно спускается вниз и направляется к выходу, она презрительно сморщила носик.

Лихоманов сел в машину и, следуя указателям, двинулся по направлению к столовой. Дорога для автомобилей шла почти параллельно с узкоколейкой, потом вдоль глухого забора; и то верно — не через парк же машины пускать, по которому положено гулять пешком...

Дизельный бокс найти оказалось тоже нетрудно. Припарковав машину поблизости, Сергей подошел к двери. Внутри было тихо. Постучав и не получив ответа, открыл дверь и прошел внутрь, где царили прохлада и запах машинного масла. Казалось, ни одной живой души здесь нет, но вдруг сзади послышался легкий шорох, а потом Сергей получил сильнейший удар в затылок. Поскользнувшись на жирном стальном полу, Лихоманов неуклюже упал, не сумев даже хотя бы немного сгруппироваться. Пинок в солнечное сплетение заставил его скрючиться, и когда двое вздернули Сергея за плечи, разогнуться было невозможно. Так же как и хоть что-то сказать. Из приоткрытого рта шло только невразумительное сипение. «Ох, Пашка, и за это тебе придется ответить», — если бы мог, то произнес бы Сергей.

По обе стороны его крепко держали два лохматых чернявых парня. А прямо перед ним стоял средних лет мужчина с благородной сединой в опять-таки черной шевелюре. Внимательно поглядев на корчащегося Сергея, он коротко что-то бросил парням. Сергей почувствовал, как чьи-то опытные лапы просканировали его карманы. На свет появились водительские права, визитки «Оверхилла», ключи и бумажник. Седой изучил документы, содержимое бумажника, потом спросил:

— И зачем тебе оно надо, мужик?

— Вы так всех клиентов встречаете, Арсен? — сипло спросил Сергей.

Седой опять произнес что-то непонятное. Лихоманова отпустили.

— Я не Арсен, — обратился к нему седой. — А вот тебя я, кажется, знаю. Ты же серьезный человек, зачем ты сюда пришел? Даже если так, зачем сам пришел?

— Мне кое-что надо... — начал Сергей.

— Да это я понял, да... Себе? — последовал осторожный вопрос.

— Нет.

— Не знаю, может, ты врешь. Тебя знают и уважают в городе. Я тоже тебя знаю. Конечно, я тебе дам, все, что надо. Но знаешь, я вот что тебе скажу. Это я далеко не каждому бы сказал. Через неделю ты снова приедешь сюда. И через месяц. А через полгода ты

придешь пешком, потому что машины у тебя уже не будет, а если и будет, то водить ты ее не сможешь. И если у тебя еще будут деньги, я снова тебе дам то, что тебе надо. Но поверь мне на слово — мне будет очень грустно это делать.

Сергею с трудом верилось в эти слова. Он был уверен, что местный «наркобарон» просто льет крокодиловы слезы, и что ему глубоко плевать будет, если даже картина, которую он сейчас нарисовал, станет действительностью. Впрочем, ему, Сергею, тоже глубоко плевать. Ведь он-то на иглу садиться не собирается.

— Понятно, — сказал он. — Мне надо чтобы как раз неделю или десять дней у человека не было проблем. Сколько это будет стоить?

Седой несколько секунд смотрел Сергею в глаза.

— Не так уж и мало, — произнес он. — Даже для тебя.

...Дома оказалось на удивление спокойно. Егор куда-то ушел, Ира молча хандрила, переключая каналы телевизора. Друзья-бандиты торчали в комнате, где тоже работал второй телевизор. Барин был в сознании, но по-прежнему лежал, что-то ворчливо выговаривая подельникам. Карина дрожащими руками приняла принесенный Сергеем сверток, сказала истовое «спасибо», блестя сумасшедшими глазами.

— Надеюсь, сейчас тебе это не понадобится, — подал с кровати голос Барин. Карина только вздохнула.

— Твои долги растут, Паша, — сказал потом Сергей. — Я не люблю, когда меня бьют, тем более, не за мои дела.

Вздохнул и Паша, разведя руками: ну что, мол, типа, я мог сделать? Сергей плюнул и пошел обедать.

Тишина взорвалась меньше чем через час. По телевизору сообщили, что за помощь в поимке преступников вознаграждение составляет уже сто тысяч рублей против вчерашних тридцати, и что по некоторым данным, грабители скрываются в одном из ближайших районных центров, причем один из них, по всей видимости, ранен. Дальше пошли просьбы бдительно относиться ко всем случаям, когда вдруг кто-то обратится за соответствующей помощью.

— Кто?! Кто из вас, суки, заложил?! — по квартире разнесся визг Карины. Несмотря на протесты Барина, она вместе с бледным не то от злости, не то от страха Павлом, выскочила из комнаты.

— Сдали, гад буду! — вопил он. — Ты что ж, Серега, делаешь-то, а? Как ты мог? Ты ведь и сам когда-то под статьей ходил!

— Прекрати орать! — Сергей сам сорвался на вопль. — Никто этого не делал!

Завизжала Ира, выкрикивая почти нераспознаваемые фразы.

— А ну, хватит! — послышался волевой голос. То встал с постели Барин, впервые с того момента, когда его положили туда. С поразительной для раненого человека сноровкой он схватил Карину за руку, рванул на себя, свободной рукой врезал куда-то под ребра. Та спокойно опустилась на пол, хватая ртом воздух. Таким же образом главарь поступил и с Павлом, несмотря на то, что тот попытался увернуться.

Потом Половод тяжело опустился на кровать.

— Слушать меня сюда, — заговорил он тихо и устало. Наверное, эта вспышка энергии здорово его подкосила. — Хозяев уважать. Не мешать им. Не орать. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Если что им потребуется — помогать немедленно. Я сказал. Поняли?

Подельники, отдуваясь и кривясь от боли, согласно кивнули головами.

Барин хотел еще что-то произнести, но не успел: глаза его закатились, и он неуклюже рухнул на кровать. Повязка на боку стала быстро наливаясь кровью. Карина тихонько выругалась и бросилась к главарию. Паша поднялся и, высунувшись в коридор, просто позвал:

— Надя!

И Надя через секунду появилась в комнате, подключаясь к оказанию помощи главарию. Сергей понял, что ему тут пока делать нечего, и вышел в коридор. Ирина, казалось, уже успокоилась. Однако это было не совсем так.

— Ты с Егором говорил? — спросила она Сергея.

— Насчет интернета? — тихо переспросил Лихоманов. — Говорил. Он сказал, что дает железное слово не вешиваться.

— Ладно, если так... Сережа?

— Да?

— На что этот Паша намекал? Под какой статьей ты ходил? Что-то я ни разу про подобное не слышала. Или мне этого лучше не знать?

— Ну, это давно было. Я тогда как раз, только из-за границы вернулся, хотел дело открыть. С деньгами было туго, а тут Пашка неожиданно подвернулся. Ты, говорит, с автомеханикой круто разбираешься? Я сказал: есть немного. Ну он меня и свел с одним авторитетом. Его устроила моя квалификация, он мне и предложил хорошо заработать. Устроил в мастерскую за городом... Словом, заказы порой были очень странные. Но зато денег хватило, чтобы потом открыть свое дело.

— Угнанные машины перекрашивал?

— Насчет того, угнанные или нет, не знаю. Но перекрашивать приходилось. Пашка мог бы и не вспоминать, давно действительно было.

— Удивительно, что тебя так легко из этого «бизнеса» отпустили...

— Ничего удивительного. Тот авторитет считал, что лучше кадры обновлять чаще, чтобы застойных явлений не возникало.

... Сергей слегка покривил душой, сказав что «ничего удивительного». Упомянутый авторитет по прозвищу Секач действительно периодически менял своих автомехаников, только вот «уволенные» как правило, пускались в длительное плавание по Вантаю, из которого, конечно, уже не возвращались.

Не простая СТО была у Секача. И не простые слесаря-механики трудились там, а «скоробеи». Так называли специалистов по оперативному перебиванию серийных номеров, быстрой перекраске и мгновенному разбору машин, а нередко и такой же скорой сборке автомобилей из запасных частей.

В Сергея же Секач вцепился мертвой хваткой, быстро поняв, что у парня золотые руки, а лишних вопросов он задавать не будет. В общем, перекрашивать угнанные машины Лихоманову почти не приходилось. Зато, если возникала необходимость сделать из криминальной машины «легитимную» — вот тут Сергей был незаменим. Если в мастерскую привозили переднюю часть от одной машины и заднюю — от другой (но одинаковых моделей, конечно), из рук Сергея вскоре выходило полностью исправное транспортное средство. Впрочем, за «простой» ремонт Лихоманов тоже брался охотно и с неизменно отличным результатом.

Вот только имелся риск, что в мастерской он скоро остался бы один. Матвеич, пожилой костоправ, пошедший в «скоробеи» из-за долгов, наделанных им еще при покупке «мавродиков», так и сказал Секачу: с этим парнем он работать не может — приемы у Сергея

какие-то *неправильные*. Секач, будучи человеком прагматичным, в конце концов уволил Матвеича вниз по Вантаю, но тут неожиданно разболелся красильщик Иван, ровесник Сергея, тоже с руками, растущими откуда надо. Да и разболелся он как-то странно: приходя на работу, принимался жаловаться, что у него в глазах темно и что он ни черта не видит. А потому и работать не может. При этом, когда он покидал мастерскую, «куриная слепота» вдруг исчезала. Получив строгое предупреждение, Иван счел за лучшее сбежать из города. Плавать по Вантаю ему, к счастью, не пришлось.

Но сравнительно благополучный развод с Секачом произошел даже и не поэтому. Вполне естественно, что Секач был автомобилистом, и что техническим обслуживанием его «Прадо» занимались «скоробеи». В один прекрасный день, прислушиваясь к тихому шелесту мощного двигателя, по пути к мастерской Секач анализировал странную статистику. Выходило так, что у его клиентуры то и дело возникали проблемы, если кто садился за руль машины, побывавшей в руках у Лихоманова. Так, один за другим попали с личным осторожнейший Боров — специалист по ювелирным изделиям и не менее осмотрительный Табак, охотно бравшийся за «мокрое». Любовница известного вантайского банкира ни с того ни с сего выбросилась из окна, причем далеко не первого этажа. С кем-то случилось что-то еще... В общем, Секач намеревался серьезно разобраться, какая чертовщина происходит в его вотчине. И прекратить ее любым способом.

Но разобраться ему было не суждено. Сергей и сам точно не знал, почему Секач в тот день не доехал до мастерской и куда он делся. Во всяком случае, когда вечером в милицию поступило несколько анонимных звонков о брошенном на дороге джипе с открытой дверью, приехавшие автоинспекторы убедились в том, что у обочины действительно стоит «Прадо» с работающим двигателем, и дверь со стороны водителя открыта. Лишь на следующий день кто-то из *начальства* потребовал любой ценой найти исчезнувшего. Прибывшая ищейка взяла не совсем еще остывший след и привела проводника к берегу Вантая. Затем села возле воды и печально уставилась на реку.

Сергей, конечно, не мог не видеть, что «коллегам» понятны далеко не все приемы его работы, а кое-кто действительно их побаивается. Матвеич во всеуслышание говорил, что Лихоманов работает «не по-русски». А то и «не по-человечески». Сергей не очень обращал на это внимание: если кубинцы научили его обходиться ключом там, где Матвеич возьмет кувалду, то это, конечно, должно быть «плюсом» именно ему, Сергею. И неважно, кто там и чего говорит. Главное — результат.

Но случаи с машинами, которые Сергей ремонтировал по *особой*, только ему известной здесь технологии, действительно напугали Лихоманова. Примерно в то же время до него дошла та информация, которая озадачила Секача. Но Сергей знал еще и то, чего не знал Секач: машина, на которой ездил автомобильный авторитет, тоже была из таких...

* * *

Вопль повторился. Начавшись просто криком страха, он в секунду поднялся до визга, словно от дикой боли, а потом превратился в прерывистый громкий стон. На его фоне были слышны чьи-то голоса.

Я уже не сомневался, что в боксе орудуют те, кто расправился с мужчиной в дизельной. Судя по крикам, теперь их жертвой стала женщина.

Рука словно сама потянулась к пистолету. А вот ноги требовали немедленно драпать отсюда и как можно скорее и дальше. И, вероятно, лучше всего было бы прислушаться именно к «голосу» ног.

И все же я подкрался к двери бокса. Громкий стон вдруг превратился в короткий жуткий вскрик, затем наступила тишина. Держа пистолет наготове, я осторожно заглянул внутрь.

В боксе действительно находилось несколько лодок — деревянных и алюминиевых. Я это хорошо разглядел, потому что внутри оказалось неожиданно светло — в крышу бокса были вмонтированы световые люки. Но я, видимо, слегка загородил проем, поэтому те, кто был внутри, почувствовали постороннего и сразу же повернули свои головы в мою сторону.

Впрочем, не все. На меня смотрели трое. Четвертого, вернее, четвертую, вряд ли уже смог бы заинтересовать факт еще чьего-то появления.

— *Вы их могли бы еще раз описать? — спросили вы.*

— *Ведь я уже это делал...*

— *Ничего, давайте еще раз. Вдруг вы что-то упустили.*

— *Один из них был среднего роста мужчина лет тридцати семи или чуть старше. Совершенно обычная внешность, никаких особых примет.*

— *С ним понятно, достаточно. Еще кто?*

— *Женщина. Чуть моложе, высокая брюнетка...*

— *И кто третий?*

— *С третьим сложнее. Я до сих пор не могу понять, какого он был пола. Вроде парень, но выглядел как баба. Волосы длинные, темно-каштановые такие, по-моему, крашеные. Но физиономия вроде не женская. И одет был в какой-то балахон и широкие штаны — даже по фигуре не скажешь. А голос как у девчонки. В общем, не понять...*

— *Что про ту женщину, их жертву?*

— *Волосы светлые, видимо, молодая. Это все, что я могу сказать более-менее точно.*

— *Она уже была мертва, когда вы вошли?*

— *Да.*

— *Вы уверены?*

— *Конечно. Я же говорил — ее растянули и практически разорвали. Тельфером или талью — я точно не знаю, как называлась эта штука в боксе. Вроде мостового крана. Ноги привязали за приваренную к полу скобу, руки прицепили к крюку и включили двигатель на подъем.*

— *А откуда электричество? Впрочем, да, дизель... Никто из этих людей не показался вам знакомым?*

— *Нет...*

— *То есть, никого из них вы раньше не видели?*

— *Нет. Определенно нет.*

На какую-то секунду мне показалось, что по крайней мере двоих я узнал — ведь именно одного из них я и должен был найти в Вантайске! Но это длилось недолго. Чушь. Уж он никак не мог быть на месте этого выродка, держащего в руках пульт управления подъемником. И стоящая рядом с ним — ну никак не его жена. И что это за странное длинноволосое существо? Впрочем, оно действительно никого мне не напомнило. Так же как и жертва, гротескно вытянутая поболее чем на два метра в длину.

Пистолет в моей руке нельзя было не увидеть. Все трое, не сговариваясь, одновременно пригнулись и рванули куда-то в глубину бокса, шныряя между лодками. Не успел я ничего

предпринять и даже сообразить, как в дальней стене открылся светлый прямоугольник, и в его проеме одна за другой промелькнули три быстрых тени.

Я помчался следом и выбрался тем же путем наружу; несмотря на определенный шок, все-таки двигался я с определенной осторожностью. Сразу за боксом начинался поросший кустарником и мелкими деревцами подъем. Там кто-то отчаянно продирался сквозь заросли, треща ветками. Стрелять по кустам было глупо, преследовать негодяев — не более резонно, а вот драпать казалось по-прежнему более чем актуальным делом.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Я вернулся в бокс. Стараясь держаться подальше от трупа и не соваться в темные углы, выбрал нетяжелую весельную «шпонку», на вид вполне целую и исправную. Потом стащил лодку на металлический пол (грохот был жуткий) и поволок ее к выходу. С не менее жутким скрежетом, естественно. Возможно, этот шум меня и подвел.

Подтащив лодку к выходу, я направил ее так, чтобы нос смотрел прямо на открытые створки дверей, сам передохнул несколько секунд, и поволок «шпонку» дальше. Но лишь переступил через стальной порог на плотный песчаный грунт, перемешанный с мелкой галькой и сосновыми иглами, как по затылку мне прилетело чем-то увесистым. Я успел увидеть стремительно приближающиеся к моей физиономии покрытые облупившейся краской лодочные слани с торчащими в разные стороны занозами. Ударившись о них лбом, потерял сознание окончательно. Хотя следующую фразу услышал, как мне показалось, довольно скоро, однако, как впоследствии выяснилось, я все же провел почти три часа в отключке.

— ... Да очухается он, ничего с ним не случится, — донесся до меня чей-то голос.

Я попробовал шевельнуться. Тело почти ничего не ощущало, кроме того, что страшно болит голова. Открыл глаза. Перед носом оказался бетонный пол.

— Да и вообще, кто это? Откуда он тут взялся? Его не должно быть здесь...

— Я думала, это тот... Пистолет и всякое такое.

— Нет, тот еще где-то прячется.

— Хорошо, а с этим-то что делать?

Голоса доносились глухо, словно сквозь вату. Один голос — мужской, другой — женский, третий — вообще не понять кому принадлежащий. Существо среднего пола, если только такие где и встречаются.

Я еще раз попробовал пошевелиться. Похоже, эти гады меня связали, стянув руки за спиной и скрутив ноги.

— Вроде задергался, — сказала «оно».

— Точно, — слышался женский голос. — Давай-ка спросим, что он тут делает...

Раздались шаги. Без лишних церемоний меня подняли и усадили на жесткий стул, обитый кожзаменителем. Я потряс головой. Трое мучителей стояли на фоне большого окна, спинами к нему. Свет падал мне в глаза, и вместо их лиц я видел только желтовато-серые пятна.

Мы находились в столовой санатория — в это помещение я уже заглядывал. Большие плиты посередине, несколько электрических котлов, под потолком квадратного сечения коробка для вытяжки. В пределах видимости — разделочный алюминиевый стол с висящими над ним на стене разнокалиберными ножами.

— Говори, кто такой, — слышался требовательный мужской голос. — Только паспортные данные не надо, я их уже знаю. И что ты не местный — мы тоже в курсе.

На уголовную речь это было не похоже. Впрочем, мне от этого легче не стало. Я сказал, что действительно приезжий, а здесь оказался по делам нашей фирмы. Цель — восстановление поставок запчастей местному заказчику.

— Врет, — вынесло вердикт существо среднего пола.

— Не обязательно. Может, он действительно случайно здесь оказался? — произнесла женщина. — Зачем ты сюда приехал? В это место, я имею в виду? Правду только говори, пожалуйста.

Она почему-то не хотела произносить слово «санаторий». Ну и ладно. Пришлось вкратце рассказать о моем путешествии, начиная с того момента, как я ступил на перрон этого проклятого города. Я упомянул самоубийцу и собак. Про таинственного мальчишку я решил умолчать. Вполне возможно, что он мне просто почудился сегодня утром, а если это не так, то для него будет лучше, если эти трое о нем ничего не узнают.

— В дизельную заходил? — спросил мужчина.

— Конечно, заходил, как же, — ответило за меня оно.

— Это неважно, — заметила женщина. — Важно другое.

— Каким образом отправить его на этот свет? — спросило оно. Так и сказав: «на этот».

— Вообще, это бессмысленно, — заявил мужчина. — Ведь мы же так и не узнали толком, зачем он здесь.

— Почему же? — удивилась женщина. — Он — ошибка. Вот только бы знать еще, чья.

— Даже если он оказался тут невольно, — заметило оно, — пристрелить его будет не лишним.

У этого существа в руке был мой пистолет, и мне что-то подсказывало, что живым меня скорее всего не отпустят.

— Пристрелить? — протянула женщина. — И это все?

— А что ты предлагаешь?

— У тебя фантазия истощилась?

— Нет, но...

— Вон, хотя бы ножик любой взять. Сегодня делать все равно уже нечего, можно хоть до утра его на части разбирать. Да и развлечение хоть какое-то.

— А ведь тоже дело...

От ужаса я чуть было снова не провалился в забытье.

— Э, нет, — вдруг сказала эта жуткая дама. — Здесь-то его нельзя оставлять в любом случае. И кровь...

— Да, — спокойно произнес мужчина. — Мы едва не забыли об этом.

— Тогда остается только одно, — неуверенно проговорило бесполое. — Триста восемьдесят вольт со щитка.

— И все равно труп не должен валяться здесь, — напомнила женщина.

— А если потом отвезти на лодке и выбросить в реку? — спросило оно.

— Это надо делать до того, а не после, — возразила женщина. — Он должен быть жив, пока не окажется в воде.

Способы расправы со мной они обсуждали не более эмоционально, чем варианты поездки на дачу к приятелям. Мужчина же вообще выключился из дискуссии.

— Так он же выплывет. Надо привязать камень на шею.

— Нет, все это не годится. Единственный вариант — привязать камень, но на длинной веревке, так, чтобы этот какое-то время поплавал бы на поверхности... Хотя, нет. Река, —

это слово она почему-то произнесла с заметной досадой.

— Да, и вообще надо сделать так, чтобы от него ничего не осталось.

— Точно! Сжечь, да и все дела! Желательно живьем.

— И это нельзя. Дым...

Как мне ни было страшно, но я вдруг подумал, что попал к каким-то темным сектантам. И возникла слабая надежда: хоть им и нужно было меня устранить, но по неведомым мне параметрам я не вполне подходил под ритуальную жертву. Да и способ устранения годился далеко не всякий.

— Жаль, что собак тут нет... Вот им бы скормить...

— Стоп! Это идея! Крысы... В этом подвале их знаешь сколько?..

Все глубоко задумались. Мне тоже было о чем подумать.

...Этот вариант в конце концов тоже забраковали, как «слишком грязный». Что они хотели этим сказать, не знаю, но в любом случае звучало зловеще. К содержательной беседе подключился мужчина, и стали озвучиваться такие экзотические способы умерщвления, что меня замутило, и я действительно вырубился.

Тем временем решение было принято. Я не слышал, каким образом они придумали расправиться со мной, но, придя в себя, понял очень скоро. Мужик и оно волокли меня к одному из кухонных котлов, с которого женщина как раз откидывала крышку.

Естественно, я дико сопротивлялся и орал. Но связанному против троих сложно было что-то предпринять. Мой ужас усиливался еще и тем, что эти трое, по всей видимости, старались даже не ради своего извращенного удовольствия; судя по некоторым их репликам, они действительно исправляли чью-то ошибку... И понять этот мотив было до размягчения мозгов невозможно.

Послышался звук включаемого рубильника. Я увалился в котел головой вниз, в очередной раз здорово ударившись. Что-то зазвенело, выпав из моего кармана. С лязгом упала крышка. «Плотнее закручивай, — донесся до меня голос одного из мучителей, даже не понять, кого именно из них. — Иначе все будет впустую».

Вот это они придумали, что ж ты будешь делать?! Я вспомнил про то, как в школьные еще годы меня (да и не только, если быть точным) шокировал рассказ трех наших самых отвязных одноклассников: поймав на пустыре бездомную псину, они затолкали ее в молочную флягу, которую затем кинули в костер. «Подпрыгивала на полметра, наверное» — с хохотом рассказывали они.

«Собаке, наверное, было проще: в отличие от меня, она лишена фантазии», — подумал я, уже без всякой надежды на спасение пытаюсь освободить руки. Неожиданно правая вдруг обрела свободу. Я судорожно захлопал ладонями по начавшему уже нагреваться днищу котла, и тут же наткнулся на что-то плоское и круглое, размером с пятирублевую монету. «Толку-то от этого», — мелькнуло в голове, но каким-то чудом я успел протолкнуть находку в щель между кромкой котла и еще не наглухо затянутой крышкой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Больше всего Сергея удивляло даже не то, как под обстоятельства прогнулся он сам, а то, как начали использовать обстоятельства другие. В первую очередь это касалось Нади. Сам Лихоманов уже и не мог вспомнить, как совсем еще недавно хотел, чтобы старый друг Пашка помог каким-нибудь образом вернуть сестре жены душевное равновесие. И тем не менее это случилось. Сергей при этом находился словно на иголках, супруга его пребывала в состоянии, близком к депрессии, Егор... С ним вообще было непонятно. Замкнулся почти наглухо. Совсем себе на уме стал.

Надя будто на самом деле позабыла обо всех своих душевных травмах. Невольно взяв на себя роль громоотвода и приняв часть работ по «реабилитации» раненого бандита, она в считанные дни превратилась из «нервеной» истерички в собранную, уравновешенную женщину. Насколько это было, конечно, возможно в таком окружении. И с Павлом у нее действительно нашлись какие-то «точки пересечения», на первый взгляд, необычные, так как уголовнику и недоучившемуся следователю вроде бы полагается быть по разные стороны баррикад. А потому Сергей даже слегка был шокирован, слушая, как шутят и хихикают за чашкой чая Кутапин и Семичастнова. Впрочем, они когда-то были знакомы, но вовсе не близко.

Слегка негодовала и Карина. Но только слегка. Получив последнее внушение от Барина, она притихла, прекратила ругаться и внешне стала выглядеть спокойнее. Ночью, по всей видимости, она укололась, а поскольку зелья было еще много, вряд ли можно было ожидать неожиданной паники из-за его нехватки.

Этим утром с постели с неожиданной легкостью встал Барин. Без чужой помощи он пересек комнату, вышел в коридор и заговорил с Сергеем, собирающимся на работу. Не делая вид, что его гложет совесть из-за поведения подельников, он тем не менее лапидарно извинился и попросил формального разрешения побыть на квартире еще некоторое время. В словах главаря прозвучал намек на щедрое вознаграждение, но Лихоманов, как было решено ранее, без объяснения причин отказался.

... Проводив мужа, Ира тоже решила сходить по делам. В магазин прогуляться, до сбербанка дойти. Зайдя в кухню, заглянула в холодильник, чтобы убедиться в необходимости некоторых приобретений. Покосилась на Надю и Павла: сидя за кухонным столом, эти были поглощены беседой. У Семичастновой знакомо блестели глаза — такое выражение было хорошо знакомо Ирине — сестренка опять запала на мужика. Рот приоткрыт, сама слегка подалась вперед — вся внимание. И при этом замок на блузке расстегнут, чтобы кружавчики были видны, волосы все время поправляет, ногами с голыми коленками кухню перегородила. Сучка сучкой. А этот слегка обалдел: сидит, соловьем заливается, глазами ее пожирает. Не случилось бы какой гадости...

Но почему так уж и гадости, подумала чуть позже Ира, спускаясь по лестнице. Ну, переспят они. Тебе-то какое дело? Завидуешь, что ли? Да и чему? Тому, что младшая сестра гораздо свободнее тебя? Что захотела она смены впечатлений, и тут же может получить ее? Да, конечно, у нее ни кола ни двора нет, если не считать комнаты на подселении. И замужем не была, знать не знает, что это такое — быть словно за каменной стеной. Хотя, какая сейчас каменная стена? Этот один случай с «гостями» чего стоит. Состояния никакого теперь Лихоманов не наживет, это ясно, дай бог, чтобы хуже не стало. На работу ей, Ирине,

уже второй год приходится ходить, в этой конторе она как на конвейере — бумаги, клиенты, напарница-маразматичка, начальник-дебил... Тоска, словом. Сережка тоже не очень-то доволен всем этим, трудно не заметить. Машину продавать затеял, это у него уже третий «Краун». И, по-видимому, последний. Теперь собирается брать что попроще, и аж зубами скрипит, когда слово «Королла» произносит... Егор, чего нельзя не заметить, с каждым годом отца все меньше уважает. Поневоле подумаешь, что когда Сергей занимался неизвестно чем (теперь-то ясно, что краденными машинами), перспектив и стабильности в жизни казалось больше. А сейчас это даже и не каменная стена, а просто четыре стены — скучные, серые и беспросветные.

... Тем временем, сидя в офисе, Сергей никак не мог втянуться в работу — он размышлял, стоит ли оставить все как есть, или имеет смысл вмешаться. Вообще-то ему казалось, что странная ситуация все же немного, но стала спокойнее. Вернее, не так: Сергей хотел, чтобы так было. Но так ли это на самом деле? Может быть, сегодняшнее утро — это всего лишь затишье, а ну как у кого-нибудь из налетчиков окончательно крышу снесет? Не дай бог, если у Карины — наркоманка, да еще вооруженная, таких дел может наворотить, страшно подумать.

Но как вмешаться? Это можно было бы сделать только одним путем, *особым*. Но об этом думать было страшно. После того, как Лихоманов узнал о *проблемах*, которые возникали с владельцами автомобилей, с которыми он немного поработал, он пообещал себе больше не прикасаться к «сувенирам», привезенным им с Кубы. Более того, он даже хотел выбросить их, как и самодельный гаечный ключ, но вместо этого повесил его над дверью, чтобы помнить о том, где и как его учили ремонтировать автомобили. Автомобили, да. Но ведь не людей...

Господи, — почти с ужасом подумал Сергей, — ведь прошло лет пятнадцать, а я все помню, словно видел это вчера. Раскаленную духоту мастерской. Огромные американские машины. Каждую железку, которую приходилось менять. В том числе и ту, которую я ставил в тот день, когда меня «крестили» ромом и куриной лапой.

...Коварная стойка никак не хотела вставать на место. Юный чернокожий ученик потянулся было за молотком, но голос Хосе Норьеги остановил его:

— Не делай так, піño (*). Молотком стойку нельзя загонять. И потом: я заметил, что ты ее даже не проверил после того, как прокачал... Что он еще не сделал?

Мастер обращался к другому ученику — молодому человеку из России. Тот стоял возле верстака и продувал жиклеры.

— Надо было заменить стабилизатор, — неуверенно произнес тот. — По-моему, он сработался окончательно.

— Вот и займись им сам... — Хосе Норьега забрал стойку у черного ученика и положил ее на верстак. — А ты, Роке, — обратился мастер к чернокожему, — замени масло и проверь радиатор. Я поехал в Коста-Роха, вернусь не очень поздно, мне надо, чтобы этот «Плимут» был готов к шести вечера.

На улице шелкнула дверца «Фольсквагена-Жука», на котором ездил хозяин. Сергей, посмотрев на черную «Фурию» шестьдесят первого года выпуска, про себя чертыхнулся. Вот уже полтора месяца он вкалывает в мастерской Норьеги, но пока ничего по-настоящему нового для себя не почерпнул. Сплошная рутинка. Радиатор-карбюратор-аккумулятор. Замена масла. Прокачка стоек. Конечно, есть определенная экзотика, вроде изготовления вручную шестерни для коробки передач к «Бьюику» пятидесятого года выпуска, но чтобы пришлось

подобным когда-нибудь заняться дома, такое даже в страшном сне не приснится... Стоп, полтора месяца? И Норьега поехал в Коста-Роха? Зачем?

Он знал, что в районе под названием Коста-Роха, что в переводе значит Красный Берег, живут, в числе прочих, и те, от кого зависит сравнительно спокойная жизнь хозяина. Чья предпринимательская деятельность в условиях социализма возможна лишь при соблюдении ряда неписаных законов... Вроде бесплатного обслуживания некоторых обитателей Коста-Роха: секретаря партийной организации, комиссара милиции, алькальда и еще ряда лиц, называемых здесь «хефе политико».

К чести подобных клиентов, они приезжали к Норьеге сами, здоровались первыми и разговаривали вежливо. И то правда: если не такие, как Хосе, то кто заставит двигаться их «Шевроле» и «Понтиаки» невероятных для любой страны мира сроков эксплуатации?

Но лишь к одному человеку в Коста-Роха Норьега мог вот так запросто поехать сам: к колдуну. У старого Хуана и машины-то не было, кстати. Но обычай требовал, чтобы колдун обязательно возглавлял церемонию посвящения ученика в подмастерья.

Что ж, если это правда, то сбудется мечта идиота: советский инженер-строитель станет подручным у кубинского автомеханика... Но вот в мастера ему здесь уже не попасть: через шесть-семь недель закончится эта странная командировка, а чтобы стать механиком, надо походить в подмастерьях хотя бы год... Может быть, все-таки что-то удастся увидеть за последние недели в мастерской Норьеги?

...Руки словно бы сами нащупали нужный инструмент. С легким щелчком выскочил старый, потрескавшийся стабилизатор. На верстаке уже лежал похожий на пятнистую змею толстый жгут из «вареного» каучука. Сергей снял с крючка укороченный мачете, примерился... Раз! От жгута отлетел кусок, размерами как раз совпадающий со стабилизатором, невесть сколько лет назад созданным где-то в Детройте.

«Что ж, рубить каучук меня научили», — усмехнулся Лихоманов... Затем он начал устанавливать стойку. С легким металлическим щелчком та встала на место. «Во всяком случае, этого негритянского мальчишку я обошел; тому на подобную операцию нужно как минимум три минуты, а то и больше...»

Впрочем, юный Роке не терял времени даром: поставив на место очищенный, промытый и высушенный уже неизвестно по какому кругу масляный фильтр, не имеющий описания ни в одном из современных каталогов запчастей, он залил в двигатель масло, стараясь не пролить ни капли, словно это была самая дорогая жидкость из всех известных на земле нефтепродуктов... Но «Плимуту» опять, как и прежде, достался всего лишь простой автол.

Провозившись еще с час, Сергей сел за руль, а Роке встал возле открытого капота. Перекликаясь на жаргоне, понятном лишь механикам, молодые люди начали запускать двигатель. Стартер заржал, словно конь с тexasского ранчо. Затем басовито ухнули цилиндры громадного V-образного двигателя, и утробный рокот заполнил помещение мастерской. Через толстый шланг, надетый на выхлопную трубу, на улицу повалил вонючий сизый дым, точно такой же, какой выходил из этой машины в те давние годы, когда еще не знали таких слов, как «экологическая чистота».

Двигатель вышел на устойчивые обороты, с ворчащим гулом заработал ровно, ни один из восьми цилиндров не пропускал такт. Роке захлопнул капот и приглашающе показал на выезд. Сидевший за рулем Сергей согласно кивнул, подождал, пока Роке снимет шланг с

выхлопной трубы, и включил первую скорость, думая про себя, сколько же раз подобное движение производилось внутри этой машины в течение тридцати с лишним лет, да и жив ли вообще первый владелец этого «Плимута»? Кем он был?

Большая черная машина с на редкость «сердитым» дизайном блока фар и решетки радиатора выползла из-под навеса, и яркое солнце заиграло на полировке кузова и восстановленной хромировке стальных бамперов с «клыками». Звук мотора почти не был слышен, вибрация еле ощущалась, ход был удивительно мягким. Словом, все как и положено качественно сделанному автомобилю... Разве что салон подкачал — сквозь перелицовку из дешевого и уже изношенного велюра кое-где торчали заскорузлые, потрескавшиеся остатки кожаной обивки.

Тем не менее, машина по-прежнему вызывала восхищение. Лихоманов в очередной раз поклялся, что когда вернется домой, то купит себе настолько солидную машину, насколько позволят ему финансы. И никакой не джип — только классический седан. Жаль только, что об американском автомобиле с «плавниками» и двигателем в четыреста сил останется только мечтать... Отсюда, с Кубы, даже имея миллионное состояние, никто не сможет вывезти ни один подобный раритет: строжайший местный запрет на вывоз и строжайшее международное эмбарго.

...Норьега действительно привез колдуна Хуана — пожилого черного толстяка с покрасневшими белками глаз и крупным носом. Если внешность еще можно было отнести на гены, климат или возраст, то запах перегара слишком явно выдавал в старике любителя гаванского рома.

Ром, кстати, оказался едва ли не основным атрибутом затеянной спустя час церемонии посвящения в подмастерья. Кем был придуман этот обряд, из какого обычая он трансформировался — это уже вряд ли знали даже самые старые механики, ушедшие на покой. Двое из них, на вид не менее чем девяноста годов от роду, пришли в мастерскую среди прочих приглашенных, как цеховые старейшины. А всего под обширным навесом из рифленого железа собралось человек пятнадцать, включая, разумеется, самого Норьегу, а также некоторых из коллег по ремеслу, держащих свои СТО на городской окраине и в Коста-Роха.

Коллеги, они же конкуренты, как стало Сергею ясно почти сразу после начала работы у Норьеги, были на удивление лояльны друг к другу, несмотря на определенные различия во взглядах, насколько это возможно при социализме и наличии «Большого Брата». Цвет кожи на Кубе — вообще не повод для разногласий. Не забывая о своем кармане, мастера-автомеханики все же помогают коллегам, а то и передают друг другу выгодных клиентов, если вдруг возникает резкая нехватка времени или ремонтной площади. Молодой инженер серьезно подозревал, что цеховое братство не чуждо некоторым мафиозным принципам, вроде круговой поруки, а то и чего покруче.

Присутствующие образовали полукруг вокруг верстака, рядом с которым расположились Хосе Норьега, колдун Хуан, оба автомобильных ветерана, тут же с молотком в руке поставили ученика. На верстаке — литровая бутылка с желтоватой жидкостью.

— Можно начинать? — спрашивает мастер у колдуна и старейшин.

Те кивают. Колдун сидит на корточках и перебирает в старом поддоне какие-то необходимые цацки.

— Очень хорошо, — говорит Норьега и обращается к ученику. — Скажи им, кто ты, откуда, и зачем здесь?

Сергею неловко. Тем не менее он представляется и, как умеет, излагает присутствующим на скверном испанском свои цели. Норьега предупредил его, что врать не нужно. Многие сотоварищи по цеху и так примерно представляют, что ему надо.

Некоторые, правда, издают возгласы удивления, когда узнают, что русский парень учится здесь, чтобы дома открыть свое дело. Возможно, для многих кубинцев, особенно старшего возраста, советские люди по-прежнему в большом авторитете, и то, что кто-то из них вдруг приехал учиться подобному ремеслу на Остров Свободы, вызывает у них недоумение.

— Возражает ли кто-нибудь против того, чтобы этот человек продолжал работать в нашем цехе? — спрашивает Норьега.

Возражений нет. Лишь один из стариков ворчит что-то вроде «все равно ему скоро уезжать».

Тем временем колдун готов. Он держит в правой руке куриную лапу и связку каких-то бубенчиков, издающих неприятный шорох при их раскачивании. Левая рука уже тянется к стакану, куда Норьега наливает из бутылки. Хуан делает добрый глоток напитка, затем окунает в стакан куриную лапу и брызжет, словно священник кропилком, ром в физиономию неофиту. При этом он бубнит что-то абсолютно непонятное для иностранца, который подозревает, что и не все собравшиеся понимают речь колдуна. Тем не менее некоторые слова произносятся достаточно внятно и складываются в переводимые фразы:

— За помощь со всех четырех сторон света — востока и запада, севера и юга... От духов земли и неба, моря и леса... Помощь этому человеку, который должен научиться доброму ремеслу... Откроем ему глаза, развяжем руки, отведем от него порчу...

Лихоманову по-прежнему не по себе. С одной стороны, ему кажется, что это дурацкий цирк, с другой — явно есть что-то зловещее в действиях и словах вудуиста... Неужели это и есть то, что он искал?

По знаку Норьеги Сергей поворачивается к верстаку и ударяет по наковальне, начиная произносить заученные слова «клятвы механика». Хуан при этом брызжет ему на руки ромом из вновь наполненного стакана.

— Обещаю постоянно постигать все тонкости моего ремесла.

Удар. Брызги рома.

— Обещаю подчиняться моему мастеру, чье слово для меня — закон.

И еще раз...

— Обещаю уважать моих клиентов, которые всегда правы...

— Обещаю не присваивать чужого имущества при работе...

— Обещаю прислушиваться к голосу нашего общества...

— Обещаю не использовать в моей работе приемы, которые могут принести вред.

Очередной удар по наковальне. Опять влага на руках.

— Обещаю не прибегать при работе к силам, с которыми не смогу справиться.

Удар... И вдруг не менее половины стакана выплескивается неофиту в лицо. Глаза невыносимо жжет от крепкого алкоголя. Сергей вскрикивает, роняет молоток и лихорадочно соображает: оскорбление это ему нанесли или подобный трюк входит в церемонию?

Второе оказывается верным. Все добродушно усмеваются, Норьега бормочет: «Все в порядке, всем так делают»... Старик скрипит: «Это чтоб лучше запоминалось»... Атмосфера становится непринужденной. Поджигаются сигареты и сигары. Стакан, в который окунали

куриную лапу, идет вкруговую, новому подмастерью тоже приходится выпить. Ром, естественно. Местный самогон, точнее.

— ... Сеньор Норьега, — обратился Сергей к мастеру, когда цеховое братство стало расходиться восвояси. — Хуан останется в мастерской или поедет к вам?

— А! Вот ты его и отвезешь домой, — довольно произнес Хосе. Он уже изрядно накачался, в отличие от подмастерья. — Возьми мою машину... Или нет, возьми «Плимут» — его передумали сегодня забирать. Заодно проверишь, не перегревается ли его двигатель на скорости. Только будь осторожен! Не вздумай даже чуть поцарапать!

Не веря такому счастью, Лихоманов побежал заводить двигатель «Фурии», стоящей на парковке у мастерской. Тем временем Норьега привел колдуна, тоже хорошо набравшегося. Кубинцы тепло прощались друг с другом. Для деловых знакомых они делали это достаточно долго, но для друзей — не особенно. Однако Сергею было не до отношений хозяина и колдуна: внимание его приковалось к приборной панели, подсвеченной почти мистическим зеленым светом.

Тем временем старый Хуан ввалился на переднее сиденье, наполняя и без того не слишком благоуханный салон запахом рома и другими своеобразными «ароматами». Впрочем, большие окна были опущены и, когда «Плимут», разогнавшись, помчался по шоссе, внутрь ворвался воздух извне, ветер Острова Свободы, пахнувший морем и орхидеями.

— Сеньор Хуан, можно вас спросить?

— Да, конечно, — с неожиданной готовностью ответил колдун.

— Что такое силы, с которыми человек может не справиться при работе?

— Это значит, что тебе не стоит идти в церковь и молиться за то, чтобы неработающий двигатель взял и ни с того ни с сего завелся.

— И только? А кроме церкви?

— Тебе лучше этого не знать, *michacho* (**). Вот, возьми твоего Хосе. Он по молодости пытался научиться *обращать*. Хорошо, что у него ничего не получилось. Опасно это. Только очень опытные механики могут делать подобное.

— А сейчас он мог бы это сделать?

— Не знаю, — помолчав с полминуты, произнес колдун. — Скорее всего, нет. Настоящие мастера доверяют только своим глазам и своим рукам. Нехорошо, когда в ремонт вмешиваются *ajenos*.

«Ахенос? «Посторонние»? — мысленно перевел Сергей. Может быть, он имел в виду «чужие»? «Другие?» Что старик хотел этим сказать?»

— А от кого он мог услышать про *обращение*? — снова спросил он. — И вообще, что это значит?

Теперь Хуан молчал дольше — минуты две.

— Тебе лучше этого не знать, — повторил он. — Ты слишком молод. Можешь навредить.

* * *

Снаружи опять донесся характерный щелкающий стук рубильника. Послышались недовольные возгласы. Я перевел дыхание. Неужели сработало?

Стенки и низ котла перестали разогреваться, сохраняя температуру приятного тепла. Я плохо представлял себе устройство кухонных агрегатов и предполагал, что вряд ли нарушение герметичности котла будет таким образом препятствовать его включению.

Оставалось предположить либо изношенность электрооборудования, либо что-то еще. Во всяком случае (я теперь был в этом уверен) странный жетон с жуком и солнцем на какое-то время отложил мой нелегкий переход с того света на этот, если пользоваться терминологией здешних нелюдей.

Снаружи забормотали, зашумели. Визгливый девичий голос существа неопознанного пола отчетливо заявил, что так тоже нельзя. Женщина спросила, что же тогда делать? И наконец мужчина распорядился:

— Выпускайте его.

С металлическим писком стали откручиваться «барашки» на крышке котла, едва не ставшего для меня крышкой гроба, да еще такого жуткого. Едва ее откинули, как я попытался самостоятельно выскочить наружу, но меня тут же схватили и снова начали связывать руки. Я вырывался.

— Лучше не дергайся, — пыхтя, посоветовал мужчина. — Иначе тебя придется сначала оглушить, а потом мы все равно сделаем по-своему.

Я внял, понимая, что у этих мерзавцев «не заржавеет» выполнить обещание. К тому же только сейчас мне удалось поверить в то, что страшная смерть опять прошла мимо, и все остальное вызывало лишь определенное равнодушие.

Но не слишком ли часто за последние дни надо мной нависает угроза гибели? Я к этому привыкнуть не могу и, надо сказать, привыкать не собираюсь. Далеко не святая троица закончила стягивать мои руки за спиной, усадила меня на стул и снова завела нудный разговор о том, как быть с моей персоной. Многое уже было перепето по два и более раза, но никакого решения они долго не могли принять. Было понятно только, что:

а) отпускать меня с миром нельзя;

б) убивать меня невозможно по очень сложным причинам, согласно которым мой труп (либо какие еще следы убийства) не должен остаться здесь;

в) вернуть меня обратно было бы хорошим и единственно правильным делом, но каким образом это совершить, неизвестно.

И все это потому, что я ну никаким образом не должен был здесь оказаться (с чем я был вполне согласен). А посему, решили они, мне отныне предстоит влиться в их компанию на неопределенный срок. Пока не станет ясно — навсегда ли я останусь с ними, или же вдруг подвернется случай отправить меня обратно (кстати, а куда именно?) Разумеется, я выразил неудовольствие таким решением, но на это мне почти печально было сказано, что альтернативы нет. Тогда я начал задавать вопросы:

— А вы сами-то кто такие? Из Вантайска? Как вас зовут хотя бы, можете сказать?

Пустяковые вопросы, но трое начали переглядываться между собой.

— Кто мы такие, сложно сказать. Мы и сами этого сейчас не знаем, — криво ухмыльнувшись, сказал мужчина.

— Главное, что ты теперь с нами, — неожиданно улыбнулась женщина. Совсем недобро улыбнулась, я был уверен в этом.

Я поерзал и недоверчиво спросил:

— Как же можно не знать, кто вы такие? Ведь я, например, хорошо знаю, кто я...

— Это потому что у тебя документы есть, — заявило оно. — Отбери у тебя их и заставь забыть твое имя, вот и ты тоже не будешь знать, кто ты такой.

— Как можно заставить забыть собственное имя? — не поверил я.

— О, — протянуло оно. — Способов, знаешь ли, *масса*.

— Дело даже и не в этом, — сказал мужчина. — Ты спрашиваешь, из Вантайска ли мы. Может быть, да, если ты называешь это место таким именем. Но кто может с уверенностью сказать, что на всех сторонах реальности, включая обратные стороны, это имя будет звучать именно так?

Свихнувшиеся философы-убийцы, грустно подумал я. Вот уж повезло, называется.

— Я даже не представляю, под какими именами тебе лучше нас знать... — задумчиво продолжал мужчина. — Впрочем, чтоб тебе было удобнее, зови меня Грач.

— Я — Воробей, — сказала женщина.

— Меня можешь называть Козодой, — неожиданно низким голосом сказала бесполое.

— «Козодой», — с неожиданной злобой пробормотал я. Они что, на самом деле до такой степени сумасшедшие, или просто издеваются?

Моя реплика не понравилась бесполому. Оно подошло и врезало мне в солнечное сплетение. Пока я хватал воздух, дергаясь на стуле, меня убедили в том, что повода для идиотских шуток нет и быть не может.

Внимательно поглядев на Грача, Воробья и Козодоя, я про себя согласился, что здесь все действительно серьезно. Слишком даже серьезно.

Я попросил закурить. Мне с готовностью дали сигарету и поднесли зажигалку. Сами «философы», похоже, не курили.

— Еще вопрос, — сказал я. — Вот то, что вы убиваете людей, — это что? Ритуал? Обычай? Или вам просто нравится так развлекаться?

— По-моему, он ничего не понимает, — растерянно сказала бесполое. Остальные промолчали. Да, мне это понять было трудно.

— Но ведь у вашей... Группы, секты, есть какие-то принципы? У тех же сатанистов ведь имеются свои внешние проявления групповой принадлежности? — попытался я задать наводящий вопрос.

— Сильно выражаешься, — усмехнулся Грач. — «Внешние проявления принадлежности», такого бы и я не придумал, если б умел даже.

— Примитивно мыслит, — возразило Козодой.

— А по-моему, напротив, усложняет, — заметила Воробей. — Ладно. Нам все равно друг друга не понять. Запомни только одно: мы никакие не сатанисты, ни о каких ритуалах не знаем, а все трупы на нашем пути — результат воли.

— Чьей? — поинтересовался я. — Вам внушают из Космоса, что надо кого-то убить?

— Нет, меня уже трясет от этой тупости, — плачущим тоном сказала оно.

— Не обращай внимания, пусть думает как хочет, — пожал плечами мужчина. — Мы все сказали. Все, для чего можно подобрать слова. И хватит спрашивать, если ты даже вопрос не в состоянии правильно сформулировать.

— Тогда последнее, — решил я. — Что случилось с городом? Куда делись все люди? Когда это произошло?

— А может, так было всегда? — вопросом на вопрос ответила Воробей.

— ...Итак, подискутировав с ними, вы приняли решение остаться с этими... Хм, людьми, на чьей совести не одно чудовищное убийство?

— У меня был какой-то выбор? Или вы искренне считаете, что я добровольно влился в преступную группу? Кроме того, я был по-прежнему связан и не мог бы даже броситься в Вантай и утопиться!

Вы почему-то промолчали, и ваше молчание мне совсем не понравилось.

Мне действительно ограничили свободу передвижений. Руки, правда, связали спереди, но довольно аккуратно, чтоб не перетянуть жилы. Я мог подносить ко рту сигарету или, к примеру, ложку, но не более того. Ноги тоже связали — между лодыжек теперь болтался отрезок капронового троса. Тоже привязали аккуратно, и я мог спокойно ковылять со скоростью пенсионера, гуляющего в сквере. Бежать было невозможно. Да и опасно. Меня предупредили, что убивать (во всяком случае, в ближайшее время) меня действительно никак нельзя, но вот покалечить — это запросто. Отрезать палец, выбить зуб или выколоть глаз — на подобные процедуры со мной у этого птичьего трио никакого табу не имелось.

Остаток дня мы шатались по территории санатория, проверяя все здания, все помещения. Однажды скромно потрапезничали, только не в столовой, а в помещении библиотеки. Грач залил две канистры солярки в бак дизеля (в помещение бокса я заходить отказался).

Что меня не переставало удивлять — так это странные взаимоотношения между тремя сумасшедшими убийцами. Они даже и не переговаривались между собой, за исключением тех случаев, когда я кого-либо из них ставил в тупик своими репликами. Молчали за едой, молчали после оной, валяясь на мягких диванах в вестибюле жилого ВИП-корпуса. Нелюди, на самом деле какие-то.

На первый взгляд, шатались они по «Вантаю» без всякой цели. Впрочем, это только казалось. Цель у них была, а все передвижения по парковым дорожкам и коридорам зданий представляли собой поиск — нудный и планомерный.

Который под вечер неожиданно закончился для них удачей. Когда мы проходили возле гаража, из его недр до нас донесся явственный металлический звук, будто аккуратно закрыли капот или дверь автомобиля. Троица насторожилась. Миг спустя, без единого слова, оставив женщину приглядывать за мной, Грач и Козодой со всех ног кинулись в сарай. Через две секунды донесся грохот, потом — чей-то испуганный вскрик, а затем прямо в нашу сторону выскочил незнакомый мне мужчина. Он увидел нас, чуть замешкался, и бросился бежать по направлению к воротам санатория. За ним тут же помчались Грач и Козодой, на удивление стремительно и при этом плавно. Расстояние между ними и преследуемым быстро сокращалось, и когда они его настигли метров через двадцать у самых ворот, то сбили с ног и нанесли несколько сильнейших ударов. Затем подняли и подвели к нам, вернее, к женщине, чтобы продемонстрировать результат.

Воробей удовлетворенно кивнула, позволив себе произнести пару слов:

— Это он.

— Не будем терять время. С ним можно быстро, — спокойно сказал Грач.

— *А этот человек был вам знаком? — задали вы очередной вопрос.*

— *Повторю: нет. И, если надо, могу назвать его приметы: лет сорок, может, немногим больше. Лицо бледное, с грубыми чертами. Сам довольно высокий и широкий, волосы черные, глаза...*

— *Не надо, — вдруг перебили вы. — У нас все записано.*

Неизвестный пытался вырваться. Но его очень надежно скрутили мотком капроновой веревкой, которую Воробей все время таскала с собой. На конце другого мотка веревки

сделали скользящую петлю. В течение этого короткого промежутка времени пойманный извивался всем телом на покрытой хвоей и листьями земле, рот его изрыгал нечеловеческие проклятия на таком сленге, какого я в жизни не слышал.

Но это ему не помогло. Пригрозив, что если я вздумаю вмешаться, мне отрежут уши, Грач и Козодой слаженными действиями пропихнули голову неизвестного в петлю, слегка затянув узел; Воробей ловко перебросила свободный конец веревки через сук ближайшей сосны, а затем все трое дружно потянули. Тело пойманного напряглось и заплясало в воздухе. Конец веревки Грач надежно привязал к стволу другого дерева. Убийцы довольно равнодушно посмотрели на дело рук своих, затем жестами показали мне следовать за ними и не спеша двинулись прочь от места экзекуции.

(*) мальчик (исп.)

(**) парень (исп.)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Андрей Половод опять уснул. Карина, маясь бездельем, глядела в окно. Некоторое время, сказал Барин. Какое, нафиг, некоторое, действительно еще неделю, если не две, надо ждать, чтобы он смог на ноги подняться. А так он пока все равно что инвалид... Курить не разрешает в комнате, но пахан есть пахан, и слово взял. У параша курить уже глаза ест. В подъезд, что ли, выйти? Опасно. Хотя, не должна спалиться — если уж за столько дней никто не пришел, значит, хозяин — честный по жизни, не сдал и своим не позволил... Что это такое, я своим ушам не верю — Котел на кухне стихи вслух читает! Этой Наде, сеструхе жены хозяина. Надо же! А на вид — овца овцой. На задвижку бы зарубилась, что они уже сегодня сосаться начнут! Кстати, о задвижках — Сергей где-то просто улетный герыч надыбал. Без всякого фуфла, ни крошки глюкозы, просто шерсть! Вставляет по самое не могу. Поговорить бы с ним чисто так, может, скажет, где берет... Мужичонка он, видно, так себе, даром что деловой. Да и жена его пасет... Во, эти на кухне уже лапаются, сто пудов даю!

Карина тихонько выругалась, когда убедилась, что сигареты закончились. Она вывернула карманы висящей на стене куртки — есть еще одна пачка, только тоже пустая. У Павла должны быть...

Двое на кухне еще не «лапались», но Паша с довольным видом поглаживал Наде пальчики. Карина, достаточно зная своего подельника, могла бы поклясться, что ему сегодня ночью предстоит славное приключение. Джинсы вдруг стали тесными в бедрах, будто каким-то образом уменьшились на размер. Лифчик сдавил грудь. Кожа неожиданно обрела необычную чувствительность, словно после дозы; молодая женщина разом ощутила каждый шов своей одежды, все ее складки.

— Котел, дай сиграча, — низким голосом сказала Карина.

— Кончились, — ответил Павел. — Серега купить обещал.

Карина выругалась еще раз. Курить захотелось так, что аж зубы закрипели. Сергей и Ирина не курят, да если бы и курили, брать без спроса у пустивших на хату — ничуть не лучше, чем крысятничать. Может, мальчишка ихний курит? Занятный паренек, надо сказать, сколько же ему лет? Пятнадцать, наверное, будет — по нашим понятиям, взрослый.

...Несколько капель духов со столика Ирины, как резонно рассудила налетчица, вряд ли можно будет расценить как крысятничество. Она протянула руку к флакону и посмотрела на себя в зеркало трюмо. И то, что увидела, ей совершенно не нравилась. На Карину угрюмо пялилась не очень уже молодая, плохо следящая за собой баба в кофточке далеко не первой свежести и грубых джинсах. Конечно, для какого-нибудь только что откинувшегося с зоны чухана и такое сойдет, но сейчас ей самой от себя стало противно. Нет, дальше опускаться никак нельзя.

Курить уже не хотелось. Зато вдруг вспомнилось, что в большой сумке рядом с долларами лежит легкое летнее платье, в которое ей по плану надо было переодеться после дела... Если бы оно завершилось чуть более удачно.

Барин, к счастью, был в глубокой отключке, иначе он стопудово бы полубопытствовал, какого, собственно, хрена она лезет в сумку с хабаром? Паше, увлеченному Надеждой, до Карины сейчас интереса не было никакого... К сожалению, платье слегка помялось, и немного огорчало, что нет смены белья. Но это дела теперь не меняло. Зато в квартире есть

горячая вода, а это уже хорошо.

...Из-за пледа, завесившего вход в чулан, доносился частый сухой стук. Человек, ближе знакомый с оргтехникой, сразу бы понял, что в помещении сидят за компьютером, и опытными пальцами набирают текст. Карина немного замешкалась, но секунду спустя отодвинула плед и заглянула внутрь.

— Привет, — с легкой улыбкой произнесла она.

Узкое пространство между внешней стеной квартиры и стенкой кухни освещалось только сине-зеленым светом, исходящим от монитора, развернутого задней стороной к входу. Почти все свободное пространство на стенах было занято большими плакатами с изображениями самолетов, танков и других боевых машин времен Второй мировой. Кроме компьютера, стоящего на простом столике, из предметов интерьера здесь находилась узкая кушетка и несколько полок с книгами. И, разумеется, небольшой вертящийся стул с высокой спинкой, на котором сидел юноша, недоуменно и не очень доброжелательно глядящий на вошедшую. Холодный электронный свет падал чуть снизу на его лицо, которое при таком освещении казалось принадлежащим мужчине лет двадцати с гаком.

— Привет, — настороженно ответил он.

— Ничего, что я без приглашения? — спросила Карина. В ее устах подобный вопрос был просто верхом вежливости.

— Да ничего, — ответил парень. — Чем могу быть обязан? — с нарочитой церемонностью спросил он.

Карина проскользнула внутрь, чуть придержав плед, не давая ему сразу завесить проем. В чулане было довольно темно, и падающий из залитой летним солнцем квартиры свет на пару секунд сделал полупрозрачным легкое светлое платье, четко обрисовав изящные линии женских ног.

Дав Егору осознать, что он только что увидел, Карина спросила:

— Ты уже куришь?

— Вообще-то... — Егор замялся, глядя на вошедшую. В полумраке комнаты он вряд ли мог различить все детали, поэтому Карина сделала шаг к монитору, и даже немного нависла над ним, давая возможность оценить форму ее бюста хотя бы в первом приближении.

— Неужели нет? — Карина выпрямилась.

В такой ситуации и некурящий подросток, подумала она, изловчится по полной, чтобы достать сигарету. Правда, курить уже не сильно и хотелось. Хотелось просто немного покуражиться. И не более того, век свободы не видать...

— Наверное, найду, — Егор нерешительно поднялся со стула и подошел к книжной полке. Карина не без труда протиснулась между компьютерным столиком и стенкой.

— Компьютер крутой, наверное, — сказала она, хотя ничего и не понимала в этом. — Это у тебя игра такая?

На экране монитора висело окно программы «ICQ», более известной под названием «аська». Если бы Карина это знала, то, возможно, удивилась бы — имя Аська ассоциировалось у нее с одной из бывших сокамерниц, на редкость склочной и зловредной бабенкой.

Егор недовольно повернулся и свернул окно программы, легко ударив двумя пальцами по клавиатуре. При этом он задел локтем бедро Карины. И вздрогнул. Женщина это заметила и даже зажмурилась от удовольствия: кураж пошел.

Егор, похоже, не там искал сигареты. Ему пришлось встать коленями на кушетку, куда

уже нацелились сесть Карина. Ничего страшного, можно сесть на стул... Вернее, не сесть, а положить на сиденье коленку, вот так, чтобы разрез открыл ногу, и слегка облокотиться на спинку.

Юноша наконец нашел сигареты и протянул Карине пачку. Глаза его при этом так и прилипли к обнаженному бедру. Так, с него пока достаточно...

— Слушай, как у тебя здесь уютно, — с восхищением в голосе произнесла женщина, выпрямляясь и принимая пачку. При этом она коснулась руки Егора. Была небольшая опасность «пересолить», но, слыша, как громко дышит паренек, Карина поняла, что может не беспокоиться. У мальчишки уже все играет как надо.

— Значит, ты так и живешь здесь... Прямо как медведь в берлоге, — продолжала она. — Может, это и правильно — ведь ты должен иметь свою хату, хотя бы вот так. Старики-то не против?

— Ну... Маме это не очень нравится, — пробормотал Егор.

— Смотрю, и шконку поставил себе, — Карина наконец добралась до кушетки, мимолетно подумав, что это лежбище немногим мягче, чем нары. — Молодец, все как надо организовал.

Сидя на кушетке, Карина повернулась влоборота, коснулась рукой стены, провела пальцами по изображению истребителя «Мицубиси-Зеро», не представляя себе даже приблизительно, что это за самолет такой. Без излишней рисовки потянулась телом, подавшись грудью вперед; в платье на тонких бретельках с глубоким вырезом — Карина это знала — эта ее поза должна если не сбивать с ног, то выглядеть достаточно привлекательно.

Егор уже давно почуял неладное, но выгнать нахальную гостью — это было бы последнее, что могло прийти ему сейчас в голову. Карина на мгновение застыла в этой соблазнительной позе, потом медленно повернула голову, улыбнулась и опустила руку. Рука при этом, лаская, прошла по груди, животу, а затем по ноге, так, чтобы коленка и бедро снова выглянули в разрез.

— Я тебе нравлюсь? — тихо спросила Карина.

Единственное, что паренек смог сделать в ответ, так это кивнуть.

— Садись, — предложила она еще тише.

Мальчишка был достаточно робок — он сел, но не на кушетку рядом, а на свой стул. Неверный свет монитора падал так, что Карине не было видно лица Егора. Это было плохо. Но зато Егор должен был более-менее отчетливо видеть Карину. Это было лучше.

Усмехнувшись, она сбросила туфлю и, приподняв ногу, коснулась своей ступней колена юноши. Тот чуть подался назад, но из-за тесноты чулана стул далеко уехать не мог. Карина закусила нижнюю губу, оперлась на локти и подалась нижней частью тела вперед. Пальцы ног женщины двинулись по ноге парня, затянутой в простые «треники», вперед и вверх. Егор не шевелился. Затаив дыхание, он ждал, что будет дальше.

А дальше все шло как по нотам. Ступня Карины скользнула между его бедер и устремилась к промежности. Пальцы ног сквозь одежду почувствовали, что с молодым человеком все в полнейшем порядке, и у женщины в эту же секунду захватило дух от накатившего под самое горло желания.

— Ну, — прошептала она внезапно севшим голосом, — подойди уже сюда.

И протянула руку. Егор, плохо соображая, что делает, подчинился. Коснувшись пальцев женщины, он буквально перетек со стула на кушетку. Но активных действий не предпринимал. Карина чувствовала, как тяжело он дышит, и как частит его сердце, от чего и

сама заводилась все сильнее, не слыша своего прерывающегося дыхания. Понимая, что время терять нельзя, но все еще опасаясь спугнуть мальчишку, не давала событиям нестись вскачь. По-прежнему не выпуская руки Егора из своей, погладила ладонь мальчишки, поднесла его пальцы ко рту и принялась нежно покусывать их, один за другим. Этого она никогда и никому раньше не делала, несмотря на богатейший сексуальный опыт...

Когда Карина положила ладонь Егора себе на грудь, и когда тот наконец начал переходить к активным действиям, погладив чуть напряженной рукой ее колено, раздался звонок в дверь. Оба вздрогнули, непроизвольно прижавшись друг к другу.

Из кухни донесся голос Нади: «сиди тихо, я открою». Послышались шаги, сакраментальное «кто там?», и в квартиру кто-то вошел. Судя по всему, мать или отец — Егор не мог точно знать, потому что прибывший голоса не подавал. Только Надя сказала «все в порядке» и легкими шагами перебежала обратно в кухню. Тот, кто пришел, спокойно и по-прежнему молча перебрался в зал.

«Не надо сейчас выходить», — прошептал Егор в ухо Карине, касаясь его губами. У женщины закружилась голова, она с тихим вздохом повернулась к юноше, и два тела прижались друг к другу в объятиях, бесстыдно шаря руками по укромным местам и подставляя эти места жадным прикосновениям. Остановиться самостоятельно оба уже бы не смогли. Парень не на шутку возбудился, да и сама Карина немного даже испугалась своему желанию, до такой степени поглотившему ее. Кажется, она уже года два вообще не хотела мужчину, по крайней мере, настолько сильно. А в последние месяцы героин вообще заменил ей секс, но сейчас было как в школьные годы: Карина почувствовала, будто ей не больше лет, чем этому мальчишке... Она едва не вскрикнула, когда его пальцы проникли ей под трусики и, прижавшись ртом к его губам, в свою очередь перехватила возглас Егора, ощутившего женские пальцы там, где прежде бывали только свои. В этот момент отдернулся закрывающий вход в чулан плед, и послышалось негодующее восклицание.

* * *

У маньяков, как известно, не бывает сообщников. Об этом говорят и психологи, и криминалисты, то же самое мы слышим из телевизора. Значит, захватившие меня убийцы — никакие не маньяки. Сумасшедшие — да. Вот только на какой почве у них сдвиг?

Более всего походило, что на религиозно-мистической. Вроде как у последователей Чарльза Мэнсона, если я ничего не путаю. Однако все мои попытки докопаться до корней безумия этой троицы сталкивались в лучшем случае с глухотой, в худшем — с угрозами выбить глаз.

Но ведь мной двигало не праздное любопытство. Я предполагал, что как только получу необходимую информацию, то смогу обрести если не свободу, то по крайней мере определенность в отношении моего будущего. И еще я по-прежнему надеялся выяснить, что же именно случилось с городом.

Но пока ничего не менялось. После повешения незнакомца возле гаража Грач, Воробей и Козодой прекратили свои поиски и отправились перекусить. Пища, как обычно, состояла из консервов, но у меня и аппетита особого не было; знаете ли, не каждый день тебе показывают виселицу в действии.

На ночлег мы отправились во все тот же корпус для VIP-персон. Тут-то мне и пришла в голову мысль удрать, но эти трое на мою беду затеяли дежурство по очереди. Мне отвели небольшой одноместный номер, велели укладываться, а в кресле рядом посадили Козодоя с моим пистолетом. Я сильно подозревал, что из всех троих именно это создание более всего

мечтало выпустить из меня кишки, посему я не стал сильно уповать на то, что при нем удастся сбежать. Как ни странно, уснул я быстро, а когда проснулся среди ночи, Козодоя уже сменил Грач. Спросонья я было вообразил, что нахожусь в гостях у моего вантайского знакомого, и что это он невесть зачем уселся рядом с моей кроватью. Но быстро и с огорчением понял, что это не так. Я долго следил сквозь полуоткрытые веки, когда же мерзавец уснет, но так и не дождался. Этот тип вообще походил на киборга; по-моему, за время его караула он даже не шевельнулся. Дышал Грач практически неслышно, почти не моргал — мне хорошо было видно, как в темноте поблескивают белки его глаз. Утро мы встретили с женщиной по прозвищу Воробей; едва я открыл глаза, как ствол пистолета, который она держала в руке, уставился мне в физиономию. Н-да, еще одна-другая подобная ночка, и я тоже запросто свихнусь.

Завтрак, кажется, не входил в планы философствующих убийц. Я тоже не сильно проголодался. Но мне было позволено съесть банку тушенки и выкурить сигарету.

— Ну, что? — спросил я затем. — Кого сегодня будем вешать? Или вы хотите разнообразия? Что могу подсказать: дыба, гильотина, колесование... Правда, я плохо представляю, что это такое...

Меня сбили с ног и некоторое время внушали, что обойдутся без чужих советов. Затем Грач произнес веско:

— Если ты будешь и дальше доставать нас своим идиотизмом, то тебе и электрический котел покажется легкой смертью.

Похоже, поиски в этот день у «птичьей троицы» не планировались. Они бесцельно сидели на диванах вестибюля, иногда прохаживались по холлу, и снова садились на места, словно чего-то ждали. Чего? Или кого? Чувствуя, что действительно могу сойти с ума, я потребовал экскурсию в библиотеку. Все трое без малейшего возражения согласились подняться и проводить меня туда; я даже удивился. Мотивы почти всех действий этих убийц оставались для меня загадкой.

В библиотеке я долго копался на стеллажах, выискивая то, что мог бы сейчас читать без вреда для своей психики. Отечественные псевдоиронические детективы я отмел сразу же, как и западные триллеры вроде «Судьбы Салема». Классику — тоже, опасаясь, что не смогу отвлечься, пытаюсь углубиться в сложные психологические построения Достоевского или Фолкнера. Наконец выбрал что-то из американского фэнтези, но прочесть книгу мне нынче было не суждено. Неожиданно что-то привлекло внимание Козодоя, глядящего в окно. Это существо даже воскликнуло:

— Там кто-то есть!

Грач и Воробей моментально оказались около окна. Я тоже глянул наружу, на пересечение дорожек парка, где стоял ржавый киоск с почерневшими стеклами. Дверь его слегка моталась на шарнирах.

— Ветер? — спросил Грач.

— Нет. Там кто-то прячется, — произнесла Воробей.

— Сторожи этого, — сказал ей Грач и обратился затем к Козодою. — Пошли!

Двое кинулись прочь из библиотеки. Через некоторое время я увидел, как они осторожно, пригнувшись, подбираются к киоску с двух сторон. Подкравшись вплотную, приблизились к полуоткрытой двери и, постояв пару секунд неподвижно, ворвались внутрь один за другим: вначале — Грач, за ним — Козодой.

Разбилась грязное до непрозрачности стекло киоска. Кто-то, находящийся там,

попытался выскочить наружу, но двое пресекли попытку к бегству. Почти сразу же из двери выбрались Грач и Козодой, крепко держа отчаянно вырывающегося человека. Он что-то кричал так, что даже мне было слышно. Пронзительный голос, длинные ярко-рыжие волосы... Женщина. Грубияны поволокли ее за собой, вскоре скрылись в мертвой зоне, а через полминуты я услышал приближающиеся по коридору вопли. Пойманная неумело ругалась и умоляла отпустить ее.

— Ты не дергайся, — предупреждая мои возможные действия, предупредила Воробей.

Распахнулась дверь библиотеки, и Грач с Козодоем втокнули женщину внутрь. Рыжеволосая успела схватить Козодоя за ворот, и рванула так, что у того разошелся замок на балахоне. На какой-то момент мне показалось, что это существо вовсе не бесполое, если под балахоном оно действительно носило то, что я увидел, однако это вряд ли имело какое-то значение. Рука Козодоя рванула замок вверх и снова наглухо застегнула бесформенную одежду.

Грач толкнул женщину в стоящее возле одного из столов широкое кресло, которое жалобно взвизгнуло. Жалобно взвизгнула и рыжая, затравленно озираясь.

— Судя по вашим первоначальным показаниям, — сказали вы, — это была девушка или молодая женщина лет двадцати, стройная, с обыкновенной фигурой. Волосы рыжие, глаза карие, лицо худое с тонкими чертами, заметно асимметричное, особых примет нет... Оранжевый топ, умеренно короткая зеленая юбка, колготок нет, легкие коричневые туфли на маленьком каблуке... Серьги из желтого металла с коричневыми стразами, на безымянном пальце правой руки кольцо и в пупке пирсинг, выполненные в похожем стиле. На левой руке свободный браслет под зеленый мрамор... Все верно? Не хотите что-либо добавить либо изменить?

— Все верно, — согласился я.

В общем, девушка показалась мне довольно милой. Даже сердце защемило, когда я подумал, к каким ублюдкам она попала в лапы. Ублюдки между тем выглядели озадаченными. Переглядываясь между собой, они затеяли допрос, похожий на тот, с которым уже ранее столкнулся я.

— Кто такая?

— Какая вам разница? — с отчаянной храбростью воскликнула рыжая.

— Действительно! — с пафосом проговорил Грач. — Разницы особой нет. Но вот каким путем ты сюда забрела, это уже очень важно. Говори!

— Я... Я не понимаю, как тут очутилась. Ехала из Ольховки в Вантай, домой. Автобус не пришел, поймала попутку. Уснула, а потом чувствую, как меня выкидывают на обочину. Сумку украли, мобильник... Дошла до санатория, думала позвонить. А здесь — никого нет. И телефоны не работают.

— Ольховка — это где?

— Поселок дачный тут, километрах в двадцати отсюда...

— Да что же это такое? — существо по прозвищу Козодой всплеснуло руками. — Опять случайность? Или что похуже? Она тоже не должна была тут оказаться. Не для нее это место...

— Хватит тебе болтать, — прорычал Грач. — Сам вижу...

Ссутулившись, Грач принялся мерить шагами комнату библиотеки. Я потребовал

сигарету. Воробей выполнила просьбу, а Грач вдруг остановился и уставился на меня. Потом перевел взгляд на девушку. И еще пару раз глядел то на меня, то на нее. А затем вдруг произнес:

— Забирайте их обоих. Я думаю, с ними вместе мы что-нибудь сообразим.

Мне показалось, что фраза прозвучала весьма зловеще. Что же он задумал на этот раз?

— Я никуда не пойду, — заявила девушка, подтягивая коленки и готовясь отбиваться. —

Идите сами куда хотите... А-ааай!!

Это Козодой схватил ее лапой за локоть. Рыжая извернулась и попыталась впиться в эту лапу зубами. Но промахнулась — мне даже послышался щелчок. Реакция у этих убийц была превосходная, да и сил хватало. И то, что девушка пиналась, кусалась и царапалась, пока ее буквально выковыривали из кресла и вязали, никак не могло изменить исход борьбы. Грач и Козодой «упаковали» ее примерно так же, как меня вчера, меньше чем за минуту. Воробей тем временем стояла в трех шагах от меня, в свалку не вмешивалась и — я это видел — держала мой пистолет наготове.

Процессия двинулась по направлению к столовой. Трое с птичьими кличками были мрачны и зловеще молчаливы — как есть демоны, если я что-то в этом понимаю. Рыжая периодически принималась то плакать, то угрожать, ругаясь. Ее волокли Грач и Козодой, шедшие первыми. За ними ковылял я, ни к селу ни к городу сожалея, что не взял с собой книгу. Шествие замыкала Воробей с пистолетом в руке.

Мы прошли в пищеблок, где вчера меня едва не испекли заживо. Сумасшедшие рассадили нас — меня и девушку — на два стула, скрутили веревками основательнее и затеяли дискуссию, как теперь поступить. История повторялась. Только фарса никакого не было, просто на сцене появилось еще одно действующее лицо, и оно, подобно мне, подлежало устранению. Ликвидации. Или, по терминологии этих «философов», переходу с того света на этот.

Лично я полагал, что нам все же готовят обратный переход, а все эти умствования — чистой воды психологический садизм.

— Дело теперь упрощается, — сказал Грач. — Даем этому парню его пушку, он пристрелит девчонку, а потом, если это ни к чему не приведет, застрелится сам.

Я словно со стороны услышал чей-то неестественный хохот, и только несколько секунд спустя понял, что смеюсь сам.

Все посмотрели на меня.

— Наверное, он и сам считает, что это будет лучшим выходом, — произнесла Воробей.

Я принялся ругаться. Я выразил сомнение в природном происхождении Грача, Воробья и Козодоя, а также в благопристойном поведении их родителей, если у них таковые вообще были. Я предложил им совершить противоестественные действия друг с другом. Наконец, предположил, что не более естественные действия с ними уже совершали собаки, ослы и обезьяны. Награду за подобное свободомыслие я получил скорую и в полном объеме. Корчась на грязном бетонном полу, я слышал, как предложение пристрелить меня адресуют рыжей. Та, как я уже убедился раньше, браниться почти не умела, но тоже выдала им по полной.

«Философы» задумались. Они с напряженными лицами принялись молча расхаживать вокруг нас, постукивая подошвами по бетону. Если не знать, чем они озадачены, то можно было бы запросто предположить, что обдумывается по меньшей мере либо доказательство теоремы Ферма, либо новый вывод из общей теории относительности.

Минут пятнадцать (а может, и все сорок) ушло у них на обдумывание, и вдруг светлая мысль, как мне показалось, почти одновременно озарила все три сумеречных мозга.

— Дай-ка сюда, — Грач протянул руку за пистолетом. Получив необходимое, вытряхнул на ладонь обойму и не очень умело выковырял из нее три патрона, оставив один. Затем снова зарядил пистолет и дослал патрон в ствол.

— Теперь слушай, — обратился он ко мне. — Сейчас возьмешь пистолет и застрелишь ее. Постарайся с одного раза... Тихо! А то опять будешь на полу валяться... Потом мы оставим тебе пистолет еще с одним патроном, а сами уйдем. Дальше — сам знаешь, что делать, когда освободишься. Если ты еще не понял, другого выхода отсюда у тебя нет.

Козодой и Воробей синхронно закивали, соглашаясь. Похоже, разум окончательно покинул головы этих существ.

— Пошел ты! — сказал я. А что еще нужно было говорить?

— Или придется поступить иначе, — осклабился Грач. — Видишь вон тот крюк? — он показал свисающий с потолка острый крюк на блоке, с помощью которого из холодильника транспортировали туши на разделку. — Подвесим девчонку за ребро напротив тебя, и будем ждать. А ждать мы можем долго. И она может ждать долго. Полчаса она, правда, покричит. Еще полчаса будет жаловаться на неудобства. А потом начнет уговаривать тебя пристрелить ее, и если ты этого не сделаешь, она станет тебя проклинать.

— Вы этого не сделаете, — похолодев, сказал я.

— Сделаем, сделаем, — уверил меня Грач.

Девушка только пискнула. Грач повернулся к ней.

— Вот видишь? Ты поверила. Потому что ты была в дизельной и на лодочной станции. Ведь так?

Девушка сжалась в ужасе.

— Козодой, тяни блок, — скомандовал Грач.

Того не надо было дважды упрашивать. С мерзким скрежетом блок пополз по направляющей в сторону разделочного стола. Залязгала цепь, на которой качался заржавленный стальной крюк. Рыжеволосая дико завизжала.

— Ну! Будешь стрелять? — Грач протянул мне пистолет. — Ты еще думаешь? Поразительно. Козодой, чего стоишь? А ты помогай, — обратился он к третьей.

Бьющуюся девушку выволокли из кресла и затащили на стол, над которым болтался крюк. Воробей и Козодой залезли на этот стол с ногами, подняли извивающееся тело и стали примеряться, как его лучше насадить на кривое острие.

Если кто еще сомневался в том, что сейчас произойдет, то теперь уже сложно было проигрывать варианты. Пистолет словно сам прыгнул мне в руку.

— Вот это верно, — похвалил Грач. — Стреляй.

Крюк уже царапал девушке кожу на голом боку. Я поднял пистолет и прицелился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— О-оой! — взвизгнула Карина, когда Сергей начал растягивать ей позвоночник. Лихоманов, не помня себя от злости, тащил женщину за плечи вон из чулана, а ее таз застрял в узкой щели между стенкой и компьютерным столиком. Монитор опасно зашатался. Егор едва успел схватить столик и немного развернуть его, чтобы тот удержался под углом к стене и кушетке. Это ему удалось. Но привело еще и к тому, что Карину заклинило основательно.

С грохотом упал стул. Сергей рычал что-то на предмет того, как эта сучка посмела совращать моего сына, женщина верещала от боли — ей действительно защемило ногу, а Егор громко увещевал отца прекратить цирк, если он не хочет расколотить компьютер стоимостью в двадцать с лишним тысяч.

На шум сбежались все, находящиеся в квартире — Надя, Павел и Андрей. Понять было не так уж трудно, что происходит, поскольку Сергей достаточно отчетливо объяснял влекомой им Карине, что именно его возмутило в ее поведении. Женщина жалобно пискнула, послышался треск рвущейся ткани, и Карина словно пробка вылетела в прихожую. Лихоманов не удержался на ногах, упал навзничь, а на него тут же сверзилась Карина в платье, у которого почти оторвался подол. Тут же вскочила, диким взглядом обвела присутствующих и скрылась в комнате, без всякого почтения толкнув Барина. Тот молча повернулся, вошел следом и закрыл за собой дверь.

— Папа, ну зачем ты устроил этот дурацкий спектакль? — нервно произнес Егор, выходя из чулана.

— Что значит «спектакль»? — сердито спросил Лихоманов, поднимаясь на ноги. — Ты что, не понимаешь, кто она такая? Ведь ты же еще младенец по сравнению с ней... Нет, сейчас я объясню этой уголовнице, как играть с тобой в такие игры...

— Да прекрати, папа, — успокаивающим басом заговорил Егор. — Она тут ни при чем. Это я сам позвал ее в компьютер поиграть.

— Врешь! — воскликнул отец.

— Ниче я не вру... Ну а там, пока показывал ей, в какой руке мышку держать, подумал, что вас дома нет, все заняты. — И совершенно по-взрослому подмигнул отцу. — Ну, ты же знаешь, как это бывает...

— Идиот, — в сердцах проговорил Сергей. — Ладно, хоть мать ничего не знает... Надеюсь, и не узнает, — он повернулся в сторону Паши и Нади.

Те одновременно кивнули. Сергей заметил, что Паша совсем по-свойски держит руку на Надиной талии, чертыхнулся и снова обратился к сыну:

— Я с тобой еще поговорю... Откуда ты всего этого набрался? В твои-то годы?

— Да ладно, пап... — протянул Егор. — Неужели ты думаешь, что я до сих пор... Э-э... Мальчик?

Сергей смерил взглядом сына. Да, здоровенный уже парень вырос. Вообще-то незаметно раньше было, что он девчонками увлекается. Все больше компьютер, да какое-то историко-техническое общество. Приходит, бывало, к полночи, говорит, модель самолета в натуральную величину собирают. ЛАГГ-3. Может, и самолет. А может, и нет. Лучше бы спортом занимался... Помню, я тоже врал родителям, когда с Танькой Ивановой крутил. Правда, мне тогда года на три больше было, чем Егору сейчас... Тоже мне, джентльмен нашелся! Врет ведь, наверняка эта швабра сама к нему притащилась... А Надежда-то какова!

Какого черта она так одобряюще кивает Егорке? Своего поля ягоду, что ли, надеется учуять?

Окончательно расстроившись, Лихоманов ушел в зал. Нет, так дальше продолжаться не может. Неделя? А если больше? А если этот кошмар продлится еще месяц? Невероятно. Эти проклятые гости совсем неуправляемы. И опасны. С ними надо что-то делать. Но что?

С автомобилями было проще. Если заказчик пригонял тачку и говорил, что она должна быть «другой», с этим бригада «скоробеев» легко справлялась. Перебить номера — примитив. А вот сделать так, чтобы под твоими руками машина превратилась в другую, оставшись внешне той же самой — это уже высший пилотаж. Только вот беда — с человеком ведь такое не сделаешь. Любой человек, даже такая дрянь, как эта Карина — не вещь в себе. Автомобиль за собой тянет лишь слабые следы, едва заметные тени прежних владельцев, водителей, механиков. А человек — это целый космос, пусть даже и убогий, как у этих уголовников, и справиться с ним, наверное, даже не всякий колдун Вуду сумеет. Конечно, приходилось слышать, что вудуисты умеют наводить порчу так, что недруг скоро и неизбежно склеит лапы. А потом окажется где-нибудь на плантации в виде бессловесной скотины без памяти и почти без жизненных потребностей. Зомби. Не имеющий ничего общего с тем, что подразумевают в Европе и России под этим названием. Он внешне не так страшен, как восставший из ада в одноименном фильме, но может быть также опасен для людей, как кусок радиоактивного материала. Незаметно, час за часом нераспознанная жертва вудуистов подпитывается жизненными соками окружающих, как те машины, которые побывали неизвестно где... Впрочем, что говорил колдун Хуан о таких вещах? «Никогда не пытайся увидеть в машине человека».

... — Он так сказал? — спросил Норьега.

— Да, — ответил Сергей. — Но он еще кое-что говорил. — В частности, что с машинами вы именно так когда-то поступали. Что у вас был очень важный заказ от «хефе политико», и если бы его «Кадиллак» тогда вы бы не смогли починить, ваш бизнес мог оказаться под угрозой закрытия. Это правда?

Вместо ответа Хосе приглашающе махнул подмастерью:

— Поехали.

— Куда?

— Увидишь.

Сергей счел за лучшее не задавать вопросов. Мастер и подмастерье сели в «Жука», и Норьега погнал машину в сторону Коста-Роха. Но на развилке поехал не прямо, к жилым кварталам, а свернул на неровную дорогу, ведущую на ту окраину, в сторону которой советским специалистам строго-настрого запрещалось даже нос поворачивать.

— Это ведь Вилья-Брава? — спросил Сергей.

Хосе кивнул.

— У меня могут возникнуть проблемы...

— Мы же не к проституткам едем, — проворчал Хосе. — И не на петушинные бои.

— А к кому?

— Увидишь, — опять сказал мастер.

Видно было, что Норьега очень недоволен. И Лихоманов предполагал, что эту экскурсию Хосе затеял только потому, что Сергей не далее как вчера заявил, что ему через неделю улетать — билет на самолет уже заказан.

«Фольксваген» небыстро двигался по ухабистой дороге среди бедных лачуг и странно выглядящих для Кубы заведений — неброские вывески на них, почти все на английском

языке, утверждали, что здесь можно выиграть кучу денег, приятно провести ночь, и приобрести самые экзотические сувениры. Дело шло к вечеру, возле некоторых домиков стояли вульгарно одетые девицы всех цветов кожи, у дороги то и дело вырастали помпезно выглядевшие молодые люди. «Жук» Норьеге их не интересовал. Они высматривали такси, и если такое вдруг парковалось у обочины, к машине сразу же подскакивал «гид».

— Туристы? — поинтересовался Лихоманов.

— Гринго, — неохотно ответил Хосе. — А может, европейцы, не заметил... Любители острых ощущений.

На дальнейшие расспросы Норьеге отвечал молчанием. Он продолжал вести машину через Вилья-Брава, и вдруг свернул в какой-то узкий и совсем уже непроезжий переулок. «Жук» принялся раскачиваться и подпрыгивать, скорость упала до шести-семи миль в час. Здесь было почти безлюдно, лишь кое-где у совсем уж затрапезного вида заведения толклись оборванцы, почти все босые, в лохмотьях и пьяные, но у каждого на голове красовалось сомбреро размером с колесо от грузового «Мака».

Норьеге остановил машину у одного из бедных домишек, ничем почти не отличающемся от подобных, расположенных поблизости.

— Выходим? — спросил Сергей.

— Сиди...

К машине стали приближаться три подростка — белый, черный и краснокожий. Все в сомбреро и грубых пончо, а индеец, кроме того, не таясь, держал на виду здоровенный нож — в кино про семинолов и апачей такими снимали с бледнолицых скальпы. Неизвестно, что за намерения имелись у троицы, но вид был самый что ни на есть бандитский, и Сергей даже слегка струхнул. Хосе высунул голову в окно и что-то резко сказал. Подростки прошли мимо.

Скрипнула дверь, из-за нее выглянула женщина. Подождав секунду, подошла к машине. Пожилая, наполовину белая, наполовину индеанка, с длинными седыми волосами и лицом законченной алкоголички. Хосе завел с ней почти непонятный Сергею разговор, затем сказал подмастерью: «пошли».

Лихоманов двинулся следом за Норьегой. Сергей думал, что они войдут в дом, но вместо этого их провели на задний двор. Там на запущенном и порядком заросшем участке стоял довольно большой гараж, а возле гаража сидел и курил сигару мужчина лет тридцати, почти белый, с незначительной примесью негритянской крови. Одежда его была довольно грязна и поношена, вместо сомбреро на голове красовалась когда-то белая панама. На лице его было печальное выражение. Похоже, он тоже неплохо знал Хосе. Мужчины поздоровались и заговорили на том же самом сленге, которого Лихоманов не знал. Но ясно, что речь шла о том, что новый подмастерье Норьеге хотел бы посмотреть, над чем работает мастер Хоакин.

Мастер Хоакин был не в восторге от подобной просьбы, но спустя десяток минут переговоров, сопровождаемых энергичной жестикуляцией, вошел в гараж, запустил бензиновый генератор и зажег свет. Потом пригласил гостей войти, а сам вышел.

До такой степени «убитого» авто здесь Сергею еще не приходилось видеть. Он даже не понял, что это за машина — модель была ему незнакома. Автомобиль был не самым «крутым», даже в прежние годы. Кузов — двухдверный седан, если даже не сказать — купе, без малейшего намека на «плавники». Изначально, видимо, зеленого цвета, он был ободраным, побитым и ржавым; лобовое стекло — панорамное, по моде пятидесятых —

покрылось сетью трещин. Раздельная решетка радиатора помялась, не иначе, от давнего столкновения, в котором серьезно пострадали фары, да и вся передняя часть. Смятый капот, спущенные колеса... Словом, металлолом. Утиль — даже для Кубы.

— Эта машина еще поедет, — сказал Норьега.

— Не может быть, — произнес Сергей. — Хотя, если мотор...

— Можешь открыть капот, — сказал Норьега.

Лихоманов поднял заскрежетавшую крышку и посмотрел на смятый радиатор, расколотый трамблер, и — самое главное — двигатель без блока головок. Ржавчина покрыла когда-то зеркальное покрытие внутренних поверхностей цилиндров, из клапанных гнезд торчали грязные пружины. Кошмарное зрелище для механика, словом.

— Да здесь нужна замена двигателя, — уверенно произнес Сергей. — Это что за машина?

— «Крайслер-300» пятьдесят шестого года. Недавно приобрели у детей покойного Саммерли — старого гринго, оставшегося жить на Кубе. Через неделю на этой машине будет ездить сын комиссара милиции.

— Не может быть, — снова сказал Сергей.

— Хоакин согласился рискнуть. Я бы не стал.

— Почему?

— Ты не забыл о последней заповеди механика? Так вот, Хоакин умеет подчинять себе то, о чем не принято говорить вслух. Может быть, даже, он лучший механик, чем я.

— Но вы это тоже пытались делать?

— Да. И вот что я скажу тебе, *michacho*. Сын комиссара милиции сможет потом спокойно ездить, не опасаясь, что с ним случится беда. Хоакин это в состоянии обеспечить. Но если бы за эту машину взялся я, то за безопасность ее владельца нельзя было бы дать и окурка сигары. Понимаешь?

Сергей молча посмотрел на входящего в гараж Хоакина. На лице того была даже не печаль, а прямо-таки мировая скорбь. Черт, подумал Лихоманов, неужели он ошибся? Может, надо было сразу искать этого человека и напрашиваться в ученики именно к нему, а вовсе не к Хосе?

— Пойдем, — сказал Норьега Лихоманову. — Сюда мы еще вернемся.

Они вышли на улицу и сели в «Фольксваген». Несмотря на то, что в этих трущобах у Норьеги были знакомства, кто-то все же стащил «дворники». Хосе помянул «*cucarachas*» и «*gusanos*». (*)

— Ты, кстати, зря об этом подумал, — произнес потом вдруг Норьега, заводя двигатель.

— О чем?

— О том, что было бы хорошей идеей обучаться у Хоакина.

Сергей промолчал, опешив.

— Так вот, это плохая идея. Посмотри, как он живет. Может быть, он и умеет восстанавливать мертвые машины, но сам он уже почти мертвец. Ему ничто не в радость — ни деньги, ни ром, ни женщины. И с каждым месяцем все хуже. Он плохо понимает все, что не касается ремонта машин, и если бы ему не помогала Мартина, он зарос бы грязью и умер от голода, копаясь в двигателях. Для нашего общества — он изгой. И если кто узнает, что я побывал здесь и возил тебя сюда, мне придется ответить на несколько очень неприятных вопросов. Тебе ясно?

— Ясно. А почему мы должны сюда возвращаться?

— Через пять дней ты это сам увидишь.

... Именно так сказал тогда Норвега. Возможно, зря он меня возил к этому искуснику-забудыге, — подумал Сергей. И, возможно, зря я настаивал, чтобы мне открыли все кубинские секреты восстановления и переделки автомобилей. Ведь я сам начал чувствовать, что с каждой машиной, отремонтированной или легализованной с применением *особых* методов, я словно бы терял часть самого себя. И пить я тогда начал здорово, с Гришей Кебичем на пару... Гриша. Уж не переделанные ли мной машины высосали из меня тогда интерес к фантастике? И испанский язык заодно? Ведь когда-то с листа умел читать, да и болтал без особых проблем там, на Кубе. А сейчас кроме «*buenas noches*» (***) что могу вспомнить? Куда что ушло? Ничего не понимаю... Хорошо, хоть вовремя прекратил подобные техники на грани фантастики.

Лихоманов встал из-за стола в своем офисе и подошел к двухкамерному сейфу. Нижней камерой он практически не пользовался, да и совсем не хотел туда даже заглядывать. Он действительно боялся. Боялся еще хоть раз применить привезенные с Кубы вещи вместе с навсегда врезавшимися в память словами и действиями. Но выбросить их тоже было страшно. И забыть то, что когда-то делал Хоакин, невозможно. Тем более что и сам Сергей повторял этот урок не раз и не два. Но только с машинами. «Никогда не пытайся увидеть в машине человека», немного двусмысленно говорил колдун Хуан. «Никогда не пытайся увидеть в человеке машину». А вот так сказал Хоакин, по незнанию или из легкомыслия захотевший стать лучшим автомехаником на Кубе, но ставший в итоге отверженным. Все равно что проклятым.

* * *

Я повернул ствол оружия в сторону Грача и нажал спуск. Мужчина с удивлением посмотрел на меня, когда раздался сухой щелчок осечки.

— Ну ты и баран, — с неповторимой интонацией произнесло это чудовище.

Девушка продолжала визжать.

— Прекратите, — бросил Грач своим помощникам, не поворачиваясь в их сторону. Тело девушки с грохотом упало на алюминиевый стол. Визг перешел в сдавленные рыдания.

Я еще раз нажал спуск. Результат был прежним. Ну, теперь все, — пронеслось в мозгу. — Сейчас они действительно покروشат меня на салат.

Однако птичья стая ничего такого делать не собиралась. Оставив вздрагивающую и всхлипывающую девушку валяться на столе, Воробей и Козодой слезли на пол. Грач тем временем отобрал у меня пистолет. Покрутил его в руке так и сяк. Прицелился в выцветший плакат, изображавший классическую «муху, источника заразы». Раздался грохот выстрела, и у мухи в крылышке появилась аккуратная дырочка.

— Теперь уже и я не понимаю, — развела руками Воробей.

— Уводим их отсюда, — сказал спокойно Грач.

— Куда? — послышался тихий голос Козодоя.

— А разница есть? — спросила Воробей.

— Пойдем в старый жилой корпус, — заявил Грач. — Там найдем, куда их определить...

И мы отправились в очередную прогулку по санаторию.

— Это было... — начали вы.

— Вчера. Днем. Нас привели в жилой корпус. Меня заперли в кладовке кастиляниши, а

девушку — в подсобке.

— Вы после этого еще встречались?

— С этими психами?

— Нет, я говорю о девушке.

— Да. Между нашими помещениями оказалась тонкая стенка, вроде бы из фанеры. Ну, мы и начали переговариваться.

— Очень хорошо, продолжайте.

На мой стук в перегородку послышалось легкое царапанье и жалобное мычание. По всей видимости, девушке завязали рот, чтобы она не поднимала шума. Я не сомневался, что в соседнем помещении именно она. Но я и сам был крепко скручен, и к этому состоянию можно было уже привыкнуть, если бы это не казалось настолько противным.

Прошло, наверное, больше двух часов, прежде чем я сумел освободить правую руку — мне удалось перетереть веревку о какой-то стальной выступ под заколоченным окном. Сквозь щели в досках проникал все же хоть какой-то свет, и я смог разобраться, где нахожусь. К сожалению, у меня при себе не было ничего, за исключением документов и банковских карт — зажигалку, нож и все прочее, что могло бы мне помочь, у меня забрали. Поэтому еще минут сорок, если не больше, я работал в основном собственными зубами. Девушка за стенкой периодически давала о себе знать. Я откликался, говоря, что надо потерпеть еще немного, и я сумею освободить нас. Правда, в этом я вовсе не был уверен.

Когда руки были полностью свободны, мне повезло найти большой гвоздь. С его помощью я сумел почти без труда окончательно развязаться. Не будь гвоздя, я долго бы еще ковырял узлы обломками ногтей. Кроме того, именно с его помощью я в конце концов отогнул край фанерного листа от внешней стены.

Стараясь по возможности не поднимать шум, я принялся расшатывать и раскачивать фанеру. Скрип и скрежет, казалось, можно услышать на том берегу Вантая. Со стены посыпались хрупкие пластинки извести, поднялась пыль. Наконец, в пазах перегородки что-то протяжно запищало, на пол упала деревянная планка, и открылось прямоугольное отверстие, через которое при желании можно было бы протащить и корову. Я отряхнул ободранные руки и перебрался в соседнюю комнату.

Здесь тоже было какое-то подсобное помещение, при этом порядком запущенное. Однако тут валялись довольно ценные предметы, вроде железного совка и осколков стекла. На стене висела раковина, над ней свешивался водопроводный кран. Я даже пожалел, что меня заперли не здесь, а в кастаньяной, среди стеллажей с бесполезным в такой ситуации постельным бельем. Тут я выпутался бы меньше чем за полчаса.

Но девушка, лежащая на замусоренном полу, освободиться не сумела. Надо сказать, что связали ее едва ли не более основательно, чем меня. Она была в полном сознании, и глядела на меня широко открытыми глазами — их белки поблескивали в полутьме.

Освобождать связанных девушек мне еще не приходилось. Подобное я видел только в кино — вспомнилась, кстати, сцена из «Кавказской пленницы». Какая там была последовательность? Учитывая стрессовое состояние пленницы, руками заняться лучше в последнюю очередь.

К тому же она меня боялась. Как только я нагнулся над связанной, она отползла в угол, жалобно попискивая. Я, как мог убедительно, постарался объяснить, что я друг, и что я ничего плохого не сделаю. Напротив, буду пытаться вытащить нас из этой напасти. Словом,

повторил в очередной раз то, что уже говорил через стенку. Не знаю, любой бы уже поверил на ее месте.

Осколком стекла я разрезал путы на ногах девушки. Она брыкалась, и мне стоило определенных трудов не повредить ей кожу. После того, как она приняла почти сидячее положение, опершись спиной о стену, я снова начал ее убеждать:

— Послушай. Сейчас я аккуратно уберу платок из твоего рта. Хорошо? Обещай мне, что ты не будешь кричать. Наши враги могут услышать. И если они придут, то я плохо представляю, что они сделают...

Вообще-то я представлял это хорошо. Может быть, даже излишне хорошо.

На наше счастье, девушка не закричала. Она только закашлялась и начала отплевываться. Потом перевела дыхание и спросила:

— Ты кто?

Я объяснил. При этом освободил ей руки. Они, несомненно, здорово затекли и совсем не слушались.

— Пить хочу, — сказала она. — Тут где-то вода капала.

Когда я отвернул кран почти до отказа, то из него тонкой струйкой потекла вода. Она здорово отдавала ржавчиной, но не в наших условиях было жаловаться.

— А ты кто? — спросил я в свою очередь, пытаюсь найти уязвимые места в дверях наших темниц.

— Алина, — коротко представилась рыжая.

— Из Вантайска?

— Вообще-то да. На три дня ездила к друзьям в Ольховку. Ну, ты знаешь, это так называемые «дальние дачи». Транспорта никакого нет, а Ленька, тот парень, который нас на машине привез, все никак не мог протрезветь. А мне срочно на смену заступать надо. Автобуса тоже не дождалась, остановила попутку. Водитель, скотина такая, по дороге меня выкинул, все вещи с собой увез... Даже куртку забрал. Кое-как пришла сюда, в санаторий — тут ужас...

Двери выглядели чертовски прочными. В старых домах их делали из цельных досок, раза в три толще нынешней вагонки. Косяки казались укрепленными. Был бы топор...

Совком, который слишком легко гнулся, я все же сумел оторвать одну из досок с окна в кастаньянной (в подсобке окон не было вообще). По ту сторону грязных стекол обнаружилась решетка.

— Похоже, отсюда не так-то просто будет выбраться, — заметила Алина.

— Единственный способ — выломать какую-нибудь из дверей, — сказал я. — И это я смогу сделать, только если удастся ее выбить.

«И если бы во мне было веса хоть килограммов девяносто». Но этого я вслух не стал говорить.

— А если эти услышат, что будет?

Что будет, что будет... Плохо будет, тут и гадать не нужно. Но с другой стороны, вариантов вроде бы других нет. Если просто сидеть и ждать, они рано или поздно заявятся... А если нет? Если они просто взяли и решили нас тут бросить — подышайте сами как умеете? Психи, что с них взять... И поступки их никакой логике не поддаются, в этом я уже успел убедиться.

Я сделал четыре броска в дверь подсобки — на мой взгляд, она была не такой крепкой, как закрывающая кастаньянную. Чертова дверь даже на миллиметр не подвинулась.

— Слушай, ты помнишь, они чем-то стучали? — тихо спросила Алина.

— Да, колотили, когда нас тут заперли. Думал, запугать нас хотели...

— А если они нас досками забили с той стороны?

Черт. А вот это очень похоже на правду. И на довольно страшенькую правду, надо сказать.

Еще раз двадцать, наверное, я прочувствовал своими ребрами крепость обеих дверей. Все впустую — сил у меня не хватало. Да и было их уже не так много, по сравнению с тем моментом, когда я выходил из поезда на пустой перрон. Мертвый Вантайск здорово меня укатал.

Но мне совсем не хотелось услышать ужасные, особенно в этой ситуации, слова, произнесенные женским голосом: «Ну придумай что-нибудь, ведь ты мужчина». А что тут можно придумать?

Я полез отдирать остальные доски от окна, но не удержался на подоконнике и рухнул вниз. Хорошо хоть не на голый пол, а на сваленные как попало простыни и пододеяльники. И без того все тело ныло, как будто меня несколько часов подряд трясли на вибростенде. Вставать не хотелось. Лежа на спине, я глядел на чумазое окно, за которым уже сгустилась темнота. Если убрать еще три доски, высадить стекло, чтобы не порезаться... Потом каким-нибудь образом расшатать решетку... Может, она что называется, от честных людей, установлена?.. Вот сейчас, только полежу две минуты...

Неожиданно мне на щеку легла теплая ладонь. Это Алина неслышно подобралась ко мне и присела рядом на кучу белья.

— Устал? — тихо спросила она. И, не давая мне ответить, сказала: — Конечно, устал. Правильно, не вставай. Тебе действительно отдохнуть надо. Вижу ведь, здорово досталось...

Послышался шорох. Девушка вытянула ноги и улеглась слева от меня, как и я, лицом вверх. Я ощутил ее пальцы на своей руке и легонько сжал их.

— Это наверное, правда, — вдруг сказала она. — Мы не должны были здесь оказаться.

— Я тоже считаю, что произошла какая-то ошибка. И при этом не одна. Что случилось с городом? Тоже вопрос.

— Не говори больше про город... По крайней мере сейчас.

— Хорошо, не буду... — И то верно, зачем расстраивать девчонку — наверняка там у нее родственники остались...

— У тебя есть друзья? — вдруг спросила она.

Я открыл было рот, чтобы сказать «да, конечно, есть», но так и захлопнул его. А ведь наверное их и нет у меня, действительно. Какие могут у таких, как я, быть друзья? Только деловые знакомые. Да родственники жены, чтоб им пусто было... И еще приятели школьных времен, с которыми иногда просто неловко встречаться.

— Ты молчишь? — тихо спросила Алина.

— Боюсь, что мне нечего ответить, — не совсем честно сказал я.

— Как же так? — удивленно спросила девушка. — Разве так можно жить?

Ее рука вздрогнула в моей. Я думал, что она сейчас ее выдернет, но Алина вдруг повернулась на правый бок и прижалась ко мне.

— А ты знаешь, может и у меня тоже... Не друзья, — задумчиво произнесла она. — Если Ленька, к примеру, считает себя моим другом, то он мог бы и не упиваться так, знал же, что мне на работу надо... А девчонки... Наверное, правду говорят, что женской дружбы не бывает? Как ты думаешь?

— Может, и бывает, — сказал я. Если честно, то женская дружба — это такой предмет, какой мне бы в жизни не пришлось в голову изучать. Или она это имеет в виду отношения между мужчиной и женщиной? Ну, с возрастом Алина станет циничнее, и узнает, что друзей не трахают... Так что и жена вряд ли может быть другом — по себе знаю...

— Ты что так напрягся? — удивилась Алина. — Ну, извини, если я что — то не то спросила...

— Да не в этом дело... Женщины, наверное, только где-нибудь в сорок лет между собой дружить в состоянии. Когда парней делить уже не надо.

— А че их делить-то? — удивилась Алина. — Парень — это ж как автобус: один ушел, подожди немного, второй подойдет.

Все-таки она уже что-то повидала... И легкий цинизм уже есть. Кстати, мне это по душе в какой-то степени... Кто-то ведь из великих не зря говорил: будьте циничнее — людям это нравится... Кто? Не помню...

Алина слегка завозилась возле меня. Все-таки, я не до такой уж степени устал — приобнять ее уж точно в состоянии. Слегка погладить по рыженькой головке... Девчонка-то симпатичная. Плечи и коленки голые. И запах от нее приятный идет, очень такой женственный... Конечно, более ядреный, чем после душа — это уж определенно, принимая во внимание все ее приключения... И стоит ли удивляться, что голые руки уже обвилились вокруг моей шеи, а голая нога лежит почти что у меня на животе?

— Мы должны вернуться, — прошептала она прямо мне в лицо. — Ты веришь?

— Да, черт возьми! — едва ли не в полный голос сказал я. — Верю.

А на что еще можно было в этот момент надеяться?

Рыжая буквально впиалась в мои губы. Затрещали швы — не то у моих брюк, не то у юбки Алины. Девчонка была охвачена прямо-таки отчаянной страстью, и это было по-настоящему заразно; катаясь по вороху белья, мы освобождались от одежды почти с таким же энтузиазмом, как от веревок, которыми еще недавно были опутаны. Со стеллажей, которые опасно раскачивались, на нас то и дело падали кипы простыней и наволочек, так что скоро весь пол превратился в скомканную постель; на ней мы устроили такую неистовую схватку, что — очень на это надеюсь — всем чертям в аду стало жарко. А может быть, не зря говорят, что только в экстремальной ситуации, в особенности у логова Костлявой, человек может полностью раскрыться. В том числе и с сексуальной стороны.

... Все же усталость дала о себе знать. Час, полтора... Почти два часа, наверное, мы отчаянно тратили остатки энергии, щедро делясь ими друг с другом. Потом я буквально вырубился, когда что-то говорил Алине. Уснул на середине фразы. И когда проснулся, хотел ее закончить, но так и не сделал этого.

Но не потому что забыл.

А просто никакой Алины рядом со мной уже не было.

(*) тараканы и черви (исп.)

(**) спокойной ночи (исп.)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Андрей Барин открыл глаза и увидел доброе, немного усталое лицо склонившейся над ним красивой женщины.

— Доброе утро, — сказал он жене хозяина квартиры.

— Сейчас день, — без особых эмоций произнесла женщина, поднимаясь и отходя к окну.

Барин проследил за ней взглядом. «Хороша», — мог бы кто-нибудь прочесть в этом взгляде, но сейчас в комнате больше никого не было. Карина и Павел о чем-то препирались на кухне, Надя и Егор куда-то ушли порознь. Сергей еще не вернулся с работы.

— Я понимаю, — сказал он, — что лучше бы нас здесь сейчас не было...

Ирина круто обернулась.

— Да, — сказала она.

— Нас здесь скоро не будет, — сказал Барин.

— Я это уже слышала...

— Мне нужно сегодня отсюда уйти. Чем скорее я договорюсь, тем скорее мы слиняем.

— Ну что ж... Действуйте. Правда, врач сказал, что вам еще опасно подвергать себя нагрузкам.

— Верно. Но я, вообще-то не собираюсь ворочать бульжники, — Половод криво ухмыльнулся. — Мне нужно попасть в одно место в городе... Улица Красная Заря. Знаете, где это?

Ирина знала. Окраина города, полузаброшенная рабочая слободка у агонизирующего комбината. Не самое приятное место. С другой стороны, барыгам и прочим околोकриминальным элементам там самое место.

— Имею представление, — сказала она.

— Мне надо сегодня побывать там, — заявил Половод. — Конечно, это можно сделать и завтра, и послезавтра, но времени слишком мало. Ты знаешь, что нас ищут. И чем дольше мы тут торчим, тем у нас дела хреннее. У вас, кстати, тоже.

— Ну, а что ты мне предлагаешь? — спросила Ирина.

Почти незаметно для себя они перешли на «ты».

— Помоги мне добраться до Красной Зари, — неожиданно сказал Барин.

Ирина остолбенела от неожиданности.

— Я? — переспросила она. — Почему я?

— Ты же знаешь, куда надо ехать, — сказал бандит. — И потом, я боюсь просто не дойти туда...

— Но почему именно я должна тебя сопровождать? — Ирина даже усмехнулась. — Пашу возьми. Или давай Сергея дождемся.

— Мне и без Паши сложно на улицу высовываться. Ему вообще нельзя выходить — его менты срисовали куда лучше, чем меня. А идти вдвоем с женщиной — это для меня спокойно.

Барин промолчал о том, что в том деле, которое ему нужно провернуть, сообщники могут быть ему просто опасны. Особенно, если принять во внимание его состояние.

— Твое фото тоже ведь могли поднять...

— Вот потому я и говорю, что время терять нельзя. Объясняю популярно: если мы

пойдем вместе с тобой, то на улице вызовем меньше подозрений. Типа муж и жена...

— Тебе не кажется, что ты слегка зарываешься?

— Да это же чисто для отмазы будет! — Барин приподнялся на кровати, лицо его передернулось от боли. Он откинулся назад. — Возьмем тачку, съездим туда-обратно... С разными водилами, конечно. А чтоб они ничего не прочухали, пока едем, будем так и вести себя, как шер-машер... Но без бэ, ничего лишнего. За это я тебе отвечаю. Да я и так пока еще не одыбался...

Половод слабо улыбнулся. Ирина вдруг неожиданно сама для себя задумалась. Выглядело это не так уж противно. Времени займет немного. Самое главное, она поможет ускорить отъезд незваных гостей, которые ее достали не меньше, наверное, чем мужа. Да и вообще, — мелькнула озорная мысль, — потом будет что вспомнить: каталась в такси с настоящим бандитом, ограбившим банк.

...Настоящий бандит, ограбивший банк, выглядел неважно. Нездоровую бледность его лица не могли скрыть большие темные очки, они лишь немного скрадывали ее. Простой пиджак аккуратно сидел на широких плечах, но не скрывал небольшой сутулости. Левой рукой Барин опирался на красивую трость, когда-то привезенную Лихомановым с Кубы, а за правую держалась красивая женщина в летнем брючном костюме горчичного цвета (хотя на деле она сама слегка поддерживала своего спутника). На Ирине тоже были большие солнцезащитные очки коричневого оттенка. Пара выглядела неброско, хотя и не сказать, что уж совсем незаметно; наблюдательный прохожий, скорее всего, предположил бы, что это любящая жена вывела на прогулку своего мужа, только что начавшего оправляться от тяжелой болезни.

На предложение вызвать такси по телефону Барин ответил резким отказом — еще не хватало, чтобы таксист потом вспомнил, кого и куда он возил, если, не дай бог, конечно, дойдет до этого. Поэтому пара прогулочным шагом прошла почти полтора квартала, остановилась вблизи игрового павильона, и женщина принялась голосовать. Белая «Волга» остановилась почти сразу. Ирина сама договорилась о маршруте и цене (водитель при словах «Красная Заря» скривился), потом, когда дело было улажено, хотела было сесть вперед, но ее «муж» вдруг чрезвычайно твердой рукой удержал от этой попытки и едва ли не силой (а может, и не едва ли) впихнул на заднее, куда затем и сам сел.

— Ты что себе позволяешь? — тихо прошипела Ирина.

— Все в порядке, — промурлыкал Барин.

Решив высказать свое отношение к этой выходке позднее, Ирина стиснула зубы. А Половод, похоже, вошел в роль супруга. Он задал несколько подходящих по ситуации вопросов, как-то: выключен ли утюг, что будем говорить Петровым насчет собаки, и знает ли Маша, что директор школы, где учится их дочь — козел и черт. Ирину слегка развеселила эта игра, она активно включилась в беседу, но веселье у нее закончилось сразу же после того, как только она ощутила тяжелую лапу Барина у себя на коленке. Она тут же шлепнула по ней, но ладонь бандита поползла вверх по ее бедру, обтянутому тонкой тканью брюк.

— А кстати, — спокойно сказала Ирина. — Я уже начала думать, что среди наших гостей были люди с понятиями.

Барин не спеша убрал руку. За окнами автомобиля уже мелькали старые бараки Красной Зари, и водитель спросил, где надо остановиться.

— Вот у того дома, — сказал Половод. Машина притормозила, Ирина рассчиталась и «супруги» вышли.

— Ну, и куда мы сейчас? — холодно спросила Ирина.

Барин поглядел по сторонам.

— Сходи пока в магазин, погуляй. Через полчаса встретимся здесь же.

— Надеюсь, слишком долго мне ждать не придется?

— Не придется, — просто ответил Барин.

Проводив взглядом тяжело ступающего налетчика, Ирина слегка пожалела, что пустилась в эту авантюру. Ну зачем ей это понадобилось? Жить скучно стало? И без того «веселья» с этими проклятыми квартирантами выше головы... Хотя ладно, они же не навсегда. Конечно, они внесли серьезное возмущение в их привычную жизнь, словно бы пронесли на своей планете слишком близко к их семейной орбите, заставив совершить какие-то хаотичные движения... Интересно, удастся ли после отъезда квартирантов полностью вернуться к привычной жизни? Наверное, удастся. И даже не наверное, а точно. Но Ирина думала, что в ней самой что-то уже изменилось — появились какие-то смутные мысли и желания, каких раньше не было, они слегка пугали, но совсем не страшно, оставляя слабый и сладкий привкус запретного плода, от которого вдруг ускорился бег ее сердца... В одной книге из тех, что когда-то так часто читал Сергей, рассказывается о космонавте из далекого будущего. Он однажды высадился на незнакомой планете и столкнулся с совершенно чуждой и необычайно интересной формой разумной жизни. И неожиданно для самого себя потерял покой — он даже переделал свой организм, чтобы научиться дышать неземным воздухом и принимать пищу местных жителей, все лишь бы для того, чтобы стать одним из представителей иной планеты... Сейчас Ирина словно бы стала лучше понимать героя той книги — вокруг нее ведь столько иных форм жизни, столько разных планет, на которых побывать просто невозможно... Чего стоит только образ жизни этих налетчиков. Нет, она не оправдывала их, ей искренне хотелось, чтобы эти трое покинули ее квартиру как можно скорее, более того, она негодовала на Карину за ее выходки. На Пашу, который выбрал их семью в качестве временного пристанища, да еще крутит с Надей... На Барина...

Как ни странно, на Барина Ира почти не злилась. Ну разве что немного — за то, что он сделал в машине. Да и то, право, а стоило ли вообще за это сердиться?

Легкая, словно дуновение ветерка, улыбка тронула губы женщины. Она словно впервые увидела черные, как бы закопченные двухэтажные бараки, грубо сколоченные сараи, играющих в грязном песке бедно одетых ребятишек... Где-то в здешних берлогах со скрипучими полами и низкими потолками живут грабители и взломщики, проститутки и скупщики краденого... Чужая планета. И она стоит на ее поверхности, словно впервые прибывшая на разведку из другого мира.

...Из-за угла ближайшего дома вышли два инопланетянина. Они осмотрелись и, заметив у обочины чуждую им форму жизни, приостановились. На неземных лицах возникло выражение интереса. Представители иной цивилизации переглянулись, обменялись фразами на местном наречии и двинулись в сторону Иры.

Пожалуй, на роль космической разведчицы Ирина не тянула. Ей почему-то совсем не хотелось идти на контакт. Женщина обратила внимание на стоящий поблизости торговый павильон, выглядевший как последний форпост ее цивилизации, и решила скрыться внутри. От греха подальше.

Стоящая за прилавком продавщица была единственной представительницей торгового дома. Она как раз наливала пиво соплеменнику и уверяла, что в долг наливает ему в последний раз. Язык аборигенки был понятен Ирине. Его, наверное, понимал и покупатель,

хотя, возможно, и не верил в то, что ему закрывают кредит.

В магазин вошли те двое. Они сразу же подошли к прилавку, причем один из них слегка оттеснил покупающего стакан пива, а второй пристроился у застекленной витрины с моющими и стирающими средствами. Ирина оказалась между ними и, нельзя сказать, чтобы почувствовала себя уютно.

— Здравствуй, — поприветствовал ее первый, кто подвинул любителя пива. Он был коротко стрижен, на его угловатом лице под тяжелым высоким лбом мыслителя прятались маленькие темные глаза. Тонкие губы приоткрывали нездоровые, как у Паши Кутапина, зубы. Одет этот человек был в цветную рубашку с длинными рукавами, застегнутую только на две нижних пуговицы. Впалая грудь и узкие ладони, впрочем, были свободными от татуировок.

Ирина не ответила и покосилась в сторону второго аборигена. Он был светловолосым, краснолицым и почти лишенным бровей и ресниц. Этот казался более крепким и сильным, хотя когда-то рельефные мышцы уже заплыли нездоровым жиром. На нем тоже не было нарисовано тюремных символов — простая синяя майка с тонкими бретельками не скрывала ни плечей, ни верхней части грудной клетки.

Мужикам было лет по двадцать пять — тридцать. Точнее Ира определить не смогла. Те, наверное, принимали ее за ровесницу — Ирина умела выглядеть моложе своих лет.

— Пива хотите? — спросил второй.

Ира опять решила отмолчаться, не зная, лучший ли это вариант в такой ситуации.

— Наверное, она плохо слышит, — заметил стриженный.

— А может, просто пиво не любит, — высказался краснолицый.

— Может быть... Скажите, девушка... Вы что любите?

Наверное, есть смысл отойти в сторону?.. Ира отпрянула от прилавка и отвернулась, уставившись на другую витрину, с пятнистыми бананами и помятыми яблоками. Молчаливый мужик уже взял свое пиво и перешел к заляпанному столику, установленному недалеко от двери.

— Она любит бананы! — воскликнул краснолицый.

— Намек понят, — радостно сказал стриженный. — Девушка, пойдете с нами, мы вам покажем что-то интересное.

— Никуда я с вами не пойду, — решила подать голос Ирина.

— О! По крайней мере она не глухая, — заявил тощий.

— И не немая.

— Бананы любит.

— А с нами идти не хочет... Это неправильно.

— Это неправильно.

— Ну почему же так? — спросил краснолицый, обращаясь к Ирине. — Ты еще не знаешь, от чего отказываешься...

Ире стало совсем неуютно и даже страшновато. То, что ее здесь внаглую «клеят» два довольно мерзких типа — уже само по себе не вызывает положительных эмоций. Как бы от них отделаться?

— Сейчас придет мой мужчина, — процедила она. — Не надо устраивать цирк.

— А вдруг он не придет? — заинтересовался обладатель майки.

— Может быть, он решил, что недостойн вас, и решил слинять, — предположил стриженный. — Это неправильно... С его стороны.

— О чем базар, — согласился его приятель и вдруг взял Ирину за запястье. Ира с омерзением вырвалась.

— Руки убери! — негодуя потребовала она.

Мужик, пьющий пиво, внимательно посмотрел на происходящее, оценил обстановку, и вышел прочь вместе с недопитым стаканом. Ира бросила взгляд на продавщицу, надеясь найти сочувствие, но та отвернулась — ей надо было срочно навести порядок на полке с консервными банками.

Продавщица в павильоне явно была порождением здешней цивилизации.

Ира решительно направилась к выходу из павильона и, открыв дверь, оказалась снаружи. Впоследствии она подумала, что зря это сделала — при определенном развитии событий, если бы продавщицу спросили, что она видела, та с честными глазами могла бы заявить, что женщина в желтом костюме и темных очках пошла с хулиганами добровольно.

А те двое, конечно же, последовали за ней. Быстрым шагом догнали ее и загородили дорогу, ухмыляясь. Ирина вдруг вспомнила, чем закончилась та книга про космонавта — несмотря на коренную переделку самого себя, он так и не сумел окончательно адаптироваться к непривычной среде и сгинул затем в дебрях чужой планеты.

— Так ты пойдешь или нет?! — уже без всякого намека на шутливый тон спросил тощий.

— Я же сказала — нет! — зло проговорила женщина, чувствуя предательскую дрожь в коленях.

— Да куда она, блин, денется! — Его дружок опять схватил Иру за руку. Уже выше локтя и куда как крепче.

— Я сейчас кричать буду! — пообещала Ира, с ужасом замечая, что вокруг ни души, из окон никто не смотрит, а редкие автомобили как-то уж очень быстро пытаются проехать здешний участок дороги.

— Ну и кричи, — разрешил краснолицый. — Кстати, а ты обычно громко кричишь?

Тощий уточнил, какую именно ситуацию имеет в виду его приятель. Следующие три-четыре реплики не оставили никакого сомнения в том, с какими целями эти двое так настойчиво приглашают женщину к себе в гости. Ира изо всех сил рванулась в сторону дороги, на ходу вытаскивая мобильник... Как назло, он лежал в сумочке, которую так просто не открыть, да и вытащить нужную вещь из вороха того, что там находится — тоже задача не из легких.

Получив подножку, Ирина упала на землю. Сумку удалось схватить за ремешок и быстро подтянуть к себе, пока из нее все не высыпалось. Чуть не плача от боли, стыда и страха, она извернулась, и в подъеме изо всех сил ударила сумочкой по лицу тощего.

И, как ни странно удачно. Металлическая накладка попала тому прямо в глаз. Он взвыл, закрыв ладонью часть своей физиономии, и на несколько секунд потеряв интерес к действию, но тут подоспел обладатель синей майки. Этот перехватил одной рукой сумку, другой — крепко сжал Ирину за талию. Женщина постаралась пнуть его пяткой в голень. Мимо! Еще раз... Удачно! Но зашипевший от боли хулиган только сильнее вцепился ей в одежду на животе. Ира еще раз рванулась, услышав, как трещит тонкая ткань, а в этот момент подключился стриженный. Болезненно моргая покрасневшим глазом, он схватил женщину за свободную руку, и оба аборигена без лишних слов, кроме инопланетных междометий, поволокли «разведчицу» к своим берлогам, несмотря на ее крики и визги.

И вдруг чья-то сильная рука остановила движение, рванув тощего за ворот рубахи.

Рубаха висела на нем очень свободно, поэтому легко скользнула вверх и потеряла еще одну пуговицу.

— Ты че, на'х? — спросил тощий у неожиданного наглеца, имевшего сделать подобную глупость.

Этим «наглецом» оказался Андрей Половод. Он изрыгнул несколько фраз на языке аборигенов, а чтобы претензия была более понятна, потребовал оставить его женщину в покое и убираться, пока он, Барин, еще оставляет двум болванам подобную возможность.

«Болваны» ответили соответственно ситуации.

— Вы что тут беспредел строите? — недовольно спросил Барин. — Кто по масти? Хулиганы, похоже, не сразу поняли, чего от них хотят.

— За что сидели, спрашиваю? — спросил Барин. — Блатные? Мужики?

— А че, если блатной, так и не мужик, типа, да? — ощерился тощий.

— Ты-то сам сидел, что ли? — недоверчиво спросил краснолицый.

Барин предъявил руку с пятью точками, словно на игральной кости.

— Чухаешь? — ласково спросил он, хотя уже понял, что эти двое в своей жизни срока не мотали, очевидно, по причине дурного везения, разницы между мастью «мужик» и мастью «блатной» не представляют, о понятиях понятия не имеют, зато пальцы гнуть научились... Отморозки. Это плохо.

— Ну и че ты мне этим показать хочешь?

— Мои пять ходок, сявка, если ты этого не понял...

— А может, ты под нарами там торчал на своих ходках, а? — выкрикнул тощий.

Вор, рецидивист, «пахан» такого стерпеть не мог. Его рука рванула из-под пиджака пистолет.

— А повтори, сука, что ты там вякнул! — вне себя от гнева сказал Половод.

Отморозки на то и отморозки. Страха они тоже как правило не ведают — не знаком он им. Видимо, при зачатии у них ломается ген, отвечающий за это чувство. Да, вероятно, и не только этот один. Тощий кинулся на руку с оружием, стал ее выворачивать. Барин свободной левой нанес тому добрый удар в челюсть, но подскочивший краснолицый набросился на Половода сзади и применил удушающий прием. Выстрел, если Барин даже и собирался продырявить шкуру своему обидчику, не получился. У рецидивиста выбили из руки пистолет, самого повалили на землю и, забыв о женщине, принялись пинать.

А что женщина? Ирина, в полной панике, выскочила на дорогу и, размахивая руками, закричала срывающимся голосом:

— Милиция! Милиция! Убивают! Помогите!

Тут же притормозил белый «Ниссан». Водитель, правда, быстро понял, что к чему, и сразу же дал по газам. Но через пару секунд вновь послышался визг тормозов и покрышек: возле кричащей и подпрыгивающей женщины остановился милицейский «уазик». Это похоже на чудо, — вяло подумала Ирина, глядя, как двое без лишних проволочек выскакивают из машины и бегут на помощь Барину. У которого от встречи с милицией вряд ли могло быть меньше проблем, чем от встречи с беспредельщиками.

Те, заметив приближающихся, моментально сообразили, что к чему, и бросились наутек, прекратив избивать Барина. Ирина тоже кинулась бежать. К Барину. У нее было не более секунды, чтобы поднять пистолет с земли и засунуть его в сумку, замочек которой на этот раз послушно открылся и закрылся снова: раз-два. Теперь можно было подумать и о лежащем.

Андрею повезло: не появился патрульная машина, его наверняка запинали бы насмерть. А так он получил лишь несколько увесистых ударов, но беда была в том, что он еще не оправился от раны.

— Кажется, шов разошелся, — просипел он, когда Ирина стала помогать ему подниматься.

Третий милиционер с нашивками младшего сержанта, сидевший за рулем «уазика», уже был рядом с ними.

— В порядке? — спросил он.

— В полном, — нарочито бодрым голосом сказал Барин. Одну руку он прятал под пиджаком, прижимая ее к ране, другую прятала в своей ладони Ира.

— Вы знаете этих? — снова спросил младший сержант.

— Первый раз видим, — сказала Ира, прежде чем Барин открыл рот. — Хулиганы какие-то.

— И что вас сюда занесло?

— В гостях были, — сказала Ира. — Здесь у мужа родня... Решили навестить. Сейчас хотели машину поймать, да что-то никто не останавливается...

Вернулись два других сержанта. Хулиганам, знавшим свой район не хуже чем свои пальцы, ничего не стоило сбить погоню со следа.

— В отделение поедете?

— Нет, — одновременно сказали Андрей и Ира.

— Какой смысл? — проворчал Барин.

— Тогда все равно садитесь в машину... Довезем вас до дома.

Как грабителю ехать в милицейской машине, не будучи при этом задержанным или арестованным? Но отказываться было опасно. И Ира это тоже понимала. Поэтому она только проворковала «ладно, Олежа, поехали, видишь, ребята молодцы какие...»

Но на предложение сесть вперед Ирина ответила отказом. Она села на заднее сиденье, посередине, между одним из сержантов и своим «мужем», который был очень бледен, но держался изо всех сил... К счастью, дорога была не такой уж длинной — Ирина намеренно назвала фальшивый адрес.

Лжесупруги вышли из «уазика», Ирина горячо поблагодарила спасителей. Барин тоже нашел в себе силы сказать «спасибо». Скрывшись в ближайшем подъезде, Ира наблюдала через окно до тех пор, пока «уазик» не скрылся с глаз. К счастью, милиционеры не стали тянуть время, уехали почти сразу же.

— Пушка где? — шепотом спросил Половод.

— У меня в сумке, — холодно ответила Ирина. Ее слегка колотило.

— Молодец... — изумленно протянул Барин.

— Как рана?

— Болит... Но вроде ничего...

— А где трость? А? — спросила Ирина, вспомнив, что Половод к месту потасовки пришел вроде бы с пустыми руками.

— ... в рот, — выругался Барин. — Забыл на хазе... Да ладно, они потом вернут. Я добазарился замутить обмен. Послезавтра рано утром...

Барин сказал, что договорился с барыгой. Обмен горячих долларов на рубли состоится через день в пять утра на парковке у ресторана «Дельфин». Приедет машина с деньгами. Белый «бумер».

Половод не стал уточнять, что трость он позабыл еще и от злости. Чертов барыга, наверное, догадался, откуда баксы в таком количестве — без малого двести тысяч. Как раз сумма, которую «подстегнули» в банке. Обычно обмен шел по курсу один к пятнадцати, но Барину предложили лишь один к пяти — всего «лимон». Половод кое-как договорился до полутора. Так что Лихоманов верно предполагал: курс оказался более чем разбойничий.

— Ясно. А на какой машине поедет мы?

— «Мы»? Ты тоже хочешь в этом участвовать?

— Нет. Наверное, нет. Так кто тогда будет?

— Мы, все трое, конечно. И твой муж, Сергей. На его тачке.

— А если он не согласится?

— А у нас есть выбор, ага?

— Да, наверное, нет... — Ирина полезла в сумку.

— Ага, давай сюда. — Барин протянул руку за пистолетом.

Осторожно осмотревшись, стороны совершили передачу оружия. Потом Ира взялась за мобильник.

— Куда будешь звонить?

— Мужу, конечно. Пусть приезжает сюда и забирает нас из подъезда. Наверное, такси лучше не вызывать...

— Можно было бы на улице тачку поймать... — неуверенно начал Барин.

— Ты посмотри, как я выгляжу, — проворчала Ира. — Да и ты ненамного лучше.

Из-под разорванной блузки виднелись кружева лифчика и почти нетронутая загаром кожа живота. Андрей отвел взгляд.

— А как ты догадалась пушку заныкать? — спросил он.

Трудно сказать, подумала про себя Ирина. Наверное, подумала, что если пистолет найдут сержанты, то начнется целая история. И которая почти заведомо приведет к аресту квартирантов и большим проблемам для семьи Лихомановых... А может быть, она подумала совсем о другом.

* * *

Сквозь замызганное окно пробивались солнечные лучи — по всей видимости, было раннее утро. Насколько раннее, точно не сказал бы — у меня не имелось ни часов, ни мобильного телефона. Зато я был почти одетым — странно, я совсем не помнил, когда сумел одеться. И досок никаких на окне не висело — что же получается: я их оторвал и съел? Ведь их тут нигде и в помине нет!

На полу, впрочем, имел место кавардак, хотя и не такой, какого можно было ожидать после наших с Алиной раундов... Это тоже не могло не удивлять... Однако, гораздо больше меня интересовало, куда, собственно, исчезла Алина!

Ее не было и в подсобке, за разломанной фанерной стенкой. В подсобке, мне тоже что-то показалось неправильным. Куда-то делись осколки стекла и обрезки веревок. Ничего не понимаю! Я что — провёл во сне несколько дней? И даже если так, почему никто меня отсюда не выволок?

В пользу последнего предположения говорили волчий голод и жажда... не знаю уж, чья. Водопроводный кран находился на прежнем месте, и когда я повернул его, из отверстия с шумом хлынула холодная струя чистой воды, без малейшего оттенка ржавчины.

Я с наслаждением напился. Вода на вкус была восхитительной. Казалось, теперь я в состоянии горы свернуть. И что же? Когда я почти (да, наверное, почти) случайно толкнул

дверь подсобки изнутри, он с легким, почти неслышим скрипом, отошла сантиметров на пять наружу.

Не веря своим глазам и рукам, я открыл дверь полностью. Передо мной был залитый ранним солнцем холл. Цыплячьего цвета обои, чистенькие ковровые дорожки, пухлые велюровые диваны... В застекленной конторке вроде бы, кто-то сидит... Нет, показалось. Как будто тень человека в белом. В белом халате?

Привидений мне только не хватало, — недовольно подумал я. Хотя, привидения, да еще при свете солнца — совсем не страшно. Да, вот только, чтобы было на самом деле безопасно, не лучше ли сделать отсюда ноги?.. Стоп. А как же Алина?

На ее поиски я потратил почти час. В помещениях жилого корпуса девушки тоже не оказалось... Здание и его комнаты выглядели подозрительно ухоженными; даже цветы на подоконниках были не увядшими. Людей вот, правда, не видно. Зато периодически попадались словно бы призрачные тени, но их действительно странно было бояться.

Словом, скоро я сдался. Искать Алину мне казалось бессмысленным занятием. Над санаторием между тем начал сгущаться туман, и бродить по дорожкам, рискуя напороться невесть на кого, мне казалось не самым разумным занятием.

Знакомой дорогой я осторожно пробрался к лодочной станции. Бокс был открыт. Страшась увидеть растянутый женский труп, я заглянул внутрь. Труп, кстати, там никакого не обнаружилось. Правда, шпоновой лодки, приглянувшейся мне тогда, я не нашел тоже, но удивляться уже никакого желания не было. Я продолжил поиски, и через полминуты наткнулся на спасательскую «Казанку», стоящую в самом дальнем и темном углу бокса на тележке. Бери и кати. Еще было здорово, что у лодки сзади висел мотор, а на полу бокса стоял бак, наполненный под завязку бензином — этот запах трудно спутать с чем-то другим.

Несмотря на то, что эта лодка, казалось, приготовлена прямо для меня, я не терял бдительности. Раз десять, наверное, выходил из бокса, оглядывая окутанные туманом окрестности. В руке я держал достаточно острый топорик, который снял с пожарного щита поблизости. Если что, бить буду на поражение головного мозга — последние события в моей жизни научили, что зачастую это самое верное решение.

Везти моторную лодку по пляжу в ручной телеге — не такое уж легкое занятие. Радовало только, что тащить приходилось под небольшой уклон. В обратном направлении я, наверное, сейчас бы ее не смог закатить.

Перед самым урезом я развернул телегу и с помощью простого механизма, имеющегося на ней, скатил лодку в воду. Пришлось, конечно, еще немного ее потолкать, да и как я ни старался избежать мелкой неприятности, все равно набрал полные туфли речной воды. Но это действительно мелочи... Сев за весла, я отвел лодку метров на десять от берега и принялся изучать мотор. Я в принципе был готов и к тому, что не смогу его запустить; в этом случае чего я просто сбросил бы его в воду... Мотор выглядел потасканным. К тому же, «Ветерок-12» — далеко не «Ямаха», зато он не слишком прожорлив, и бензина до города должно хватить... Я снял колпак с двигателя, подключил бензопровод... Мотор взревел. Прогрев двигатель, я включил ход и двинулся сквозь туман в сторону областного центра. По моим расчетам, я должен был там оказаться часов через пять... Если мотор, конечно, не подведет.

Станный санаторий исчез за пеленой тумана. Оставшийся почти без вещей, чертовски голодный, я плыл по реке на моторке, ближайшее будущее мое было неопределенным, но при этом я считал, что отделался весьма дешево.

... Туман сгустился. Я уже не видел берегов, да и перед носом лодки расстояние просматривалось на считанные метры. Я сбросил газ, чтобы не врезаться на скорости в какой-нибудь островок или плывущее бревно, и стал напряженно вглядываться в пространство.

В пространстве не было видно ни дьявола. Только белесый туман и серо-зеленая поверхность Вантая. Когда-то, говорят, по этой реке от теплоходов было не протолкнуться, на каждом повороте стояли бакены... А я уже сколько времени двигаюсь вперед, и хоть бы один признак цивилизации! Под берегами, что ли, нынче суда от тумана прячутся? А бакены?... Хотя, стоп! Что это такое торчит прямо по курсу?

Из тумана выплыл красный цилиндр, покачивающийся на мелкой волне. На его верхушке виднелся фонарь, сейчас неработающий. То ли он автоматически выключается в светлое время суток, то ли просто сломан. По крайней мере, здесь уже хоть что-то говорит о том, что я на верном пути... Лишь бы только и здесь оказалось не как в санатории, — зловеще проскрипел внутренний голос.

Отказавшись от дискуссии, я повернул ближе к правому берегу. Если здесь появится что-нибудь похожее на набережную с лестницей, или причальную стенку с трапом, буду высаживаться. Не более чем через минуту катер «Амур» с синим маячком пересек мой курс метрах в двадцати от берега, с которого тянулся длинный пирс. Я уже нацелился причаливать, но увидев транспорт, явно имеющий отношение к стражам порядка, решил заранее сбавить ход. Сидящие в катере тоже заметили мою лодку и пролаяли в мегафон:

— Эй, в «Казанке», немедленно остановись!

Нет проблем. Я сбросил газ до минимума, мотор закудлыкал, словно индюк, и заглох. Тишину нарушал ворчливый рокот двигателя «Амура». Этот катер приближался ко мне борт в борт. Качаясь на волнах, трое в серых форменных куртках и кепи такого же цвета внимательно пялились на меня. Один сидел за штурвалом, другой, приподнявшись, держал наизготовку багор, третий, видимо, подстраховывал: у него в руке была кошка — маленький якорь с четырьмя острыми лапами. В старину такие называли абордажными крючьями.

Милиционером поймал багром борт «Казанки».

— Перелезайте, — голосом, не требующим возражений, потребовал этот сержант.

Я и не думал возражать. Спокойно взялся за борта и несколько неуклюже ввалился в катер. Меня тут же схватили две пары крепких рук и натренированными движениями прошлись по карманам.

— Оружие есть? — неприятным тоном спросил сержант.

Я даже порадовался, что у меня отобрали пистолет и нож. Хорошо бы я выглядел, попадись сейчас с этими предметами!

— Как видите, нет, — ответил я. — Перестаньте щекотаться, я не собираюсь оказывать сопротивление! Наоборот, я ехал сюда, чтобы попасть к вашему начальству... Желательно в УВД области.

— Даже так? — недоверчиво проворчал сержант. — Ну, в областное управление вы попадете, это я вам точно говорю.

Меня прекратили хватать за карманы. Сидевший с кошкой бросил ее на сиденье, перебрался в «Казанку» и, взявшись на весла, принялся подгребать к пирсу. Рулевой дал малый ход и, обогнав лодку, подвел катер к месту стоянки.

Мы принялись выбираться из катера. Меня предупредительно держали под локти, несмотря на то, что я пообещал не вырываться и не убегать. Эта предупредительность мне

совсем не нравилась. Можно было подумать, что, они принимают меня за какого-то парня, натворившего недобрых дел... А может быть, в связи с ситуацией в Вантайске они так нервничают?

Недолго мне пришлось заблуждаться.

Мы находились на береговом опорном пункте речной милиции, о чем говорила блестящая синяя с золотыми буквами гербовая вывеска над дверью бревенчатого домика. Рядом с домиком находились еще какие-то постройки, стояли два автомобиля: «уазик» и один из тех невразумительных китайских джипов, которыми решили оснастить нашу милицию. Как обычно, не спросив об этом тех, кому придется их эксплуатировать и чинить.

В домике было хоть топор вешай. Четверо, сидевших за столом, дымили сигаретами и рассказывали друг другу то ли анекдоты, то ли байки, судя по физиономиям. Один из присутствующих был в расстегнутом кителе старого образца, прочие — в штатском, самом разнообразном.

— Что так быстро? — повернулся к вошедшим один из тех, кто был в штатском.

— Дак задержали, Владислав Иваныч, — ответил сержант.

— Кого? — не понял, видимо, он.

— Этого... Угонщика.

— Сомов, я не могу в это поверить...

— Я серьезно! Только мы отчалили, навстречу — та самая лодка. И мужик в ней.

— Сопrotивление не оказывал?

— Нет... Дак вот же он...

Меня подтолкнули к столу. Сидящие за ним с легким интересом разглядывали меня, словно какое-нибудь животное в зоопарке, знакомое с детства.

— Вы старший? — спросил я у этого Владислава Иваныча. Не получив ответа, сказал:

— Меня никто не задерживал, я сам ехал в город. Мне надо встретиться с начальником областного УВД.

Владислав Иваныч криво усмехнулся:

— Документы есть?

Я вынул из кармана паспорт, в котором лежали оба железнодорожных билета — использованный и обратный. На завтрашнее число, между прочим.

— Берестов Алексей Кириллович, — протянул Владислав Иваныч. — Не местный значит?

— Как видите.

Милиционер некоторое время сравнивал фото в паспорте с оригиналом. На мое счастье, я был сфотографирован узнаваемо.

— Цель прибытия в Вантайск?

— Деловая. Восстановить некоторые наши поставки.

— Чем занимаетесь? Работаете по сбыту, да? А командировочное удостоверение есть?

— Фактически я — заместитель руководителя оптовой фирмы. Поэтому работаю без формальностей.

— И по расходам не отчитываетесь?

— У меня открытый счет.

— Мне бы так... Как называется ваша фирма? — спросил Владислав Иваныч, доставая блокнот.

Я назвал. И заодно спросил, с кем имею честь.

— Старший оперуполномоченный Владислав Скирко, — ответил он, честь по чести, хотя и с явным запозданием, предъявив удостоверение. — Ну что, поехали?

— Это куда? — я насторожился.

— Туда, куда вы так стремитесь. В областное УВД, конечно. Надеюсь, что дело с вами быстро решим. Как вас оформлять, опять же... Явку с повинной или задержание?

— Какое еще задержание? Какая яв... Вы о чем, собственно?

— Как о чем? С территории санатория «Вантай» угнана моторная лодка, регистрационный номер 12–87. Угнали ее вы. Зачем, если честно, пока не понятно. Не на металл же сдавать, правда? Вы, судя по всему, человек небедный.

— Нет, меня не устраивает ни то, ни другое... Я вообще по другому поводу заявление сам хотел сделать.

— Ладно, поехали. Там все и решим.

— Неужели вам не пришло в голову, что вас уже могут искать?

— Вообще-то, я думал об этом. Я ведь часто куда-нибудь езжу, и по прибытии, как правило, звоню жене. Если с сотовой связью проблема, даю телеграмму. Так что, вполне возможно, она могла начать беспокоиться.

— Я не про вашу жену говорю, — поморщились вы. — Странно, что вы так легко сдались в руки милиции.

— Ну, во-первых, я никому не сдавался. Во-вторых, кого мне было бояться? Я ведь не совершал преступлений...

— Вообще, я могу перечислить несколько эпизодов вашей эпопеи, которые при желании можно квалифицировать как преступления. Думаю, вы их и сами знаете.

— Какие?..

— Угон автотранспорта. Угон подвижного состава. Угон маломерного судна. Кража со взломом. Ношение огнестрельного оружия. Достаточно?

— Но это же глупо! Я ведь все объяснил... Пострадавшая сторона, надеюсь, имеется?

— В случае с моторной лодкой — безусловно. Вас пытались остановить сотрудники спасательной станции санатория, но вы завели мотор и скрылись. Именно от них мы и получили сообщение об угоне. В тумане, конечно, сложно было бы вас догнать... Скажу честно, попались вы на самом деле случайно.

— Никто меня не останавливал... И никому я не попадался.

— Но самое удивительное в этой истории, конечно, не это. И даже не то, что мы полагаем поймать бомжа, алкоголика, в лучшем случае, браконьера... Но обнаружилось, что лодку, которой цена в лучшем случае, долларов триста, из санатория угнал вполне благополучный человек по имени Алексей Берестов, зам директора крупной компании... Верно ведь? И когда его попросили объяснить, зачем это он сделал — мало ли, какие у людей бывают причуды — он рассказал такую сказку, от которой все наше управление ходит под впечатлением, словно от фильма типа «Ночной дозор». То есть, невероятно до абсурда, но чертовски увлекательно... И что еще интересно, ведь вы уже в третий раз рассказываете вашу историю, причем один раз уже ее изложили на бумаге, а противоречий нет! Делаем вывод: либо вы обладаете феноменальной памятью, либо...

— Либо говорю правду.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сергей не верил своим глазам. Он даже подумал, что это совсем другая машина, ведь всего каких-то пять дней назад «Крайслер» был просто в безобразном состоянии. А сейчас он выглядел пусть не как новенький, но словно бы сошедший с конвейера не больше трех-четырёх лет тому назад.

При этом сейчас на дворе были девяностые годы двадцатого века, а такие машины перестали выпускать в конце пятидесятых... Что же это за чудо?

Автомобиль сверкал зеленым лаком и хромировкой. Кузов был ровным, стекла и оптика — целыми, колеса — накачанными. А мотор?

— Можно открыть капот? — спросил Сергей.

Хоакин не отреагировал. Он сидел на ящике у двери гаража с отрешенным видом. Глаза его смотрели в одну точку. На зажатой в пальцах сигаре вырос длинный столбик пепла.

«Пьяный, что ли?» — подумал Сергей.

— Эй, *maestromecanico*, — позвал он.

— Не зови его, сам посмотри, если хочешь, — сказал Хосе Норвега.

— А что с ним?

— Я же тебе говорил... Проклятые машины забирают его душу, вот что с ним происходит... Хотя, машины как раз и не виноваты. Он сам этого хотел, и видишь, что теперь происходит.

Сергей открыл дверь «Крайслера» и сел за руль. В салоне пахло пылью и еще чем-то застарелым, похожим на многолетнюю плесень в погребах. Есть такое слово «тлен», — подумал Сергей. Вот так, наверное, он и пахнет... Протянув руку, Лихоманов нащупал рычаг и потянул его. Впереди что-то звонко щелкнуло. Теперь можно открывать капот.

Состояние двигателя тоже было достойно удивления. Он выглядел совершенно исправным и чистым. Даже намек на ржавчину не найти, ну разве что на выхлопных патрубках кое-где виднелись коричневые пятнышки. Сергей захлопнул капот, и в этот момент Хоакин очнулся. Он пыхнул сигарой, уронив пепел на штаны, и неожиданно резво поднялся.

— Тебе нравится? — спросил он, глядя Сергею в лицо неподвижным взглядом не совсем нормального человека.

— Да, хорошая машина...

— *Caramba! SantaMaria*, я тебя спрашиваю: *тебе нравится моя работа?*

— Да... Не то слово, я просто потрясен.

— Это еще не все! Смотри!

Хоакин змеей скользнул на водительское сиденье и, как показалось действительно потрясенному Сергею, просто коснулся пальцем замка зажигания. Но двигатель в тот же миг проснулся. Его звук не был шумом старого агрегата, отягощенного возрастными болезнями, самодельными запчастями, дешевым маслом и скверным бензином; Лихоманов слышал ровный гул практически нового мотора.

Механик повернул ключ (да, конечно, ключ был, как же он мог его не заметить!), и двигатель замолчал.

— Тебе нравится? — опять спросил Хоакин, высунув голову в окно. Черные глаза его сияли безумным блеском.

— Да, — искренне сказал Сергей, не в силах сопротивляться охватившему его восторгу. — Да!

Хоакин вылез из салона, толкнул дверь. С мягким щелчком она захлопнулась.

— Я слышал, ты стал хорошим механиком, — сказал он Сергею. — Впрочем, у Хосе ты плохому бы не научился.

Норьега криво улыбнулся.

— Слушай, Хосе, — обратился к нему Хоакин. — Отдай мне этого парня. Я его быстро научу тому, что умею сам, и даже больше. Он, кажется, понимает, что к чему. Я это чувствую...

— Брось, — ответил Норьега. — Парню через два дня улетать в Москву.

— А, — разочарованно уронил Хоакин. — Так зачем же ты привез его сюда? Просто, чтобы он поглядел на мою работу? Я вряд ли успею что-то ему передать за такой короткий срок...

— Нет. Я его привез, чтобы он посмотрел *на тебя*.

Секунды три оба механика смотрели друг другу в глаза. Напряжение в гараже стало почти осязаемым.

— На меня? — переспросил Хоакин. — Ты, наверное, сказал ему, что я — сумасшедший спивающийся халтурщик, продавший душу дьяволу? Так? — Он резко повернулся к Сергею. — Это так, верно? Так вот, парень. Не слушай его. Я безмерно уважаю Хосе и весь их профсоюз, но они все, к сожалению, никогда не поднимутся выше ремесленников. У них золотые руки и ясные глаза. Это так. Но своими руками они движут сами. Да, они в состоянии сделать все, что в человеческих силах. Но только в человеческих. Человек слаб. А моими руками движет сама природа, понимаешь? Силы востока и запада, севера и юга, земли и неба, моря и леса пришли однажды мне на помощь, и с тех пор помогают всегда. А может быть, наоборот, это я им помогаю. Ведь дело не в машине, нет... Когда-то на земле не было машин. И такие, как я строили дома, ковали лошадей, поднимали паруса... И знаешь, что с ними делали в Европе, Америке, да и здесь, в Вест-Индии?.. Не знаешь?

— Нет, — искренне сказал Сергей, призывая на помощь все свои познания в испанском, чтобы не потерять нить рассуждений мастера.

— Их сжигали на кострах, — сказал Хоакин. — Но чаще просто бросали в тюрьмы, где по-тихому расправлялись.

Он отвернулся к автомобилю, провел загрубевшими руками по блестящей поверхности кузова... Сергей и Хосе молчали. Потом Норьега сказал:

— Мы уходим. Buenasnoches.

Сергей тоже попрощался. Хоакин не ответил. Он оторвался от машины, добрался до верстака, нащупал бутылку с моторным маслом, открыл ее... Хосе подскочил, отобрал масло и вставил коллеге в руку другую бутылку — с ромом. Хоакин отрешенно задрал ее вверх дном, приложился к горлышку. Норьега легко толкнул Лихоманова: пошли.

Выходя на улицу, Сергей увидел Мартину: длинноволосая старуха сидела на крыльце и дремала. Видимо, была вдребезги пьяна: рядом валялась пустая бутылка с такой же этикеткой, что была наклеена на роме в гараже Хоакина.

— Не протянет он долго, — грустно покачал головой механик. — Не ровен час, напьется на самом деле какой-нибудь дряни... Хотя, наверное, ему уже и бензин повредить не может.

— Может быть, все не так уж плохо? — спросил Сергей, садясь в «Фольксваген».

— Ты же сам все видел, — сказал Хосе, запуская двигатель. — Он деградировал.

— Как человек — видимо, да. Это я вижу. Знаете, Хосе, у нас в стране тоже пьяниц полно. Я на них насмотрелся. Но бывает и так, что, человек стоять на ногах не может, а руки сами все делают... И хорошо делают, вот что интересно. Есть такая русская поговорка «мастерство не пропьешь».

— И надолго хватает этой хорошей работы? — спросил автомеханик. — А не было случаев, чтобы потом от этой работы пострадал заказчик? Или даже не заказчик, а просто случайный человек? Мастерство, может быть, и не пропьешь... Что-то другое можно потерять запросто.

— Еще хотел спросить, а эта Мартина — она кем Хоакину приходится?

Хосе пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги.

— Никто не знает. Когда Хоакин начал... Словом, когда у него стало получаться то, к чему он стремился, у него дома произошел разлад. Думаешь, он всегда жил в трущобах Вилья-Брава? Нет, у него был неплохой дом недалеко, кстати, от моей мастерской. Сначала от него убежала собака. Потом перестали приходить подружки. Он потерял друзей, потому что с ним стало невозможно общаться. Какие-то мошенники почти задаром купили у него дом. Тогда и появилась эта женщина, а он уехал к ней в Вилья-Брава.

Сергей видел, что Норьеге не очень приятно рассказывать эту историю. Лихоманов действительно очень уважал своего мастера и был искренне благодарен ему за школу, но порой посещала его недобрая мыслишка — а не зависть ли своего рода движет механиками из «профсоюза», коль скоро они не в состоянии достичь такого высочайшего мастерства, какого достиг Хоакин?

Мелькнула и еще одна мысль — а не дурачат ли его, Сергея, эти кубинцы? Возможно, где-то в другом гараже уже стоял точно такой же «Крайслер», но в отличном состоянии, а на днях его перегнали в гараж к Хоакину на замену тому металлолому? Но какой смысл во всем этом?!

— Завтра я работаю у вас последний день, — сказал Сергей. — Хотел бы по русской традиции устроить, как это у нас называют, «отвальную». Да и обязан я вам. Не представляю, где еще я бы сумел такую науку пройти.

Хосе оживился.

— Да, помню, был такой разговор... Знаешь, сильно не шикуй. Весь профсоюз собирать не надо.

— Колдуна звать?

— Хуана? А что это ты про него вспомнил?

— Да, не знаю, — слукавил Сергей. — Может, думаю, старику приятно будет.

— Старику-то может, и приятно будет, — загадочно произнес Хосе.

Лихоманов не стал настаивать. К тому же от Хуана, да еще выпившего, он не рассчитывал много получить. Ему нужно было другое.

Кроме того, он слукавил еще однажды. Когда сказал, что улетает послезавтра. На самом деле возвращение домой отложили на три дня по причинам, Сергею неизвестным. Но достаточно веским, потому что пришлось переоформлять билеты на всю делегацию. Когда Лихоманов узнал, что ему судьба подарила еще три дня на Кубе, он решил с пользой провести это время.

...О тех трех днях и вспоминал Сергей, когда ехал забирать Ирину, которая неизвестно зачем торчала в подъезде одного из домов в районе, где ей и делать вроде было нечего.

Найдя нужное место, он позвонил, уточнил номер подъезда, подогнал машину к нему. И, когда увидел выходящих из этого подъезда, от злости и недоумения прикусил большой палец.

Ира, была, мягко говоря, не очень похожа на себя. Всегда элегантная, чистенькая, наглаженная, сейчас она выглядела так, словно провела бурную ночь под забором: брюки и пиджак в грязных пятнах, блузка разорвана почти до пояса... Барина Лихоманов тоже сразу узнал — на этом типе сейчас был его, Сергея, костюм, и тоже в ужасном состоянии. Но больше всего его взбесило то, с каким видом они выходили на улицу: под руку, словно супружеская пара; бандит еще и дверь придержал, *джентельмен*, в натуре... И она его сама поддерживает. Правда, Половод действительно еле стоит на ногах. Ну и поделом ему, значит.

Еще повод для негодования: нет, чтобы Ирке сесть рядом с ним, Сергеем, так она лезет на заднее сиденье... Естественно, и этот туда же, следом, опять дверь придерживает... Не говоря ни слова, Сергей резко взял с места — даже колеса завизжали. Трехлитровый двигатель удивленно взвыл. Барин едва успел убрать в салон ногу.

Да, бандюге, видно, крепко досталось: аж побряхтывает. Ничего страшного, потерпит. Говорить Лихоманову не хотелось — с Ирккой можно будет объясниться позже. Пусть тоже пока помолчит; еще не хватало при этом бандюге выяснять отношения... Но Ира молчать не стала — она заговорила о каком-то обмене, назначенном на послезавтрашнее утро, для чего понадобится машина Сергея.

Сергей не стал дискутировать, тем более, что он уже доставил своих пассажиров к дому. Там он поставил «Краун» почти впритирку к подъезду, и не разрешал никому выходить из машины, пока не убедился в том, что любопытных поблизости нет. После чего отправил Ирину и Андрея в подъезд, сам отогнал машину на стоянку, расположенную поблизости.

Дома все были в сборе. Егор сидел в чулане, Надя, Паша и Карина уже втроем хихикали на кухне. Барин без пиджака и рубашки лежал на кровати, а Ира, уже переодевшаяся в домашнее, сидела рядом, изучая зашивку рану. Она слегка кровоточила, но швы, как того опасался Половод, не разошлись.

— Снимать, наверное, пока не надо, — сказал Барин. — Потом мне их снимут. Может быть, даже послезавтра.

— Не рановато ли? — усомнилась Ирина.

— Кстати, я хотел уточнить насчет послезавтрашнего дня, — произнес вошедший Лихоманов. — Если я что-то понял, ты хочешь сдать доллары?

— Да. Я сегодня договорился, — сказал налетчик. — Может быть, я сделал это зря, но мне совсем неохота тянуть, и я попросил Ирину сопровождать меня... Там у нас вышло небольшое приключение, но оно, к счастью, обошлось без последствий.

— Да уж, — проворчал Сергей, подумав о том, в какие игры пришлось играть его жене с этим мерзавцем. Задушить его охота. Прямо сейчас. Вот, как он тут лежит со своими наколками и дыркой под ребром, и чтоб больше не вставал...

Лихоманов отошел к окну и посмотрел на стоянку, где стоял его «Краун».

— И если я правильно понял остальное, — сказал он, — то потребуется машина. Верно?

Барин изложил Сергею суть плана. Лихоманову все это, мягко говоря, не нравилось, он предпочел бы, чтобы чертовы бандиты просто забрали свою сумку и испарились бы из квартиры, не втягивая в свои делишки ни его самого, ни вообще кого-то из членов его семьи.

Но раз это невозможно...

— Хорошо, — сказал он. — Потом вы сразу же исчезнете?

— Да, — ответил Барин. — Мы поменяем бабло и ты высадишь нас... Ну хоть где. Хоть у вокзала, хоть прямо в центре города. И больше мы никогда не пересечемся.

— Вот это мне уже нравится, — не удержался Сергей.

Барин ничего не ответил.

— Пошли, — сказал Лихоманов жене. — Если ему что-нибудь понадобится, в доме есть, кому этим заняться.

Ирина не стала спорить. Вслед за Сергеем она перешла из комнаты в зал. Лихоманов резко сказал:

— В следующий раз, если вздумаешь сопровождать гангстеров на дело, предупреждай меня заранее. Хорошо?

— Не злись, Сережа, — попросила Ира. — Мне тоже все надоело. И я думала, что так быстрее будет...

— Куда ездили-то?

— На Красную Зарю.

— Прекрасное место для прогулок, ничего не скажешь... Кто там на вас напал?

Без особых подробностей, но довольно близко к истине Ирина рассказала мужу о своих приключениях. И, конечно, она не сказала о той выходке Барина в машине, когда они ехали на окраину. Сергей только разводил руками.

— В жизни не думал, что у тебя так сорвет крышу, — вздохнув, сказал он, уже смягчившись. — Господи, неужели ты не думала о том, что все могло произойти гораздо хуже? И не надо думать об этом Андрее как о спасителе. Если бы он не втянул тебя в эту дурацкую поездку, то и выручать бы тебя не пришлось... Ну? Я же прав, надеюсь?

— Конечно, ты прав, — произнесла Ирина. Сергей не услышал в ее голосе искренности, но нежно погладил ее по плечу, поцеловал и произнес:

— Вот и славно.

Послышался стук в дверь. Наверняка это Андрей, подумала Ира. Ни Паша, ни Карина так и не научились стучаться.

— Да-да, — сказал Сергей.

Это действительно был Барин.

— Позвонить надо, — сказал он. — С городского.

Ирина показала на трубку телефона, лежащую на столе. Половод взял ее, набрал номер.

— Это ты, Барсук?.. Да, это я приходил сегодня, уточняю. Послезавтра, пять утра... Да, место правильное, менять не будем. Что?.. Какая будет тачка?.. Этот, как его... «Кроун», да. Довольно свежий. Зеленый металлик... Да все пучком. А, Барсук, вот еще что... Ключку захвати. Да, мою. Ну, все, давай.

— Нормально, — прогудел Барин. Он положил трубку и вышел, прикрыв за собой дверь.

— Тачка под названием «Кроун», — пробормотал Сергей. — Я уже давно заметил, что чем сильнее клиент гнет пальцы, тем менее грамотно он называет модели машин.

— Он не твой клиент, — заметила Ира. — И пальцы не гнет. Как бы там ни было, он единственный среди них, кто имеет представление о порядочности.

Сергей посмотрел на жену так, будто увидел впервые.

* * *

Со следователем областной прокуратуры Петром Тимофеевичем Зориным я

познакомился сразу же после того, как изложил на бумаге все свои приключения в Вантайске и санатории. Это произошло утром следующего дня, когда мне уже нужно было садиться на поезд и возвращаться домой. Но о таких пустяках, как «горящий» билет, в моем положении заикаться было трудно.

В течение целого дня я снова и снова повторял свой рассказ, и этот худощавый лысеющий мужчина, имеющий от роду лет пятьдесят, постоянно пытался поймать меня на противоречиях и несоответствиях. Но противоречий в моей истории не было. Несоответствий же — хоть отбавляй. К утру следующего дня следователь не поленился составить их список.

— Начнем с мелочей, — сказал он, когда меня привели в комнату для допросов. — Первое: вы уверяете, что когда угоняли лодку, не видели ни одного человека поблизости. Сотрудник же санатория дал показания, что вы дали газ и скрылись, как только заметили его на берегу. Второе: город Вантайск, вопреки вашим показаниям, людьми не брошен, хотя целлюлозно-бумажный комбинат и находится сейчас в процессе банкротства. Цеха закрыты, но под охраной. А то, что вы про него рассказывали, действительности не соответствует. Санаторий «Вантай», как это ни странно в наши дни, почти процветает, там сейчас живут отдыхающие, как на коммерческой основе, так и на профсоюзной...

Затем последовало перечисление неправильно названных улиц и заведений, неверно указанного расположения некоторых предприятий и организаций, а в конце концов был приведен такой занимательный факт, что в день и час, когда я *якобы* находился на территории комбината, ни один вертолет сблизрасположенных аэродромов вообще не поднимался в воздух.

— Так зачем, Алексей Кириллович, зачем вы нагородили всю эту чушь? Хотите прикинуться сумасшедшим? Уверяю вас, это вовсе не так просто, а вы производите впечатление абсолютно нормального человека... Ну так что? Как я должен относиться к вашим так называемым показаниям?!

— Если от меня потребуются изложить их еще раз на бумаге, — устало сказал я, — я бы это сделал. Может быть, не слово в слово, но ошибиться я не должен. И готов буду подписаться под каждым словом. Только, наверное, я уже не успею это сделать.

— Почему? — с мягкой интонацией спросил Зорин.

— Потому что сейчас истекают сорок восемь часов — тот максимальный срок, на который вы имели право задержать меня без предъявления обвинения, — тем же тоном смертельно усталого человека произнес я.

Мне действительно все осточертело. Двое суток в КПЗ — это вам не фунт изюма Публика там, сами понимаете, какая — хорошо, хоть я не такой уж баран. Другое дело, что я был в замызганной одежде, небрит и вонял другим животным, а именно козлом — не уверен, узнали бы меня сейчас дома. Я уж не говорю про работу.

Зорин ласково улыбнулся.

— Я по-прежнему не понимаю, зачем вам понадобилось морочить нам голову. Ну, сказали бы вы, что приехали в санаторий, выпили там в баре... Излишне, скажем так, выпили... А поутру вспомнили, что надо срочно заниматься делами, а так как никакого транспорта не было, с пьяных глаз стащили лодку на воду и поплыли в город. Пока ехали, протрезвели... Поняли, что заблудились. Тут на ваше счастье, сотрудники милиции. С Киселевым — это спасатель тамошний — все уже почти порешали; вы бы оплатили стоимость бензина, он бы забрал заявление, и еще вчера вы могли оказаться на свободе. И

прокуратуру бы не пришлось подключать. А так... У вас, к сожалению, неприятности еще не закончились.

- Я так не думаю. Прошу вернуть мои документы и ремень от брюк.
- Ремень вам сейчас вернут. Сегодня, вероятно, в КПЗ вы не вернетесь.
- Буду вам очень, очень признателен...
- Не надо ерничать. Нам с вами предстоит небольшое путешествие.
- Это куда еще?
- По местам вашей боевой славы. — Следователь снова улыбнулся, но уже совсем не ласково. Скорее, зловеще.

...Зорин улыбался не зря. Прокурор, как мне сказали, разрешил продержать меня под стражей еще сутки до выяснения вновь вскрывшихся обстоятельств. Какого рода были эти обстоятельства, следователь говорить отказался.

Брючный ремень мне действительно вернули. Разрешили умыться и побриться одноразовым станком, который, как мне показалось, бывал уже в употреблении. Пока я брился, кого-то из рядовых ментов сгоняли в буфет, и я получил не только казенный кофе, но и пиццу, вкусом и упругостью напоминающую сырую резину. Следовательно, впрочем, питался тем же самым. Я подозревал, что он, в отличие от меня, привык набивать брюхо всякими отбросами, а я в последние дни сидел на такой диете, что желудок с трудом принимал подобную еду. От подножного корма и казенных харчей у меня разыгралась страшная изжога... «Узик», на котором меня повезли в Вантайск, страдал излишней жесткостью хода; он четко реагировал на все неровности дороги (а их было чертовски много), и передавал толчки от колес непосредственно в мой организм. Состояние, словом, еще то; к тому же я был раздражен и не на шутку напуган теми самыми «обстоятельствами».

Через полчаса мы миновали пик ухабов и вмятин, дорога стала чуть лучше, постепенно превращаясь в шоссе, примерно такое же, по какому мы отъезжали от областного центра. Встречных и попутных машин было не слишком много, но они все же попадались мне на глаза почти постоянно.

— Вон перекресток, — подал голос Зорин. — Думаю, он может быть вам знакомым... Борис, притормози, — обратился он к шоферу.

Рядом с пересечением дорог стоял знак — белый прямоугольный щит с надписью «Вантайск». Стоящий рядом указатель говорил, что если мы повернем налево, то через сто метров попадем прямо к целлюлозно-бумажному комбинату. Вот где-то здесь я спасался от собак...

Но какого черта? Перекресток, конечно, трудно было назвать оживленным, однако в течение полуминуты, пока мы стояли здесь, мимо проехали две легковушки и один автобус, причем далеко не пустой.

— Если ехать прямо, — продолжил Зорин, — мы попадем прямо в город. Если налево — то к реке, там санаторий. Возможно, туда мы еще заглянем. Но мы поедем через ЦБК, там будет чуть ближе до нужного нам места. Заодно и места знакомые в памяти освежите... Поехали, Борис.

«Узик» свернул к заводууправлению. Вот тут-то я и решил, что дело с моей головой совсем кисло: комбинат, конечно, даже отсюда казался бездействующим, однако в здание управления то и дело заходили какие-то люди, другие — выходя из него, садились в припаркованные на площадке автомобили и направлялись по дальнейшим делам. Я ничего не стал говорить. Сидевший впереди следователь тоже молчал, также как и водитель Борис;

мой сосед по заднему сиденью — молодой сержант — вообще молчал всю дорогу.

Вдоль дороги слева потянулись знакомые двухэтажки. Сейчас они тоже выглядели нежилыми, да и многие окна также были заколочены досками. Хотя я не мог не увидеть развешанное между домами белье, ребятишек, перебегающих дорогу, и мужиков, пьющих пиво прямо у киоска. Значит, городская окраина вовсе не такая уж нежилая. Ничего не понимаю...

Но совсем плохо мне стало, когда мы стали приближаться к центру города. Я даже и подзабыл, когда видел такое количество людей. Движущихся автомобилей. Открывающихся и закрывающихся дверей... Что же получается — мне все это приснилось? Пустой город, брошенные машины, древний мусор? Одичавшие собаки и сошедшие с ума люди? Или надо мной без моего ведома провели испытание по внедрению ложной памяти — где-то я уже слышал про такое?

На столбах и тумбах то и дело встречались уже слегка выцветшие и потрепанные плакаты, вывешенные в рамках рекламной кампании. Известных мне лиц я не видел, хотя что-то на них казалось мне смутно знакомым.

— Как видите, Алексей Кириллович, в Вантайске все спокойно. Куда там какому-то Багдаду, а? Объяснять будете? Впрочем, сейчас это для вас уже неважно.

Я пропустил эти слова мимо ушей. Как-то разом на все стало наплевать. И вообще возникло ощущение, что я, Алексей Берестов, куда-то навсегда исчез вместе с городом-призраком, а сейчас по невесть как ожившим улицам везут совсем другого человека. И куда его везут, это для Алексея Берестова действительно вряд ли может иметь какое-то значение.

Кем бы я ни был, меня привезли в управление внутренних дел города, находящееся в одном здании с прокуратурой. Я, вяло реагируя на окружающее, вышел из машины и прошел внутрь здания. Меня определили в какое-то не особенно уютное помещение с решетками на окнах, хотя и не камеру; рядом посадили сержанта на тот, видно, случай, если я вздумаю сделать что-нибудь не то. Зорин, уходя, велел мне готовиться. К чему? Или для меня еще есть разница?

Прошло часа полтора. Я даже подремать умудрился — в КПЗ разве выспишься толком? Вернулся Зорин в сопровождении двух мужчин: один представился мне как следователь прокуратуры города Вантайска Игнат Самойлов, другой же представляться не счел нужным. Самойлов с разрешения Зорина проговорил занудным голосом:

— Сейчас нам предстоит процедура опознания. Кроме вас, Алексей Кириллович, здесь будут еще двое похожих на вас мужчин. Когда вас будут опознавать, убедительно прошу не привлекать внимания опознающего.

— А в связи с чем будет производиться *опознавание*, можно узнать? — спросил я.

— В связи с новыми обстоятельствами, — сухо сказал Зорин.

Я заткнулся. Неразговорчивый канцелярист открыл папку с бумагами и приготовился что-то писать. Самойлов выглянул в коридор и кого-то пригласил.

Вошли два мужика, не знаю уж, кто такие. Ростом, комплекцией и формой хари в самом деле чуть похожие на меня. Одежка на обоих затрапезная, причем на одном из них — явно с чужого плеча. Следователи велели мне подняться, затем начали выстраивать нас троих у одной из стен. Дело оказалось не таким уж простым — сначала Зорину показалось, что свет из окна неправильно падает, потом Самойлов решил, что мы не в том порядке стоим...

Наконец оба удовлетворились зрелищем.

— Я вызываю, — сказал Самойлов.

— Да, конечно, — согласился Зорин.

Вантайский следователь на несколько секунд вышел в коридор, вернулся, а через полминуты открылась дверь, чтобы впустить того, кто должен будет опознать меня в связи с теми самыми новыми обстоятельствами.

Скажу честно — хорошо, что Самойлов предупредил, чтобы я не дергался. Уж кого-кого, но этого человека я совсем не ожидал здесь увидеть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В ночь перед обменом денег у Лихомановых не ложились. Минувшие сутки прошли для Сергея как в тумане; хотя, если честно, он как-то умудрился выспаться днем, тем более что предыдущей ночью спал плохо. Тогда Егор едва ли не до утра рубился то ли с немцами, то ли с японцами — рык танков и рев самолетов не прекращался в течение нескольких часов. Ирина спала плохо — ворочалась, вскрикивала: ей явно снились кошмары. Барин болезненно мычал и скрипел зубами в комнате, там же на полу прикорнула и Карина, вогнавшая себе добрую дозу. Она как раз вела себя тихо, чего не сказать о Надежде — ее вздохи и стоны разносились с кухни по всей квартире. Павел старался на совесть, козел, чтоб у него там все отвалилось... Не квартира, а караван-сарай.

Потому Лихоманов теперь и был, что называется, на подъеме, хотя и нервничал, поглядывая на часы. Ему казалось, что стрелки движутся изнурительно медленно. В два часа ночи он спустился на стоянку, вручную запустил двигатель, словно не доверял таймеру. Убедившись, что мотор заводится как швейцарские часы, вернулся в квартиру.

Три часа. Егор, не выспавшийся накануне, пожелал родителям спокойной ночи и отбыл на боковую к себе в чулан. Ирина, забравшись с ногами на кресло, листала глянецвый журнал, но Сергей был уверен, что она даже приблизительно не смогла бы пересказать содержание прочитанного, вздумай он спросить ее об этом. Где находились мысли жены, об этом даже догадываться не хотелось.

Половина четвертого. Паша и Надя целовались на кухне. Карина курила в туалете. Барин сквозь зубы ругался в комнате.

Четыре часа. Бандиты принялись собирать вещи. Без суеты и спешки, вполне деловито. Они облачились в те же куртки и джинсы, в каких впервые появились в квартире Лихомановых. Кроме Барина, чья дырявая и окровавленная куртка была сожжена Сергеем на пустыре еще в тот день, когда он ездил за врачом для Половода. Главарю Лихоманов презентовал свою старую штормовку из синей парусины.

Половина пятого. Налетчики выбрались в прихожую. Лица у всех троих были серьезны и слегка помяты. Если бы у них имелось чуть больше вещей, подумал Сергей, это бы выглядело, как будто я провожаю в аэропорт загостившихся родственников.

— Присядем на дорожку, — сказал Барин.

Все сели. В том числе и Сергей. Ирина отказалась принимать участие в церемонии. Егор тоже носа не высовывал, даже если и проснулся. Из домашних еще только Надя находилась в прихожей — она, пожалуй, была единственная, кто по-настоящему сожалел об отбытии бандитов. Да и то вопрос — по настоящему ли. И не обо всех бандитах речь, а только о Паше, с кем она крепко расцеловалась, прежде чем «квартиранты» вышли через дверь на лестничную площадку. И еще — Сергей это заметил — дернулась занавесь чулана. Не иначе, Егор решил напоследок взглянуть на Карину, балбес...

Молча и стараясь не топтать, четверо спустились по лестнице и, выйдя на улицу, где короткая ночная темнота уже уступала место рассвету, направились к машине, казавшейся в этот час не столько зеленой, сколько серой. Хлопнули двери. Загорчал мощный двигатель. Не давая любопытным и страдающим бессонницей соседям возможности проследить, кто это катается под окнами с утра пораньше, Сергей сразу же выехал на улицу, думая только о том, что кончается этот кошмар, кончается дурдом, кончается абсурд...

Рядом с Сергеем молча сидел Барин, держа на коленях сумку с долларами. Его подельники находились, соответственно, на заднем сиденье и тоже не издавали ни звука. Только Паша один раз подал голос, когда на всякий случай решил напомнить о повороте к ресторану — вдруг Сергей или Андрей точно не знают, где тот находится.

Лихоманов свернул с дороги на почти пустую парковочную площадку, обозначенную знаком стоянки. Здесь находились красная «девятка» и того же цвета «Субару-Легаси». Но никакого белого «БМВ» пока видно не было.

Павел испросил разрешения закурить. Сергей разрешил: черт с вами, курите. Барин недовольно потребовал открыть оба окна сзади.

Ровно в пять никакого изменения на парковке не произошло. Никто не занервничал: точность — вежливость королей, но от валютчиков, промышляющих криминального происхождения баксами, подобного качества трудно, наверное, требовать.

Десять минут шестого. Сергей спросил: «ну, где же они?» Барин не ответил. Он уже начал беспокойно поглядывать по сторонам. Завозились и Паша с Кариной.

Пятнадцать минут шестого. На парковку лихо зарулила потрепанная «Нексия» вызывающего оранжевого цвета. С водительского места вывалился несомненно поддатый молодой человек. Квакнула сигнализация. Водитель нетвердой походкой направился в неизвестном направлении через скверик, разбитый поблизости. Проводив его взглядами, пассажиры занервничали сильнее. Сергею это все тоже не нравилось.

Двадцать минут шестого. Никаких изменений. «Дай телефон», — потребовал Барин. Что делать — Сергей протянул бандиту трубку. Тот набрал номер. Выругался — занято.

Половина шестого. Налетчиками овладело состояние, близкое к панике. Барин потребовал выехать с парковки на дорогу — «мало ли что». Телефон по-прежнему был занят.

Без двадцати шесть все поняли, что за банкнотами никто не приедет. Что-то случилось. Непредвиденные обстоятельства, форс-мажор, облом — как это ни называй, но суть одна: операция по обмену горячих долларов на сравнительно безопасные рубли сорвалась. И по чьей вине, неизвестно.

— Барин, ты как договаривался? — скрипучим с привизгом голосом спросила Карина.

— Цыц, — сравнительно спокойно ответил главарь. — Я правильно говорил.

— А может быть, ты договорился обменять бабло попозже и отдельно? — ядовито поинтересовался Павел.

Барин повернулся к нему и, сдерживая бешенство, выразил определенное сомнение в умственной и физической состоятельности Кутапина. Некоторое время налетчики злобно препирались, и Сергей вдруг безнадежно понял: кошмар, дурдом и абсурд вовсе не закончился.

Карина предложила отправиться на Красную Зарю и поговорить с барыгами лично. При этом курс обмена надо бы по причине беспокойства несколько изменить, причем не в пользу барыг. Павел сказал, что это опасная идея — может, упомянутых барыг уже по какому-то поводу повязали, и сейчас у них на хазе ментовская засада — давай, езжай, если тебе свобода надоела.

Тогда слово взял Сергей. Он потребовал прекратить галдеж, забрать вещи и выметаться из машины. Уговор ведь был такой, что сегодня налетчики раз и навсегда прекратят донимать семью Лихомановых своим существованием.

Бандиты замолчали, вникая в смысл произнесенных Сергеем слов.

— Поехали обратно, — деревянным голосом сказал Половод.

— Я сказал: выметайтесь, — не помня себя от злости, — прикрикнул Сергей.

Под пиджаком у Барина что-то щелкнуло.

— Поехали, — сказал он не повышая голоса.

Металлический щелчок донесся и с того места, где сидела Карина.

— И без глупостей, — добавил Барин, видя, что Сергей не торопится заводить двигатель. — Если ты начнешь дергаться или создавать аварийную ситуацию, лучше запомни раз и навсегда: здесь есть люди, которым терять нечего. А если ты чего-нибудь захочешь замутить, помни о тех, кто остался у тебя дома.

Телефон Сергея переключался в карман к главарю. Салон машины наполнила тяжелая атмосфера страха и отчаяния. Почти впритирку к «Крауну» проехал милицейский экипаж.

— Поехали, — снова сказал Барин. — Я больше повторять не буду.

Сергей тронулся с места и погнал машину домой. Он теперь по-настоящему боялся этих людей. Боялся так, как ни разу с того проклятого дня, когда они появились в его квартире. Впервые, наверное, он понял, что они готовы ко всему, и что ему теперь тоже можно предпринимать любые действия.

По дороге Половод еще раз попытался дозвониться, и с тем же результатом.

...Молча и стараясь не топтать, четверо вошли в подъезд и поднялись к квартире. Еще не было шести часов утра, и никого из соседей Лихомановых на пути им не встретилось. Сергей своим ключом открыл дверь, и впустил налетчиков внутрь, проклиная себя за то, что не в состоянии уберечь, огородить свою семью от продолжения этого кошмара.

Он тупо глядел, как угрюмые грабители проходят в комнату, из которой ушли, казалось бы навсегда около часа тому назад, потом перевел взгляд на каменное лицо Егора, приоткрытый рот Нади и нехорошо заблестевшие глаза жены. Легче, конечно, провалиться под землю сквозь этажи — третий, второй, первый, подвал, привет шахтерам...

— Это ненадолго, — словно бы кто-то другой произнес эти слова. Стараясь не встречаться ни с кем глазами, Лихоманов продолжал врать: — сделка не состоялась, пришлось переиграть сроки...

— Алло?! — вдруг из-за неплотно закрытой двери комнаты загремел голос Барина. — Барсук? Какого же ты... Что?! Какие менты? Кто че видел?.. Да чтобы я с ментами в их тачке... А за базар кто отвечать будет?.. Э, Барсук! Алло! Ал... Алло!..

— Че он? — послышался голос Павла.

— Трубу бросил... Ему кто-то накапал, типа видел что-то не то. У Барсука очко и заиграло...

— И как тогда теперь? — спросила Карина.

— Щас...

Открылась дверь комнаты, и оттуда вышли Барин и Карина.

— Все в зал, быстро, — скомандовал Половод.

Никто не шелохнулся.

Барин вздохнул, не спеша вынул пистолет.

— Здесь есть люди, которым терять нечего, — стал он спокойно объяснять. — Без приличных денег мы не сможем просто так уйти и лечь на дно. Барыга нас наколол. И я чувую, что еще день-два, и за нами могут прийти. А это значит — хана. Поэтому не злите меня. И особенно не злите ее, — он мотнул головой в сторону Карины. — Если я еще могу когда подумать, то она начинает шмалять при малейшем шухере. Вам ясно? Теперь идите в зал.

Все прошли в зал, кроме Павла, оставшегося в комнате. Лихомановы и Надя сели на диван, Карина уселась в кресло, Барин встал у двери. Оба бандита держали оружие наготове. Зал был немного тесноват для шестерых человек, и об этом даже вслух сказала Карина.

— Ничего, — усмехнулся Барин. — Нам будет проще... Теперь слушай ты, — обратился он к Сергею и ненадолго задумался.

— Твоя задача — где хочешь сдать наши баксы. Ты деловой, у тебя в каком-нибудь банке связи есть, может быть, прокатит. Но это не наше дело. Срок тебе — до вечера. Ну, край до полуночи. Обменяешь бабло — мы тут же уходим. А чтобы ты как надо подсуетился, мы тут все посидим... Мало ли, кто вместе с тобой вдруг захочет прийти. Или вдруг ты надумаешь слинять. Я, правда, в это не особо верю, но ты помни — игры закончились. И по-другому не получается. Я уже говорил — нам терять нечего. Вышку отменили, но все знают, что мусора за своих мстят кровно — и если заметут, у нас шансов выжить нет. Если не сделаешь все как надо, или не появишься до двенадцати ночи... Не люблю говорить о таких вещах, я же не кровожадный. Ты все понял, Сережа?

— Понял. Я еду один?

Хорошо бы конечно, отправить вместе с ним Карину или Котла, подумал Андрей. Но Карина нужна здесь — допустим, баб выводить, да и реакция у нее ничего, пока не ширнется. От Котла толку меньше, но отправлять его с Сергеем... Они же корефаны когда-то были. Вдруг что-то на пару надумают не то сделать... Да и рана болит, проклятая, сил нет терпеть, аж в глазах темнеет. Вдруг что со мной случится, и в хате только один из нас останется. Не годится.

— Один справишься, — сказал Половод, протягивая Сергею его телефон. — И лучше звони почаще.

— И вы потом точно уедете?

— Стопудово. Но ты для гарантии отвезешь нас на тачке... Ну, куда-нибудь на другую окраину города — не на Красную Зарю. Там уже наши проблемы будут.

Лихоманов не поверил. Он подумал, что даже если каким-то чудом сумеет выполнить требование бандита, какую-нибудь еще пакость они учинят обязательно. Он не ошибался: Барин на самом деле думал, что не хило будет воспользоваться тачкой Сергея. Только Сергея брать с собой беспонтово, а за руль бы села Карина (вот же привязалось странное имя, точно новое погоняло) — тачку она водит мастерски, даром что баба... С ними поедет Ира... или Егор — это даже лучше. На всякий случай — вдруг Сергей надумает вильнуть — ментов на хвост посадит, или с баблом намотит чего...

— Все ясно, я поехал, — произнес Сергей и поднялся

— Котел за тобой закроет, — сказал Половод.

Сергей, не оглядываясь, вышел в прихожую. Он чувствовал, что навсегда потерял лицо в глазах своей семьи, и что если он не сделает то, что вынужден сделать, их отношения уже никогда не будут прежними... Получится это сделать, или не получится, опасно это или не опасно, уже не важно. Важно, что он обязан хотя бы попытаться. Потому что он оставляет близких людей под надзором тех, кого он теперь и людьми назвать не может. Барин прав. Ситуация изменилась. Игры действительно закончились.

Из комнаты вышел Паша.

— Очень хочу дать тебе в морду, мухомор, — негромко произнес Сергей.

Паша осклабился.

— А че сумку не взял? — спросил он.

— Успеется. Я скоро вернусь. А пока нет никакого смысла просто так возить с собой такие деньги.

— Ну, может и правильно... Давай, удачи, — не без ханжества напутствовал Лихоманова тот, кто был когда-то его другом.

...Через окно Карине было хорошо видно, как большая зеленая машина вырулила со стоянки и скрылась.

— Поехал, — сказала она. — Слышь, Барин... Как бы он какую поганку не состряпал...

— Не состряпает. Ему теперь некуда деваться.

В словах Андрея Половода звучала уверенность. Стопудовая.

* * *

Не узнать ее я не мог. Несмотря на то, что сейчас она была в строгом брючном костюме бутылочного цвета, прекрасно подчеркивающим худенькую фигурку, и туфлях на высоком каблуке, от чего казалась еще стройнее. Но все те же ярко-рыжие волосы, то же тонкое лицо... Те же карие глаза, мечущие молнии, и не куда-нибудь, а именно в меня — она уже наверняка закончила для себя процедуру опознания. И не успел следователь Самойлов сказать своим противным голосом «Алина Степановна, узнаете ли вы кого-нибудь из этих...», как она воскликнула, показывая на меня пальцем:

— Вот он! Это он, Алексей... — И, обращаясь уже ко мне: — Ну что же ты...

— Стоп! — скомандовал Зорин. — Опознание завершено. Спасибо, Алина Степановна, вы свободны.

— А что тогда... — начала она, но Зорин строго перебил ее:

— Алина Степановна, спасибо. Вы свободны... Сержант, проводите ее.

Молчаливый служака встал и открыл дверь. Алина вышла, напоследок смерив меня уничтожающим взглядом.

— Вы тоже свободны, спасибо, — обратился Самойлов к двум неизвестным мужчинам. Они тоже отправились на выход. Последним ушел человек с бумагами.

Следователи помолчали пару секунд, потом почти одновременно набросились на меня:

— Где и когда вы познакомились с этой женщиной? — Зорин.

— Вы знакомы с потерпевшей Малютиной Алиной Степановной? — Самойлов.

Поскольку они явно не были готовы работать в паре, то даже с досадой переглянулись. И молча покинули кабинет, оставив меня наедине с сержантом.

— Послушай, командир, — обратился я к милиционеру. — Может, скажешь, в чем тут петрушка, а? Не знаешь, с чего эта девчонка на меня так взъелась?

— Мне это не известно, — точно таким же занудным голосом, как у Самойлова, ответил мент.

К сожалению, и я пока ничего не знал. Более того, я даже не предполагал, каким образом мог сделать что-то плохое этой девушке. И вообще, познакомились ли мы именно там? В опустевшем санатории, по которому бродили свихнувшиеся убийцы? Мы были вместе в подсобном помещении? Мы занимались сексом?

Я уже не был уверен, что могу ответить утвердительно на эти вопросы. Что у меня сейчас будет спрашивать следователь? Кто из них, кстати, будет меня вести? Почему-то я склонялся в пользу Зорина. Он был первым, да и вряд ли областная прокуратура так легко отдаст свою жертву коллегам из райцентра.

Так и оказалось. В комнату вернулся только Петр Тимофеевич.

— Я думаю, — сказал следователь, садясь за стол, — что теперь пришла пора на самом деле покончить со всеми сказками. Я очень рад, что вы не отрицали знакомства с потерпевшей, но даже этот факт у вас оброс такими невероятными подробностями, что, извините, глаза на лоб лезут... Итак, при каких обстоятельствах произошло ваше знакомство?

— Вы сказали «с потерпевшей»? — спросил я.

— Да, — поморщился Зорин. — Коллега немного поторопился. Хотя заявление она уже наверняка пишет... — Следователь поднялся из-за стола, обошел его вокруг и встал за моей спиной, чуть нагнувшись и упершись руками в спинку моего стула: — Вот мой совет, Берестов: говорите правду. Это вам не угон моторки. Тут дело серьезное.

— Я приехал отдохнуть на один вечер в санаторий, — начал я безнадежно. — Напился в тамошнем баре. Здорово набрался, да так, что ничего не помню... Под утро сдуру решил вернуться в город, подумал, что неотложных дел еще много. «Автобусы не ходят, в такси не содют». Спустил лодку на воду и поехал. Вскоре немного протрезвел и увидел, что заблудился. Сдался сотрудникам милиции. Алину Степановну я не знаю... Возможно, обидел ее в баре санатория, там были какие-то девушки, которым я предлагал выпить со мной...

Пока я говорил, Зорин вернулся на свое место, уселся и недовольно хлопнул ладонью по столу.

— Я же просил вас не врать, — с досадой сказал он.

— Я и не вру. Более того, от всех своих предыдущих показаний я отказываюсь и прошу занести в протокол то, что сказал сейчас.

— Послушайте...

— Ничего не хочу слушать. Вы убедились сами, и убедили меня, что все, о чем я рассказывал сначала — неправда. Поэтому я требую, чтобы... В общем, я хочу дать новые показания.

Зорин снова вышел из-за стола и принялся мерить комнату шагами.

— Вы курите? — вдруг спросил он.

— Третий день, как бросил, — сердито ответил я.

— Вы знаете, я тоже... Уже неделю стараюсь не курить. Потому и не предложил ни разу, прошу прощения... Что же сами не сказали?

— Бросить хочу...

— Так это правильно, наверное... Извините, сержант, у вас не найдется сигареты?

— Я не курю, — ответил милиционер.

Повисло неловкое молчание. Или следователь решил импровизировать? Если так, то либо он это делает крайне неудачно, либо наоборот, играет очень тонко. Но для меня-то разницы, конечно, никакой.

— Послушайте, гражданин следователь... Или пока еще Петр Тимофеевич?.. Вы можете мне вразумительно сказать, в чем меня обвиняют или подозревают? Что имеет против меня эта девушка?

Зорин некоторое время молчал. Он перестал ходить по комнате, потом вдруг встал напротив меня, резко перегнулся через стол и гаркнул:

— В какой цвет был покрашен «Форд»?! Быстро! Не раздумывать!

— В серебристый...

— Какого цвета «Жигули»? Не раздумывать!

— Синего!

— Какая была «Королла»? Быстрее!

— Белая!

— Какой цвет у «Волги»? Ну?

— Не знаю, про какую «Волгу» вы...

Зорин выпрямился. Внимательно посмотрел на меня. Не знаю, чего уж такого он во мне увидел, но в этот момент что-то изменилось. Возможно, я ошибусь, но мне показалось, что следователь немного даже испугался.

Петр Тимофеевич сел на стул, немного помолчал и заговорил:

— Мы решили разобраться, почему вы вздумали так нелепо сбежать из санатория. Угон лодки... Да вы трезвы как стеклышко были — уж в милиции такие вещи сразу просекают... В общем, начали выяснять, не произошло ли чего неладного в эту ночь в санатории. И что мы узнаем — в одно из отделений Вантайска вчера приходит эта девушка и рассказывает о своих приключениях. По ее словам, она действительно была в баре санатория, где и познакомилась с вами.

— Потрясающе... Как видите, я говорю правду.

— Подождите. Во-первых, вы были трезвы. То есть, по паре коктейлей за знакомство вы выпили... Дальше рассказывать, или сами вспомните?

— Рассказывайте.

Но Зорин сказал о другом:

— Вы, наверное, знаете о таких вещах, как судебно-медицинская экспертиза?

— Конечно.

— Таким образом, вам будет интересно узнать, что результаты экспертизы по Малютиной вот-вот будут готовы. И что вам тоже придется готовиться к подобной процедуре... И отвертеться от нее у вас не получится.

Когда следователь завел речь об экспертизе, у меня в мозгу словно что-то щелкнуло.

— А кстати, где та рекламная листовка, которую вы у меня изъяли? — спросил я. — Надеюсь, вы взяли мои вещи с собой?

— Листовка есть, — сказал Зорин.

— Можно ее принести сюда? Я думаю, что-то она может разъяснить.

— Я, конечно, в этом сильно сомневаюсь, но давайте так и сделаем. До очной ставки еще есть время.

Зорин подтащил к себе телефонный аппарат, спросил у сержанта номер канцелярии и поговорил с кем-то... Минут через десять пухлая женщина в милицейской форме принесла папку, откуда следователь и извлек портрет, который я подобрал в типографии.

— Этот плакат, — сказал я, — мне знаком. Пока мы ехали в управление, я несколько раз обратил внимание, что точно такие же висят на столбах и щитах с объявлениями.

Зорин взял лист бумаги — обычный лист формата «А-четыре», отпечатанный на недорогой типографской машине в две краски. Надпись рядом с интеллигентным и одновременно волевым лицом призывала голосовать за кандидата в депутаты вантайского горсовета Степана Малютина. В самом низу листа приводились служебные данные — тираж, заказ, ответственный за выпуск (некто В. Прачкина) и где отпечатано (ИП Фишман Р.Л.). До следователя не сразу дошло, что к чему, но потом он буквально выпучил глаза:

— Так получается, что вы... Хм, были с дочкой депутата? Или это совпадение?

— Можно, конечно, спросить об этом у самой Алины, — сказал я. — Но, знаете, тут все

не так просто. И неизвестно еще, победил ли этот Малютин на выборах. Дело в том, что по городу развешаны такие же плакаты. Но я не уверен, что они точно такие же, как этот.

Странно посмотрев на меня, Зорин вновь взялся за телефон.

— Игнат Валерьевич? Это Зорин. Мне хотелось бы получить консультацию о некоторых политических событиях в городе... Да, про недавние выборы... И еще — пока суд да дело, надо бы отправить какого-нибудь расторопного мальчика найти предвыборный плакат... По кандидату в депутаты от местного округа. Непременно отпечатанного в типографии некоего Фишмана... Но это без разницы. И еще вопрос: как нам организовать обед для меня и для подследственного?.. Да бросьте вы про это! Тут действительно не так все просто... Превосходно.

На обед в управленческую столовую мы сходили втроем — меня конвоировал сержант-молчун. Пока мы шли по коридорам, меня еще не заставляли держать руки за спиной, но уже дали понять, что возможные глупости будут пресекаться жесточайшим образом.

И на том спасибо. Когда мы вернулись в комнату для допросов, помятый и надорванный плакат со следами клея уже лежал на столе, а рядом — лаконичная записка: «Этот парень не прошел во втором туре».

Зорин положил рядом с собой оба плаката и начал внимательно их рассматривать. Они почти не отличались. Сюжет, композиция были идентичными, тираж-заказ и прочая служебная информация тоже. Округ и сроки выборов назывались также одинаково. Разными были лица, а также имена и фамилии. На содранном листе был изображен Василий Петрович Колыванов. На моем — Степан Иванович Малютин. У Колыванова была добродушная широкая физиономия, хотя и с волевым выражением, лицо же Малютина обладала тонкими, интеллигентными чертами, хотя выражение негибимой воли было таким же, что и у другого кандидата.

Следователю это совсем не понравилось. Ему вообще многое не нравилось в этой истории.

— Мы, конечно, можем, после очной ставки прокатиться в типографию к этому Фишману, — проговорил Зорин. — Интересно, что он скажет?

— Он скажет, что это фальшивка, — пожал я плечами. — Поэтому я буду настаивать на экспертизе. И если окажется, что оба оттиска сделаны на одном и том же «Ромайоре», я, наверное, действительно повременю отказываться от своих первоначальных показаний.

Зорин, конечно, был далеко не глуп и потому наверняка сразу же предположил, какую головную боль вызовет положительный результат экспертизы. На его месте я наверняка бы припрятал мой плакатик, чтобы потом уничтожить; «нэт человека — нэт проблемы»... Впрочем, Зорин действительно убрал обе бумаги в карман, аккуратно сложив их вчетверо по линиям сгиба.

Раздался телефонный звонок. Следователь снял трубку.

— Зорин... Да, мы готовы. Можно начинать.

Через минуту в кабинет вошла Алина в сопровождении уже знакомого мне мужика с бумагами. Тайная канцелярия, понимаешь...

Зорин пригласил ее сесть напротив меня, предупредил нас на предмет ложных показаний, и мы расписались за то, что ознакомлены с ответственностью.

— Алина Степановна, — начал следователь, — вы знаете этого человека?

— Знаю, — гневно ответила девушка. — Это тот самый тип, который...

— Стоп-стоп! Прошу просто назвать его имя, если оно вам известно.

— Его зовут Алексей, фамилию он мне не называл.

— Вы, Алексей Кириллович, — знаете эту женщину?

— Да, — сказал я. — Ее зовут Алина. Фамилию и отчество я тоже раньше не знал.

Девушка издала короткий возмущенный взглас.

— Алина Степановна, — сказал Зорин. — Вы ознакомились с показаниями Берестова Алексея Кирилловича в той части, где он описывает свое знакомство с вами и то, что за ним последовало?

— Да, — сердито сказала рыжая. — Я просто потрясена, как этот человек умеет фантазировать... Может, он того?..

— Алина Степановна, — мягко сказал Зорин. — Насчет психического состояния Алексея Кирилловича давать заключение пока преждевременно. Я прошу вас отвечать на вопросы и, будьте так добры, без лишних эмоций. Хорошо?

— Хорошо, — произнесла девушка.

— Итак, что вы можете сказать об этих показаниях?

— То, что в них нет ни слова правды... — У Алины дрогнуло лицо.

— Понятно. Теперь прошу вас, Алексей Кириллович, внимательно прослушать следующую информацию... Будьте добры, протокол, — обратился следователь к «тайной канцелярии». — Вот, читаем: «девятнадцатого июня сего года вечером я находилась в баре санатория «Вантай». Ко мне подошел мужчина, назвавший себя Алексеем. Так у нас состоялось знакомство. Алексей купил по два слабоалкогольных коктейля, мы несколько раз выходили танцевать, потом возвращались к стойке. До часа ночи, то есть, до закрытия бара, мы провели время в нем. После закрытия бара мы долго гуляли по санаторию, ходили по дорожкам парка, выходили на пляж. Алексей предложил искупаться в реке, я отказалась, заявив, что ночь довольно холодная. Потом Алексей заявил, что он, к сожалению, не ожидал такой хорошей встречи, в связи с чем пропустил последний автобус в город, и теперь не знает, куда податься. Он начал напрашиваться ко мне в гости, в номер. Я стала отказываться, потому что еще плохо знаю его. Алексей настаивал, но потом предложил просто посидеть в холле жилого корпуса. Я согласилась, хотя времени уже было около трех часов ночи, и мне хотелось спать. Мы договорились, что посидим не более получаса, а потом разойдемся, чтобы встретиться завтра. Алексей выразил сожаление, сказав, что завтра он уедет. Я предложила встретиться позже в Вантайске, когда вернусь из санатория в город. Алексей тогда сказал, что там мы сможем не увидеться. И вообще, он говорил множество странных вещей, уверяя, что и город Вантайск уже не принадлежит людям, и что в санатории находится якобы очень опасно. Я испугалась и решила уйти. Тогда Алексей, дождавшись, когда дежурная в конторке уснет, неожиданно схватил меня, зажал мне рукой рот и затащил в подсобное помещение, где находился склад постельных принадлежностей. Исключительно по причине насильственных действий со стороны Алексея я была вынуждена вступить с ним в половую связь. Это происходило обычным способом. Затем Алексей связал меня простынями, завязал рот, а сам скрылся. Вероятно, это произошло около четырех часов утра. Освободиться самостоятельно я не могла. Около половины седьмого утра меня обнаружила и освободила кастелянша». ... Что вы на это скажете, Алексей Кириллович?

Я пожал плечами:

— Большой ерунды я в жизни не слышал.

Алина опять издала взглас возмущения.

— Алина Степановна, основываясь на ваших показаниях и на вашем заявлении, мы

имеем основание возбудить против гражданина Берестова уголовное дело по статье «изнасилование»? Это считается тяжким преступлением...

— И что мне теперь, прикажете пожалеть его? — глаза Алины вспыхнули недобрый огнем.

— Вас многие видели в санатории вместе?

— Думаю, да. Бармен, другие посетители... Дежурная в холле — когда мы пришли туда, она еще не спала.

— Их придется вызвать в суд... Вы понимаете, что будет суд, на котором вам придется вслух говорить о том, что произошло в санатории?

— Эй, вы уж не пугать ли меня начали? — подозрительно спросила рыжая. — Я, знаете ли, уже кое-что видела в жизни, и от слов «половая связь» не краснею. А этот тип пусть сидит за свои дела, и не надо меня уговаривать забирать заявление или что вы там еще придумали...

— Ни в коем случае. Сейчас мы запротоколируем результат очной ставки, потом будем готовить дело в суд...

Моя душа словно бы рухнула в страшную бездну.

— Но! — сказал вдруг Зорин. — Прежде нам надо будет уточнить еще некоторые моменты.

— Это еще какие? — проворчала Алина.

— Для начала вот эти. — Следователь положил перед Алиной предвыборные агитки.

— О боже, — воскликнула девушка. — Это же мой отец! Его действительно зовут Степаном Ивановичем... Но он никогда не баллотировался в депутаты, он далек от всего этого... А этого мужика и эту фамилию я помню, все за него голосовать агитировали... Интересно, как папа мог оказаться на этом плакате?.. Не понимаю... Откуда это у вас?

— Нашли в кармане у Берестова, — сказал следователь. — Теперь понимаете, что тут все не очень просто.

— Действительно... А разве он не мог сделать эту фальшивку заранее?

— Заранее? То есть, до знакомства с вами? Разумеется, мог. Но давайте поразмыслим. На фото ваш отец. Верно?

— Да.

— Если Берестов мог сделать или заказать этот плакат, то у него, как минимум, должно было иметься оригинальное фото в бумажном или электронном виде. Согласны?

— Согласна. — Алина посмотрела на меня с испугом. Девушка была отнюдь не глупой.

— И от вопроса — а зачем он это сделал? — отмахнуться не так-то просто. Правильно?

— Да.

— Вот. И я совершенно не уверен, что Берестов совершил в отношении вас... Э-ээ... Действия из сиюминутных побуждений. И мы просто обязаны выяснить, что кроется за этим снимком, прежде чем прокуратура сделает обвинительное заключение.

— И что для этого придется сделать?

— Пока у нас еще есть время, мы все вместе съездим в типографию. Навестим вашего отца. Возможно, придется побывать и в санатории.

— Вы считаете, что это необходимо?

— Абсолютно, — покачал головой следователь.

Мне казалось, что Зорин пытается найти хоть какое-то рациональное объяснение моей невозможной истории. Вообще, он, конечно, не имел ни права, ни обязанности таскать за

собой одновременно подследственного и потерпевшую. За такие дела можно и фитиль получить, как я подозревал. Оставалось предполагать, что представителям областной прокуратуры в районах дозволено достаточно многое, да и дело, которое поручили Петру Тимофеевичу, не настолько банально, чтобы следователь относился к нему с формализмом. Не то что бы он верил мне, а не верил Алине — думаю, об этом и речи быть не могло. И дело вовсе не в том, симпатизировал он мне или нет — просто он очень хотел избежать ошибки.

Мы сели в машину и снова поехали по улицам Вантайска. Алину посадили рядом с водителем, на заднее сиденье определили меня, с обеих сторон зажав правоохранительными органами — следователем и сержантом. «Уазик» скоро подкатил к офисному зданию. Здесь находилась торгующая запчастями фирма «Оверхилл», с директором которой я так и не встретился, и типография, руководимая неким Фишманом.

В просьбе посетить офис «Оверхилла» мне отказано не было, но встреча не состоялась: офис-менеджерица сообщила, что директор отсутствует, а человек для ведения деловых переговоров пока не назначен. Зорин заявил, что терять время нельзя, и мы перешли в типографию.

Фамилия Фишман принадлежала немолодой, но энергичной особе по имени Рина Леонидовна. Она с удивлением изучила оттиск с изображением Малютина, и заявила, что подобный заказ никогда не выполняла. Когда следователь спросил, а почему собственно, в выходных данных указана ее фамилия, Фишман стала делать странные телодвижения. Которые стали еще более странными, когда Зорин заявил, что в ближайшее время обязательно будет проведена экспертиза на предмет того, не одна ли и та же машина использовалась при печати агиток с Малютиным и Колывановым, и если результат будет положительный (в чем он, Зорин, не сомневается), у ИП Фишман будут проблемы. Может быть, уважаемая Рина Леонидовна по-хорошему отдаст оригинал-макет и скажет, кто заказал листовку с никогда не существовавшим кандидатом в депутаты?

Фишман перестала делать телодвижения и заявила, что такого оригинал-макета у нее нет, а есть совсем другой, соответствующий номеру заказа. Та работа была оплачена предвыборным штабом Василия Колыванова, контактные телефоны которого, к сожалению, после выборов не сохранились, и вообще, зачем-таки вы явились целой толпой притеснять бедную частную предпринимательницу?

Алина занервничала — она понимала, что все происходит как-то не так. А я уже почти уверился в том, что с моей головой не все в порядке, и что пока мое сознание уснуло, тело Алексея Берестова на самом деле совершило подсудное свинство. Но странно, что в моей памяти так отчетливо сохранился образ рыжей девушки. Как это понимать?

Я чувствовал, что мои дела в любом случае дрянь. И, возможно, что я не скоро теперь смогу свободно гулять по улицам. Заявление, показания Алины... Свидетели из санатория. Зорин еще про какую-то экспертизу заикался. Если и экспертиза докажет, что у нас с Алиной были интимные отношения, мне придется готовиться к долгим годам зоны с соответствующей репутацией и понятным отношением со стороны окружающих. И никакой кандидат в депутаты не поможет, даже если бы он и победил на выборах. Ни в этом городе, ни в мертвом.

— Поехали на вокзал, — сказал Зорин водителю.

— Это еще зачем? — удивилась Алина.

— Надо найти кое-какие вещички.

Я уже понял, о чем говорил Зорин — он хотел отыскать мою дорожную сумку. Если

честно, я не понимал, зачем она ему понадобилась, и мог только гадать — найдутся мои вещи или нет. Любой вариант вряд ли мог улучшить мое положение.

Оставив Алину в машине вместе с водителем, мы втроем вошли в здание вокзала и прошли в комнату для рабочей смены. Комнату я узнал, также как и обстановку — она была точно такой же, какой я ее помнил: металлические шкафчики, стеллажи, старый стол и старый шифоньер. В шифоньере моих вещей не было, и дежурный администратор заверил, что ничего чужого в этой комнате в последние дни, по крайней мере, не водилось.

— Вы по какой улице шли от вокзала к офису? — спросил меня следователь, когда мы сели в машину.

— Да по той же, по какой мы ехали...

— Название заметили?

— Сейчас нет.

— Поехали, — сказал Зорин.

Меня прокатили по улице Януша Корчака, мимо совершенно целых витрин сберегательного банка и супермаркета под названием «Гастроном № 7».

И тогда нас удивила Алина:

— Послушайте, эту улицу давно переименовали?

Боюсь ошибиться, но мне показалось, что следователь ждал чего-то подобного. И наконец-то дождался.

— Давненько, Алина Степановна. Уж лет десять, если не пятнадцать.

— Она всегда называлась улицей Энгельса! То есть, я понимаю, что это совсем не в духе времени... Но я точно помню, что еще на прошлой неделе здесь были другие таблички!

— Всякое бывает... Алексей Кириллович, напомните, куда вы потом пошли дальше?

Я сказал. «Уазик» тронулся вперед. Алина нервно вертелась на сиденье, напряженно смотрела по сторонам. Я очень хорошо ее понимал, но молчал, пока меня никто ни о чем не спрашивал.

... Игорный павильон здесь назывался «Монте-Карло», Зорин был прав. И тут я не мог сказать с уверенностью, что было на вывеске в *моем* Вантайске. Вроде бы «Монте-Кристо», но руку на отсечение я не готов был дать. И вдруг словно бы дежа-вю — на парковке у павильона я заметил серебристо-серый «Форд». Он стоял боком к нам. Я обратился к следователю:

— Петр Тимофеевич, я почти уверен, что номер у вон той машины шестьсот двенадцать или шестьсот пятнадцать. Я упоминал про этот автомобиль, помните?

И ткнул пальцем в лобовое стекло.

— Возможно, — процедил Зорин. — Давайте-ка подъедем ближе...

Номер у «Форда» оказался 613. И модель вроде другая...

— А какая должна быть? — поинтересовался Зорин.

— Не помню, — удивляясь сам себе, сказал я. — Что-то на букву «С». Но почему-то не могу сообразить.

Учитывая направление моей работы, мне должно быть стыдно не суметь с первого взгляда определить модель машины. Почему так, я не мог объяснить.

— «Скорпио»? «Сьерра»? — решил помочь следователь.

— Может, «Скарабус»? — вдруг спросила Алина.

— Нет такой модели, — сказал я.

— Ну как же нет? — удивилась Алина. — У папы моего, кстати, «Форд-Скарабус»

девяносто восьмого года. Хотите посмотреть?

Теперь и водитель с интересом поглядел на девушку. Он тоже определенно знал, что такой модели в природе не существует.

— А что? — вдруг почти весело произнес Зорин. — Хорошее название для «Форда». Поехали, посмотрим...

И тут Алина вдруг тихо попросила меня:

— Алексей... Еще раз покажите пальцем в окно.

— Зачем? — удивился я.

— Сделайте, — сказал следователь.

Я осторожно протянул руку вперед. И тогда Алина сказала:

— Вы знаете... Господин следователь, я... Я бы хотела немного изменить свои показания. Это возможно? Это разрешается?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Старуха не сразу смогла взять в толк, чего от нее требует этот странный молодой человек, так похожий на этих проклятых гринго. Парень говорил с очень странным акцентом, но не с американским. В противном случае Мартина даже и не стала бы ему отвечать. Но, сообразив, что парень всего лишь хочет поговорить с Хоакином, понимающе закивала и скрылась в недрах дома. Механик вышел на улицу через пару минут. Он несколько секунд молча смотрел на Сергея. Несмотря на то, что он, похоже, сразу его узнал, на то, чтобы вспомнить, где же они виделись, у мастера ушло определенное время.

— Что ты хочешь?

— Ты сказал однажды, что я понимаю, как ты работаешь, — произнес Лихоманов. Приветствия и прочие церемонии, как он подумал, здесь будут излишни.

— Да. Я это вижу. И что теперь? Ты же должен скоро уехать.

— Вот моя машина, — Сергей показал пальцем на странный рыдван, весьма отдаленно похожий на «Форд-Сандерберд» пятьдесят восьмого года выпуска.

В малоподвижных глазах Хоакина мелькнул интерес. Он подошел к автомобилю, провел рукой по облезлой желтой краске кузова, заглянул внутрь салона, где из кресел лезла труха. Прислушался к кашляющему, неровному звуку изношенного двигателя. Посмотрел на обрывки низко расположенной овальной решетки радиатора, напоминающей разинутую пасть глубоководной рыбы, которая потеряла большую часть своих зубов.

— Боишься заглушить? — спросил механик.

— Да, — согласился Сергей. — Иначе я его потом могу не завести.

Хоакин понимающе покачал головой.

— И ты хочешь, чтобы я тебе сделал из этого реактивный самолет?

— Нет. Я хочу сам сделать из этого хорошую машину.

— Для этого тебе понадобится несколько недель и куча денег.

— А как тогда с тем «Крайслером»? Ты его восстановил меньше, чем за пять дней. А этот «Форд» по крайней мере на ходу.

— Я его не восстанавливал. Это была другая машина.

Черт! Неужели перед ним действительно разыграли комедию? Или он просто плохо понимает речь Хоакина?

— Как так? — потерянно спросил Сергей. — Ты же сам говорил — твоя работа...

— Да. Я сделал так, что старая, негодная машина стала свежей и быстрой.

Пошли, кажется, вест-индейские загадки, подумал Лихоманов, если он правильно понимает жаргон трущоб. Но на кой черт тогда я выпросил на время у нашего портье этот хлам, на котором и ездить-то страшно?

... Портье, длинный смешливый негр, не стал отказываться. Для советского человека ему было не жалко старого «Форда». Если парень вдруг действительно немного отладит автомобиль — очень хорошо. А если доломает окончательно — то так тому и быть.

— Ладно, — произнес Сергей. — Могу ли я сам сделать так, что эта разваливающаяся на ходу машина станет свежей и быстрой?

— Покажи руки, — вдруг потребовал Хоакин. Сергей протянул ладони, уже изрядно почерневшие и загрубевшие от постоянного контакта с металлом и масляным нагаром.

— Гараж свободен, — сказал кубинец. — Садись и загоняй. У тебя должно получиться.

Сергей сел за руль, который опасно шатался вместе с колонкой, включил первую скорость (коробка ответила зловещим скрежетом) и, подняв тучу почти черного дыма, перебрался во двор через открытые Хоакином ворота.

Гараж действительно был свободен. Лихоманов аккуратно въехал внутрь и, не заглушая все-таки двигатель, вышел из машины. Подошел Хоакин, недовольно покрутил носом и потребовал остановить мотор. Сергей подчинился.

— Теперь слушай, — сказал механик. — Твоя настойчивость уже известна за пределами профсоюза. Хосе был тобой очень доволен. Он надеется, что ты уже почти стал настоящим мастером. Но то, что ты сейчас будешь делать, немного отличается от того, что ты делал раньше...

— Я понимаю. Но...

— Тише. Слушай вот еще что. Любая вещь в мире, а такая вещь, как автомобиль в особенности, обладает чем-то таким, чему в испанском языке нет слова. Возможно, ближе, всего будет «*espiritu*», «дух», но это все равно не совсем верно. Индейцы называют это словом «маниту», китайцы, кажется, «ву». В нашем случае это следы, которые оставили в машине ее создатели, те, кто когда-то водил ее и ремонтировал. Чем старше машина, тем этих следов больше, и тем непредсказуемее ее поведение. Да и на разных людей машина реагирует по-разному. Даже если у двух водителей может оказаться одинаковый опыт, одинаковый стиль вождения, под одним машиной будет вести себя послушно, под другим превратится в злобное животное.

Хоакин нашарил под верстаком бутылку рома, откупорил ее... Посмотрел на Сергея, который верил и не верил его словам, достал два заляпанных стакана и наполнил каждый до половины. Оба выпили. Хоакин продолжил:

— Если полностью или почти полностью вычистить все воспоминания о прежних владельцах и механиках, машина действительно может стать другой... То есть, это будет тот же самый автомобиль, но для всех окружающих она станет как новой.

— А как же так?.. То есть, обновление — это просто видимость? Но как же быть с тем «Крайслером»? Как та машина могла двигаться, если она только выглядела новой?! Не понимаю. Ты что-то недоговариваешь...

— Никогда не верь тому, что видишь, — строго сказал Хоакин. — Кроме того, есть возможность не просто уничтожить старые следы. Если кому-то по силам изменить все эти наслоения времени и воздействия многих людей, изменится и сама машина. И во что она превратится, этого никому не дано предугадать.

— Даже так?

— Да. Но это иногда бывает слишком сложно. И опасно. Даже для меня.

Механики снова выпили. Сергею показалось, что Хоакин разговаривает с ним, даже не открывая рта.

— Если ты меняешь следы, будь готов к тому, что все, кто когда-то ездил в твоей машине, тоже изменятся. Они будут совсем другими.

— Подожди-ка, подожди... Если, к примеру, на этой машине ездил парень, которого я хорошо знаю, и после того, как ты или, допустим, я, постараются что-то изменить в машине, тот человек тоже изменится? Допустим, он был... (Сергей чуть не сказал «портье») врачом, а когда ты его вдруг снова увидишь, он станет, к примеру, моряком?

Хоакин некоторое время молчал.

— Этого я никогда не делал. И тебе не советую делать. Это может привести к

необратимым последствиям. И не только для людей, но и для всего, что их окружает.

— Но ты ведь знаешь, как это делается?

— Знаю.

— Покажешь?

Хоакин снова замолчал. Сергею показалось, что механик опять впадает в транс, и Лихоманов поспешил наполнить его стакан.

— Я покажу, — сказал он. — Если ты мне поклянешься Девой Марией и Иосифом об одной вещи.

— Согласен, — сказал Сергей. Он не был ни католиком, ни вообще верующим.

— Никогда не возвращай после этого машину тому, у кого взял ее.

... — Силы востока и запада, севера и юга, земли и неба, моря и леса, — бормотал Сергей по-испански возле автомобиля. Чувствовал он себя последним идиотом, но ему нужно было поверить, что сейчас все получится. Ох, как он хотел в это верить. Потому что сейчас перед ним был не «Форд» кубинского портгье, который так и не получил тогда обратно свою машину — Лихоманов солгал, что разбил-таки ее вдребезги. Сейчас рядом стоял зеленый «Краун». И вместо гаража Хоакина теперь был заброшенный, полуразрушенный бокс недалеко от Вантая, тот самый, где когда-то не покладая рук трудились «скоробеи» Секача. На грязном, потрескавшемся бетонном полу лежал открытый кейс, а в нем находилось содержимое нижней камеры сейфа из офиса «Оверхилла» — страшноватые «сувениры», которые Лихоманов под присмотром и по рекомендациям Хоакина покупал в мрачных лавчонках Вилья-Брава на свои последние деньги в свой последний день на Кубе. Череп игуаны, отрубленные куриные лапы, змеиные позвонки, и — самое жуткое — черная свеча, сделанная, по заверениям Хоакина и продававшего ее гаитянина, не из чего-нибудь, а из человеческого сала.

О судьбе Секача Сергей не думал. Своя его тоже мало интересовала. Вспоминая с странных инцидентах с владельцами тех машин, с которыми он когда-то неосторожно экспериментировал, Лихоманов концентрировался только на своих последних пассажирах — Андрее Половоде, Павле Кутапине и Карине, чьей фамилии он не знал, но которая была ему абсолютно неинтересна. И он заставлял себя верить, что гротескные манипуляции помогут ему сделать то, чего он не мог сделать, не прибегая к силам, о которых почти ничего не знал.

Но вот странно — перед его мысленным взором прошли не только незванные гости. Множество лиц, когда-либо садившихся в его машину, шли чередой: сотрудники фирмы, которых он когда-либо подвозил, две или три девушки, с кем у него были легкие приключения, представитель поставщика, кого он когда-то встречал на вокзале, врач Борис, совсем недавно оказывавший помощь раненому бандиту... Наконец, мелькнули образы тех, кого он сейчас совсем бы не хотел вспоминать, даже Надю — кроме нее, он увидел лица Ирины и Егора, а затем и свое, слегка искаженное, словно в зеркале заднего вида; сейчас, в этот момент, надо было, наверное, прекратить ритуал, но он понимал, что уже поздно. Слишком поздно. Плотный туман уже поглотил его.

... Кажется, он впал в длительный транс, наверное, такой же, какой приключался в подобных обстоятельствах с Хоакином. Сергей поднялся с бетонного пола, отряхнул брюки и, пошатываясь, посмотрел на свою машину — «Тойоту-Краун», большую, мощную, чем-то всегда напоминающую ему классических «американцев» пятидесятых годов. С машиной на вид было все в порядке.

Снаружи тоже все было в порядке. Правда, если судить по тому, что солнце катилось к горизонту, уже наступил вечер. Хотелось пить. Вернее, даже не пить, а выпить. Желательно чего-нибудь покрепче...

Сергей вынул телефон и с замиранием сердца набрал номер.

— Да, Сережа! — послышался голос Иры. Лихоманов не узнал его, но почти сразу же понял, в чем дело — в голосе жены не было напряжения.

— Гости где? — с трудом спросил он.

— Надя? Надя дома.

— Я не про нее... Те, другие, где?

— Не знаю. Они же еще вчера уехали. Ты что, Сереж? Заработался?

— Егор дома?

— Нет еще, в футбол все гоняет... Ты скоро приедешь?

— Скоро.

Сергей сунул телефон в карман и вернулся в гараж. Стараясь не глядеть на разбросанные по полу предметы, скидал их в «дипломат», который положил потом на заднее сиденье. После чего сел за руль и запустил двигатель.

* * *

Зорин помолчал, потом спросил Алину:

— Что вы сказали?

— Я хочу сказать, что произошла какая-то ошибка! Этот человек — не тот, кто был со мной в санатории! У того — я это точно помню — не было половины мизинца на правой... Да, точно — на правой руке.

— Простите, но вы так уверенно...

— Он в остальном абсолютно похож на того человека... И тоже Алексей. Все один в один! Но у этого на руке все пальцы!

Алина несколько секунд молча изучала мое лицо.

— Как брат-близнец! И еще — у того Алексея на левой руке — вот тут, — она показала на свое запястье, — была татуировка. Вроде как змея, или что-то очень похожее...

— В форме змеи, значит — пробормотал Зорин. Он даже не стал просить меня показывать руку.

— Едем в управление, — спокойно сказал он, доставая мобильный телефон. — Игнат Валерьевич?.. С вас причитается... Да, я был абсолютно прав. Это не наш клиент... Да девушка даст показания, где среди особых примет будут фигурировать отсутствие одной или двух фаланг мизинца правой руки и татуировка в форме змеи на запястье левой... У Берестова ничего похожего нет... Ну, если эта змея и была накладной, то палец за два дня ни один человек вырастить не в состоянии, тут, думаю, вы спорить не будете... Да, мы возвращаемся. А ведь я говорил, что надо ждать чего-то подобного.

Зорин торжествовал. На мое счастье, мне попался следователь, который стремился найти правду, пусть даже и в ущерб показателям. А может быть, здесь просто имела место элементарная вражда по «вертикали власти», когда областные и городские органы любыми способами стараются утереть друг другу нос. Но понять, что угроза попасть в тюрьму по страшной статье прошла мимо, я понял лишь когда мы вернулись в комнату для допросов и между нами вновь провели очную ставку. Тут не просто гора с плеч свалилась, целая планета, наверное, перестала давить на меня своей тяжестью.

— Но что тогда с вашими показаниями будем делать, Алексей Кириллович? — спросил

Зорин, когда мы остались вдвоем.

— Я приехал в санаторий «Вантай» приятно провести вечер. Не рассчитал своих сил, и перебрал спиртного в баре. Напился почти до потери памяти. Но рано утром вдруг решил срочно вернуться в город, вообразив, что у меня много нерешенных дел. В частности, я ведь так и не встретился с Лихомановым... Так как в этот час уехать было не на чем, угнал моторную лодку, о чем искренне сожалею. Пока плыл, немного протрезвел и понял, что заблудился. Навстречу попались сотрудники милиции... Петр Тимофеевич, а я бы хотел, чтобы это все попало в протокол... Взамен моих первоначальных показаний.

Зорин почти грустно покачал головой. Он был согласен — я это хорошо видел.

— А вот с этим тогда как быть? — спросил он, подвинув ко мне плакат с изображением Степана Малютина, который где-то (уж не знаю где, да и знать не хочу) собирался сделать Алину дочерью депутата городского совета.

— Верните его мне, — предложил я. — И давайте сделаем вид, что я его вам никогда не показывал.

— Наверное, это будет лучше всего, — помолчав, произнес следователь. — Мы так и сделаем...

— За бензин и за беспокойство я заплачу, — сказал я. — Если придется уплатить штраф, тоже без проблем.

— Возможно, и без штрафа обойдется, — пожал плечами Зорин. — Это уже не прокуратура будет решать. Мы свое дело сделали. С вами. Теперь будем искать того Алексея... Мне почему-то кажется, что найти его нам не удастся... Знаете, что? Вам я бы тоже не советовал больше никого искать. Вокруг вас происходит что-то неладное. Снимайте деньги, платите, покупайте билет и уезжайте отсюда.

Я согласился с тем, что это здравый совет. Однако мне нужно было хотя бы попытаться сделать то, зачем я приехал сюда.

... Когда дверь квартиры после моего звонка открылась, у меня просто ноги приросли к полу. В прихожей стоял Грач... Но он явно не узнавал меня.

— Вы кого-то ищете? — спросил он приятным голосом.

Это был совсем другой человек. Просто внешне он выглядел совсем как тот сумасшедший.

За его спиной появилась женская фигура — как есть Воробей. А из-за занавешенного пледом входа в кладовку высунулась голова мальчишки — уверен, что это он гонял мяч по пустому городу. По моему городу.

— Мне нужен Сергей Лихоманов, генеральный директор фирмы «Оверхилл», — сказал я.

— Сергей — это я, — сказал человек, так невероятно похожий на Грача и почти совсем не напоминающий того Лихоманова, которого когда-то знал я. — А что касается «Оверхилла»... Это не твоя ли сестра, — обратился он к женщине, — работала в той компании?

— Надя? — уточнила женщина. — Нет, что-то не припомню...

— Ира, кто там? — донесся знакомый высокий голос из глубины квартиры.

— Извините, — сказал я. — Кажется, я на самом деле пришел не по адресу.

Больше книг на сайте — Knigoed.net